

Гершензон Михаил Робин Гуд

1. О ТРЁХ СВЯТЫХ ОТЦАХ И МИЛОСЕРДИИ БОЖИЕМ

*Двенадцать месяцев в году,
Двенадцать, так и знай!
Но веселее всех в году
Весёлый месяц май.*

Двенадцать, но самый весёлый – май! Зелёным шумом полны леса, по самый зелёный лес в Шотландии – Шервудский лес. Дождь обрызгал листву дубов, солнце торопится высушить землю, а в сырой прохладе лопаются за жёлудем жёлудь, гонят кверху ростки остролист и чертополох, пробивая зелёными стрелами рыхлую прошлогоднюю прель.

По узкой лесной тропе, то и дело пригибая головы и стряхивая с ветвей дождь радужных капель, ехали два всадника. Копыта лошадей глубоко уходили в разбухшие листья, мох и молодую траву.

Птицы звонко пересвистывались над головами путников, словно потешались над неуклюжей посадкой толстенького, который трусил впереди. Он болтался в седле из стороны в сторону, так что распятие подпрыгивало у него на груди. Капюшон его плаща сполз на затылок, открыв дождевым каплям и солнечным лучам блестящую круглую, как тарелочка, тонзуру.

Второй всадник, ехавший следом за ним, посмеивался, глядя, как короткие ножки его спутника беспомощно ловят подтянутые к самой луке седла стремяна. Он одет был в такой же плащ, и такое же распятие висело у него на груди. Только поверх плаща и спереди и сзади нашито было по большому кресту.

Не только по этим крестам можно было узнать в нём крестоносца: он сидел на коне прямо, чуть-чуть подавшись назад, и даже монашеский плащ не мог скрыть его могучего роста и широких плеч. Это была посадка воина, привычного к седлу и к дальним походам.

– Подле острова Корсика, – говорил крестоносец, спокойно покачиваясь в седле, – подле острова Корсика водятся рыбы, которые, выскочив из моря, летают по воздуху. Пролетев около одной мили, они снова падают в море. Однажды Ричард Львиное Сердце приказал подать обед на палубе, и одна из таких летучих рыб упала на стол прямо перед королём...

«Так, так», – постучал дятел, повернув головку и недоверчиво поглядывая на крестоносца.

Но тот продолжал:

– Диковинная рыба также камбала. Вы знаете, отец приор, это рыба великомученицы Агафьи.

Маленький всадник придержал лошадь.

– Почему же вдруг святой Агафьи, каноник? Я слышал, что камбала – это рыба богоматери. Говорят, что пречистая однажды пришла к рыбакам, которые вкушали от этой рыбы, и сказала им: «Накормите меня, потому что я – мать божия». Но рыбаки не поверили и стали смеяться над нею. Тогда святая дева протянула руку к-сковородке, на которой лежала наполовину съеденная рыба, и половинка рыбы ожила и запрыгала на сковородке. С тех пор камбалу и зовут рыбой богоматери. А при чём тут святая Агафья?

– Не верьте, отец, – ответил каноник, – Такие басни выдумывают люди, которые не видели света и всю жизнь просидели в своём приходе. Я знаю совершенно точно, что камбала – это рыба святой Агафьи. Когда мы покинули Сицилию, нам случилось пройти мимо огненного острова Мунтгибель. Когда-то он изрыгал столько пламени, что возле него высыхало море и огонь сжигал рыбу. И однажды большой огонь вырвался из жерла горы Мунтгибель и двинулся к городу Катанаму, где почивали чудотворные мощи блаженной

Агафьи. Тогда жители города Катанама стеснились вокруг её гробницы и выставили её плащаницу против пламени. И огонь возвратился в море и высушил воду на расстоянии одной мили и сжёг рыбу. Немногие из рыб спаслись полусожженными – от них произошла камбала, рыба блаженной Агафьи... Что с вами, святой отец?

Маленький всадник так резко остановил свою лошадь, что конь каноника ткнулся мордой в её круп. Отец приор испуганно вглядывался в лесную чащу, словно увидел в кустах жимолости страшное чудовище.

– Что с вами, отец приор? – повторил свой вопрос каноник, убедившись, что ни справа, ни слева от дороги не видно ничего угрожающего.

– Скажите, каноник, – прошептал маленький всадник, – ведь это... ведь в этих лесах скрывается Робин Гуд?

Лёгкая тень пробежала по лицу крестоносца: может быть, просто птица пролетела между ним и солнцем, может быть, ветка, качнувшись, уронила на него прохладу.

– Ну и что же? Надеюсь, вы не боитесь жалкого разбойника, отец приор?

Очень тихо, точно опасаясь, как бы соседние дубы не услышали его слов, маленький всадник ответил:

– Боюсь, дорогой каноник. Вы ведь знаете, я не из храбрых. И потом, вы слышали, что говорил аббат в монастыре святой Марии? Они чаще всего нападают на нас, беззащитных служителей церкви.

– Хотел бы я встретиться с этим хвалёным разбойником! – сказал каноник. – Не думаете ли вы, что он страшнее сарацин? Оставьте заботу, отец приор. Вот эта кольчуга, – при этих словах крестоносец распахнул свой плащ, – вот эта кольчуга отразила тучи стрел под стенами Иерусалима, а этот меч, – тут он выдернул наполовину из ножен короткий меч, – будет вам такой же верной защитой, какой был королю Ричарду на Аскалонских полях.

Дёрнув поводья, каноник объехал лошадь своего спутника и решительно двинулся вперёд. Отец приор потрусил за ним, стараясь не отстать ни на шаг. С полчаса они ехали молча.

Мало-помалу лошади ускорили шаг; солнечные сетки гораздо быстрее скользили теперь по лицам всадников, непочтительные ветви задорнее сбрасывали на путников пригоршни алмазов, и распятие все яростней колотилось на груди неумелого ездока.

Деревья расступились, и лошади пошли рядом, голова к голове.

Отец приор оглянулся через плечо и прошептал:

– Вы знаете, каноник, почему я боюсь Робин Гуда? В день святого Климента убежал у меня послушный виллан, Клем из Ключа. Прошёл слух среди моих людей, будто он ушёл к разбойнику в Шервуд. Плохо придётся мне, если я встречу его в лесу.

Горелый пенёк в сумраке леса часто прикидывается человеком, опустившимся на колени, а хитрые дрозды пересвистываются и вовсе разбойничьими голосами...

– Хотел бы я знать, о чём думает лорд шериф, – громко сказал крестоносец. – И что ему стоит прислать сюда десяток хороших солдат! Будь я на его месте, через три дня голова разбойника болталась бы на рыночной площади в Ноттингеме!

– Тише, тише, каноник, не искушайте провидение. А я так думаю, что шериф ничего тут не может поделать. Ведь у Робин Гуда нора – под каждым кустом. Поди-ка его поймай, когда каждый виллан, каждый раб готов отдать ему свою шкуру на сапоги и в беде поминает прежде его, а потом уж святую деву.

Теперь то одна лошадь, то другая забегала вперёд, и всякий раз отставшей приходилось нагонять свою соседку.

– Да не спешите вы так, отец приор! – воскликнул наконец каноник, заметив, что его спутник окончательно выбился из сил. – Если вы будете так сильно болтаться в седле, у вас непременно лопнет подпруга. Бросьте поводья, пусть лошади отдохнут. Я не рассказывал ещё вам, как мы встретились в Средиземном море с кораблём сарацин?

Лошади пошли шагом; после быстрого бега они продолжали носить боками, шерсть на

груди у них потемнела от пота.

Каноник перекинул ногу через седло и сел боком, обернувшись к своему спутнику.

– Завладев островом Кипром, мы двинулись к Аккре. Близ этого города мы заметили сарацинский корабль. Борты его были выкрашены зелёной и жёлтой краской, три высокие мачты уходили под облака. Мы узнали потом, что на этом корабле сарацины везли оружие всякого рода – пращи, луки, копья – и двести штук самых ядовитых змей на погибель христианам. Тучи стрел посыпались на нас. Наши галеры окружили корабль со всех сторон, но ничего не могли сделать. Король Ричард кричал изо всех сил: «Неужели вы дадите врагу уйти невредимым? Так знайте же: вы будете повешены тут же на мачтах, если сарацины уйдут живыми!»

Маленький всадник бросил восторженный взгляд на крестоносца, потом украдкой скользнул глазами по зарослям справа и слева от дороги и продолжал слушать рассказ.

– Эти слова придали нам храбрости, – рассказывал каноник. – «Смелее, воины Христовы!» – крикнул я. Мы накинули верёвки на руль вражеского корабля и по этим верёвкам взобрались на борт. Многим сарацины отрубили руки, многих сбросили в море. «На нос!» – крикнул я, расчищая мечом дорогу. Все мои товарищи пали, прославляя имя господне. И я очутился один на носу корабля. Десяток кривых сабель...

Вдруг лошади стали.

От неожиданного толчка крестоносец, сидевший в седле боком, едва не упал.

Посреди дороги, протянув руку вперёд, стоял монах в изорванном, заплатавшем плаще.

– Святые отцы, подайте нищему служителю Христову! – послышался голос из-под капюшона. – За весь день мне никто не подал ни фартинга на ужин.

Услышав смиренные слова, маленький всадник облегчённо вздохнул. Лицо его, мгновенно ставшее белым, снова оживилось. Он сунул было руку в кошель, когда крестоносец крикнул:

– Проваливай с дороги, монах! Нашёл у кого просить – у нищих служителей церкви! Нет у нас ничего, ступай своей дорогой.

Каноник тронул поводья и проехал мимо нищего. Но нищий догнал его одним прыжком. Сильной рукой он схватил лошадей под уздцы и остановил всадников.

– Святые отцы, – сказал он тихим, спокойным голосом, – неужели мы не заслужили у господина бога нескольких золотых монет! Братие, преклоним колена и воззовём к милосердию божию. Может быть, господь услышит нашу молитву и ниспошлёт нам от щедрот своих на пропитание.

Каноник положил руку на рукоять меча. Но монах заметил это движение. Он тряхнул головой, и капюшон упал ему на плечи. Молодое, румяное лицо оказалось у монаха. Русая бородка, ровные белые зубы под задорными завитками усов. Крестоносец поспешно слез с коня. Его маленький спутник стоял уже на коленях, сложив руки на груди для молитвы. Неловко подгибая длинные ноги, каноник опустился рядом с ним. Тут и монах преклонил колена.

– Ну, братие, – сказал он, – вознесём молитву к престолу всевышнего. Повторяйте за мной: «Господи боже, внемли смиренным рабам твоим...»

Святые отцы перекинулись быстрым взглядом.

– Господи боже, внемли смиренным рабам твоим... – дрожащим голосом прошептал приор, подняв глаза к небу, заслонённому яркой зеленью дубов.

– Господи боже, внемли смиренным рабам твоим... – торопливо прошептал за ним каноник.

– «...и ниспошли нам на пропитание...»

– ...и ниспошли нам на пропитание...

– «...золота...»

Не смея повернуть голову, маленький путник искоса посмотрел на крестоносца. Тот, втянув голову в плечи и согнув дугой могучую спину, повторял побелевшими губами:

– ...золота...

– «...елико возможно больше!» – громко воскликнул нищий монах, вскакивая на ноги.
– ...елико воз-змо-жно... больше, – холодея от страха, прошептали святые отцы.
– Отлично, братие! – сказал нищий. – Вы хорошо молились – видать, от чистого сердца. Уж, верно, господь услышал нашу молитву. Давайте же, братие, осмотрим карманы наши и поделим по-братски всё, что послал нам всевышний. Начну-ка я первый.

Лукаво посмеиваясь, нищий монах обшарил свои карманы.

– Гм! Видно, я грешен перед господом богом: у меня в карманах ничего не прибавилось после молитвы.

– И... и у меня ничего не прибавилось! – в один голос ответили святые отцы.

– Разве? А мне почудился звон. Ведь у вас ничего не было прежде, ни фартинга? Сдаётся мне, всё же молитва наша дошла до престола господня. Посмотрим, посмотрим, чем подарило нас милосердие божие... О! Да тут и впрямь что-то есть!

Так воскликнул нищий монах, вытаскивая из кармана крестоносца туго набитый кошель.

– А теперь у вас, святой отец!

Второй кошель, не менее пухлый, упал на траву рядом с первым.

Под пристальным взглядом нищего крестоносец скинул на землю свой плащ, разостлал его пошире и высыпал на него две пригоршни звонких монет. Он безропотно разделил их на три равные части.

– Блажен, кто верует! – воскликнул монах, сгребая с плаща свою часть золота. – Возблагодарим господа за милосердие его!

Но святые отцы не стали молиться на этот раз.

Поспешно упрятав отощавшие кошель, они вскочили на лошадей и помчались прочь.

Маленький всадник мешком повалился на шею своего скакуна и крепко вцепился руками в гриву. Зато крестоносец показал, как искусно умеют обгонять ветер храбрые победители сарацин.

2. О ЧЕТВЁРТОМ СВЯТОМ ОТЦЕ

*И только монах зашёл в глубину,
Он Робина кинул в поток.
«Хочешь – поплавай, а хочешь – тони;
Тебе выбирать, паренёк!»*

Зелёная завеса скрыла всадников от глаз. Но нищий монах долго ещё прислушивался к затихающему вдали топоту копыт и треску валежника.

– Клянусь святым Кесбертом, – усмехнулся он, – эти молодцы потягаются в беге с любым оленем! Они слетят сейчас с обрыва в ручей – это так же верно, как то, что их золото звенит у меня в кармане.

Глухой всплеск подтвердил его догадку.

Раздвинув гибкие ветви орешника, монах достал из дупла векового дуба лук, колчан со стрелами и окованную железными кольцами дубину. Весёлая песня понеслась по лесу:

Жирные гуси, жареные гуси
Прямо с вертела в аббатство летят.
«Кому гусей горячих?» —
Святым отцам кричат.

Колчан скрылся под широким плащом, лук со спущенной тетивой повис за плечами. Монах зашагал по тропинке, вертя дубину над головой. Он шёл не спеша, лёгкой походкой, глубоко вдыхая запах лопающихся почек и свежей травы. Иногда он подкидывал дубину вверх, сшибая с прозрачного зелёного свода осколки радуг, запутавшихся в мокрой листве.

Где-то свистнула иволга, и монах ответил ей таким же звонким коленцем. Лесная тропа раздвоилась.

В последний раз монах бросил взгляд на следы подков и свернул вправо.

С каждым шагом лес становился гуще и глуше. Тропинка вилась ужом между кряжистыми стволами, нога то глубоко погружалась в сырой мох, то натывалась на узловатые обнажённые корни лесных старожил. Солнце едва пробивалось сквозь густую листву.

Ловко ныряя под ветвями деревьев, перепрыгивая через упавшие стволы, монах пробирался все дальше и дальше на север.

Тропинка давно пропала в подлеске, по монах не колебался в выборе дороги. На широкой поляне, окружённой шумной толпой лесных великанов, он скинул с себя вымокший до нитки монашеский плащ. Ярко вспыхнула на солнце малиновая куртка. Человек в малиновой куртке подбежал к молодому дубочку, который приподнимался к небу на самой середине лужайки, весело разминая ветви и пошевеливая листьями.

– Эге! – крикнул человек, остановившись перед весёлым деревцем. – А вот и моя стрела!

Дерево было пробито стрелой, когда ствол его был ещё гибок и тонок, как стебель. Стрела пробила дубок и засела в нём. А теперь ствол дерева окреп, поднялся кверху и унёс с собой стрелу. Человек в малиновой куртке поднял руку, но не дотянулся до стрелы.

– Подивился бы старый Генрих, если бы увидел, как вырос дубок за эти годы. И лука давно уже нет, который он подарил мне тогда за хороший выстрел, а стрела все цела.

Он долго стоял не шевелясь, прислонившись плечом к молодому дереву.

Ящерица пробежала по мокрым ремням его сандалий и юркнула в траву.

– А какие глаза были у старика! – задумчиво сказал лесной бродяга и тряхнул головой, точно хотел сбросить невесёлые мысли.

Порыв ветра качнул вершины деревьев, обступивших поляну.

– Да, Линдхерстский лес остаётся Линдхерстским лесом. Скоро будем к вам в гости! – воскликнул человек, отвечая дубам на поклон поклоном. – Сыщи тут, шериф, меня и моих молодцов.

Подмигнув ястребу, парившему в небе, он пустился в обратный путь. Монашеский плащ высох уже; ящерица скользнула по нему и спряталась в капюшоне.

Жирные гуси, жареные гуси,
Жареные утки с выводком утят
Прямо в аббатство,
В смиренное братство...

– Э, да мне сегодня удача! – рассмеялся лесной бродяга, спрыгивая с обрыва на берег ручья. – Поутру – два монаха, а вот и ещё один. Однако, чтобы наполнить его брненное тело, не хватит и бочки доброго эля...

Лесной бродяга бесшумными шагами направился к монаху, сидевшему на камне у ручья. Он подошёл к нему так тихо, что тот и ухом не повёл. Человек в малиновой куртке остановился, с удивлением глядя на грузную фигуру отшельника.

Грубый суконный плащ, прикрывавший его плечи, был так широк, что под ним легко спрятался бы изрядный стог сена. Вокруг давно не бритой тонзуры мелкими колечками курчавились рыжие волосы. Задумчиво уставившись на воду, монах перебирал тяжёлые свинцовые чётки.

– Хотел бы я знать, святой отец, – сказал вдруг человек в малиновой куртке, – хотел бы я знать, отец, много ли смирения помещается в таком здоровенном теле?

Медленно повернулась круглая голова на короткой шее. Монах поглядел на малиновую куртку маленькими сонными глазами.

– Смирение – мать всех добродетелей, – ответил он спокойно, без всякого удивления. – Будьте смиренны, яко агнцы, – так заповедал нам всеблагий господь.

– Ну что ж, если ты и вправду смиренная овечка Христова, перенеси меня на тот

берег, – приказал человек в малиновой куртке.

Ни слова не говоря, монах, точно слон, опустился перед ним на колени. Лесной бродяга взгромоздился к нему на плечи.

Шея монаха была так толста и крепка, что парню показалось, будто он уселся верхом на узловатую ветвь дуба. Свой лук и колчан он поднял над головой, чтобы не измочить их в воде. Дубинкой он помахивал в воздухе перед самым носом смиренного отшельника.

А тот, покорно склонив голову, шагал по воде. Полая вода ещё не сошла, и ручей был довольно широк и быстр, пеннистая струя разбилась о грузное тело монаха. Сперва вода доходила ему до колен, потом поднялась по пояс, по грудь.

– Но, но, осторожней, святой отец! Мне неохота купаться! – покрикивал на монаха ездок. – Небось вода холодна? А право, смирение – великая добродетель!

Между тем отшельник приближался к берегу. Человек, испытывавший его смирение, приготовился было спрыгнуть на землю. Но вдруг он почувствовал, что широкая рука святого отца стиснула его руку повыше локтя. Словно пёрышко монах снял его со своей шеи и опустил на берег.

– Брат мой, – сказал монах, подмигивая своему седоку, – смирение – великая добродетель. Не откажи, будь добр, перевези меня на тот берег.

– Ого! – рассмеялся лесной бродяга. – Ты, я вижу, тоже любишь хорошую шутку! Ну что ж, долг платежом красен. Держи повыше мой лук и стрелы, чтобы они не намокли.

– Ладно, ладно, уж я посмотрю. И дубинку мне дай заодно. Я, конечно, тяжеловат, но ты, видать, парень крепкий.

Человек в малиновой куртке присел немного, когда на него навалилась гора, одетая в мокрый суконный плащ. Он не прочь был бы скинуть в воду своего седока, да больно крепко стиснул коленками его шею святой отец. Отшельник весело помахивал в воздухе дубинкой, и длинные стихи из священного писания так и сыпались с его языка. Пошатываясь под тяжёлой ношей, лесной бродяга перебрался через ручей.

– А ведь ты и впрямь тяжёленек, – сказал он, ступая на берег.

– На все воля божия, – ответил отшельник, сползая с шеи своего нового друга. – Сколько ни умерщвляю плоть постом и молитвой, а всё же...

Но тут лесной бродяга одним прыжком вскочил на плечи святому отцу.

– Прокати меня ещё разок, приятель! Ты забыл, что мне надо на ту сторону, святой отец? Ну-ка, ну, поживей!

Он похлопал отшельника по тонзуре, как понукает лошадь хороший ездок. И, безропотно повернувшись, смиренный служитель Христов снова вошёл в ручей.

К этому времени малиновая куртка впитала в себя столько воды, что стала пунцовой. Но этот цвет, очевидно, показался отшельнику недостаточно тёмным, потому что, дойдя до середины ручья, он вдруг так резко тряхнул плечами, что его седок взлетел в воздухе, кувыркнулся турманом и опустился уже не на широкую спину святого отца, а на неверную, пеннистую поверхность потока. Молодец выскочил из воды с такой же быстротой, с какой вылетает из канавы брошенная туда ребятами кошка. Отшельник сидел уже на своём прежнем месте и, щурясь от яркого солнца, смотрел, как несётся к нему, вертя над головой дубину, парень в пунцовой куртке.

– Уж и выдублю я твою шкуру, святоша!

– Это нехитрое дело, – сказал монах, перебирая чётки, – нехитрое это дело – пересчитать ребра смиренному служителю церкви, у которого всего и оружия, что молитва да чётки. А вот посмотрел бы я, как бы ты попрыгал, будь в руках у меня жёрдочка вроде твоей.

При этих словах парень в пунцовой куртке остановился и опустил дубину. А святой отец, не дожидаясь приглашения, нагнулся и вытащил из-под куста отличную палицу, также окованную железом и сверкавшую от долгого употребления. Мокрый плащ его упал на землю, а дубина взлетела в воздух и принялась выписывать хитрые восьмёрки над его

головой. Лесной бродяга звонко рассмеялся.

– Ай да монах! – воскликнул он. – Вот это монах так монах!

Они закружились по поляне, обрушивая друг на друга град тяжёлых ударов. Но в руках хорошего бойца дубина – отличный щит. Стук пошёл по лесу, и пугливые синички поспешили вспорхнуть на самые высокие ветки. И как ни старались противники изувечить друг друга, дубина всегда встречала на пути другую дубину.

Кукушка прокуковала долгую жизнь одному и долгую жизнь другому. Два часа бились весёлые молодцы, и каждый прошёл добрых пять миль, отыскивая слабое местечко у своего врага; и пунцовая куртка стала малиновой снова, а кожаная куртка отшельника курилась паром, когда наконец дубина святого отца с размахухватила в самое темя молодца в малиновой куртке. Кровь потекла у него по лицу.

– Вот это удар так удар! – сказал бродяга, роня дубинку. – За этот удар я, пожалуй, прощу тебе расу.

Вскочив на ноги, он пустился к ручью, где лежал его лук. Не больше мгновения ему потребовалось, чтобы выхватить из колчана стрелу и натянуть тетиву. А когда он обернулся, святого отца уже не было на месте.

– Никак, он провалился сквозь землю! – промолвил парень.

Но тут из-за старого дуба показался отшельник – в железном колпаке, с мечом при бедре и со щитом в руках.

– А я уж думал, что ты за святость свою вознесён в небеса, – сказал парень, вскидывая лук. – Давно не бил я в такую большую мишень!

Но мишень оказалась на удивление проворной: щит сверкнул на солнце, стрела скользнула по нему и воткнулась в землю, дрожа от злости.

– Ты зря перепортишь все свои стрелы, дружище, – сказал монах, отбивая с таким же проворством вторую и третью стрелу. – А пожалуй, они пригодятся ещё тебе на этом свете.

– За такое искусство я, пожалуй, прощу тебе и тонзуру, – сказал бродяга. – Но имей в виду, святой отец: стоит мне затрубить в этот рог – и четыре десятка моих молодцов будут тут раньше, чем ты успеешь прочесть отходную своей грешной душе.

– Не спеши трубить, Робин Гуд, – рассмеялся монах, – стоит мне свистнуть вот в эти два пальца – и десяток добрых псов будет тут, чтобы встретить твоих молодцов.

– Дай же мне обнять тебя, фриар Тук! Я обшарил весь Пломптон-парк, чтобы найти причетника из Аббатава Риптона! Да свистни же скорей своих псов, чтобы я увидел, правда ли это, что собаки умеют на лету ловить пастью стрелы!

Тут Робин Гуд дунул в свой рог и протрубил в него трижды. И отец Тук вложил в рот два пальца, и оглушительный свист прорезал лесную чащу.

– Поглядим, поглядим, кто будет тут раньше, – промолвил монах, проверяя, целы ли железные кольца на дубине после хорошей драки.

И сразу с двух концов затрещали ветки в лесу.

Тридцать девять стрелков в зелёном линкольнском сукне вынырнули из густолесья. А навстречу им с лаем и воем, перепрыгивая друг через дружку, вырвались на лужайку к ручью дюжие рыжие псы.

Отец Тук одним словом смирил их ярость, и они улеглись, скрестив передние лапы, вывалив мокрые языки из зубастых пастей.

– Здравствуйте, молодцы! – сказал отец Тук, отирая со лба пот широким рукавом своей кожаной куртки. – Ради весёлой встречи первым долгом закон велит промочить горлышко кружкой доброго эля. В трёх полётах стрелы отсюда стоит моя скромная обитель. Олений бок, верно, ужарился в печи, если только не сгорел, пока мы с Робинотом тут разминали кости. Это, конечно, скромная трапеза для сорока молодцов! Но, клянусь святым Дунстаном, не всех оленей я перебил в королевских лесах.

Псы, сшибая друг друга с ног, понеслись вперёд по узкой тропке. Робин Гуд, обнявшись с отцом Туком, шёл впереди всех молодцов. В трёх полётах стрелы, там, где чаща казалась всего непроглядней, тропка вывела молодцов на просеку, к скромной обители

отшельника.

Сложенная из вековых стволов изба окружена была широким рвом, наполненным водой. Толстые цепи поддерживали узенький подъёмный мост.

3. О ВЕСЁЛОЙ ВСТРЕЧЕ СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

*И Робин обоих их за руки взял —
И ну вокруг дуба кружиться!
«Нас трое весёлых, нас трое весёлых,
Втроём будем мы веселиться!»*

– Клянусь святым Дунстаном, видно, как она растёт! – воскликнул Мук, сын мельника, обращаясь к своему соседу. Парень лежал на животе, подперев руками подбородок, и разглядывал пучок молодой травы, пробившейся на свет сквозь толстый слой прелого листа. – Кабы не обед, который урчит ещё у меня в брюхе, ей-ей, я принялся бы за свежую травку, как добрый конь!

– Вот ведь обжора! – рассмеялся Клем из Ключа. – А я так и думать не могу о еде. Право, служи я по-прежнему своему приору, мне хватило бы такого обеда до самого Михайлова дня.

– Охотно верю. Небось ты привык у него поститься и до Михайлова дня и после.

Стрелки лежали на самом припёке у ручья, неподалёку от той лужайки, по которой недавно кружились Робин и отец Тук, стараясь пересчитать друг у друга кости своими дубинками. Тёмными заплатами по молодой траве разбросаны были зелёные плащи лесных молодцов.

Кое-где ещё курились костры и потрескивало на угольях недоеденное мясо. Многие спали, осоловев от вина и сочной оленины.

Из избушки отшельника донеслись весёлые звуки лютни. К тонкому звону струн присоединился густой голос отца Тука:

Если ты купишь мясо —
С мясом ты купишь кости.
Если ты купишь землю —
Купишь с землёй и камни.
Если ты купишь яйца —
Купишь с яйцом скорлупку.
Если ты купишь добрый эль —
Купишь ты только добрый эль!

– Пойдём-ка послушаем, как поёт святой отец, – предложил Клем. – Сдаётся мне, что он ладит с лютней не хуже, чем с дубиной и чаркой.

Псы, лежавшие на дороге, не шелохнулись при приближении стрелков. Перешагнув через псов, стрелки вошли в обитель отшельника.

Посреди грубого дубового стола стоял пузатый бочонок, окружённый недопитыми ковшами из воловьего рога. Почерневший деревянный Христос терпеливо смотрел со своего креста на отца Тука, перебиравшего струны лютни.

Робин Гуд, Маленький Джон и Билль Статли смотрели на святого отца с удивлением и восторгом, потому что толстые пальцы причетника с необыкновенной лёгкостью порхали по струнам, а песен в его зычной глотке был неистощимый запас.

– Сколько монахов видал на своём веку, а такого не видывал, – сказал Билль Статли, когда отец Тук кончил петь. – Скажи-ка, отец, ты какого монастыря? Если в твоём монастыре все монахи вроде тебя, я охотно выложу последний шиллинг за тонзуру и, клянусь девой Марией, до конца дней не нарушу устава вашей обители!

Отец Тук повесил лютню на колышек, вбитый в стену. Он лукаво усмехнулся.

– Что ж, – сказал он, – коли хочешь повидать мой монастырь, отправляйся прямой дорогой в Рамзей, в графство Гентингдоншир. Оттуда рукой подать до нашего монастыря. Ты спроси, как пройти в Аббатов Риптон, – тебе всякий мальчишка укажет. Только ежели случилось бы тебе добраться до Риптона, избави тебя господь назвать там имя фриара Тука. Ибо в священном писании сказано: что посеешь, то и пожнёшь. А я посеял там хорошие колотушки.

– Билль, Билль! – укоризненно покачал головой Робин Гуд. – И не жаль тебе добрых товарищей, что собрался в монастырь? Если так не хватает тебе духовных наставлений, у нас будет отныне свой духовник, капеллан и келарь. Не так ли, святой отец?

– Уж больно легко принимаешь ты людей в свою дружину, – заметил отец Тук. – А ну как я вовсе не агнец божий, а наёмник Гая Гисборна или лесничий шерифа ноттингемского?

– Не тревожься, фриар Тук, у тебя найдутся поручители, – раздался голос Маленького Джона. – Если доброе вино не отшибло у тебя памяти, может быть, ты вспомнишь виллана Рамзейского монастыря Джона Литтля?

– Ещё бы не помнить! Из-за него-то мне и пришлось попрощаться с Аббатовым Риптоном. Помню, конечно, помню! Парень был видный, на голову выше тебя, стрелок.

– Неужто повыше? – Робин Гуд бросил быстрый взгляд на своего товарища. – А я-то думал, что не родился ещё на свет человек выше нашего Маленького Джона!

– Повыше, повыше, – повторил монах, – да, пожалуй, и в плечах пошире. Даром, что ли, случилась у нас потасовка? Когда взгромоздил он на себя целый стог сена и сказал: «Благодарствуйте, сэр сенешал», я думал, старик наш тут и протянет ноги...

– Да ты расскажи толком, святой отец, – вмешался в разговор Клем из Клю. – А то наплёл – ничего не понять. Что за сенешал такой и при чём тут сено?

– А сенешал – это управляющий в нашем маноре, в Аббатовом Риптоне. Я приставлен к нему был писарем и сумку носил с писульками. – Отец Тук кивнул на большую кожаную сумку, подвешенную к потолочине. – Пришли мы с ним на заливной луг в Готоне – принять работу у косарей. Этот самый Джон Литтль отбывал в тот день барщину и принёс с собой косу длиной в добрых семь футов, а окосье – с хорошую оглоблю. Сенешал мой было обрадовался, потому что Джон Литтль одним взмахом скашивал больше, чем трое других. Надо вам знать, что у нас испокон веку такое правило: в сенокос получает виллан за день работы столько сена, сколько поднимет на рукоятке своей косы. А если окосье сломается или коснётся земли, он теряет сено и уходит ни с чем. Так вот, этот самый Джон Литтль, как кончил работу, поднял на своей оглобле целый стог сена, и коса не сломалась и не коснулась земли. «Благодарствуйте, сэр сенешал». И пошёл прочь. А мой сенешал кричит: «Стоять! Нет правила, чтобы такая была коса». Он крикнул людей, и началась тут драка. Сенешал на меня накинулся: «Ты что стоишь, как дубина?» Я говорю: «Не могу, мне надо сумку беречь». Он у меня хочет взять сумку, а мне не понравилась его повадка – вижу я, Литтль прав. Стукнул я сенешала сумкой по голове. Он обмер. Я одного, другого сшиб с ног и распрощался с проклятым Риптоном. Всего и осталось на память, что сумка да десяток пергаментных свитков.

– Порадовались небось ваши вилланы пропаже! – сказал. Робин Гуд. – А ну-ка, фриар, покажи нам эти грамоты.

Стрелки с любопытством склонились над телячьей сумкой бывшего риптонского писаря. Отец Тук вытащил из неё пачку желтовато-серых свитков. Лица стрелков побледнели, глаза заблестели, а брови нахмурились, потому что каждый из них был когда-то вилланом и знал, чего стоят эти узкие полоски кожи.

– Вот он, хирограф Джона Литтля, – сказал отец Тук, раскатывая на столе ленту грубого пергамента, изрезанную по краю неровными зубцами.

– А ну-ка, почитай, почитай, – вздрогнув, сказал Маленький Джон и положил руку на стол, придерживая конец упругого свитка. – Посмотрим, сколь ты силен в грамоте, фриар!

Отец Тук хлебнул эля и принялся читать:

– «Джон Литтль держит одну виргату земли от Рамзейского монастыря. Он платит за

это в три срока. И ещё на подмогу шерифу – четыре с половиной пенни; при объезде шерифа – два пенни сельдяных денег. И ещё вилланскую подать, плату за выпас свиней, сбор на починку мостов, погайдовый сбор, меркет, гермет и герзум. На рождество – один хлеб и трёх кур в виде рождественского подарка; на пасху – двадцать яиц; за право собирать валежник – двух кур...»

Отец Тук читал, медленно покачиваясь из стороны в сторону.

Клем из Ключа, присев, внимательно смотрел ему в рот: искусство чтения удивляло его куда больше, чем искусство, с которым монах владел дубиной.

Билль Статли, и Мук, и Робин, точно сговорившись, перевели взгляд с пожелтевшего пергамента на вечерние облачка – золотые кораблики, скользившие в вышине по вершинам дубов.

– «...Каждую неделю, от праздника святого Михаила до первого августа, Джон Литтль должен работать в течение трёх дней ту работу, какая будет ему приказана...»

– Мы работали на господина по понедельникам, вторникам и средам, – задумчиво сказал Билль Статли.

– «...Если ему будет приказано молотить, то за один рабочий день Джон Литтль должен обмолотить двадцать четыре снопа пшеницы или ржи или тридцать снопов ячменя...»

– Вот и у нас было тридцать, – кивнул молодой Мук.

– «...А при расчистке старой канавы он должен прокопать ров длиной в одну руду... Джон Литтль должен собрать за один рабочий день две связки хвороста и пятнадцать связок терновника. Он должен вспахивать каждую неделю, от праздника святого Михаила до первого августа, по одной полосе совместной плуговой запряжкой с другими вилланами».

Облачка в небе вспыхнули малиновым огнём. С каждой строчкой новые и новые повинности обрушивались на несчастного виллана. Они оплетали его со всех сторон бесконечной паутиной.

Каждое слово напоминало стрелкам о кабале, от которой они бежали в леса, и все выше и выше поднималось небо над избушкой отшельника, и привольнее шумели тронутые багрянцем вершины деревьев.

Никто не заметил, как Маленький Джон, порывшись за пазухой, вытащил оттуда измятый, пропитанный потом клочок пергамента.

– «...В обычные же сенокосные дни, – читал фриар Тук, – он получает столько сена, сколько может поднять на рукоятке косы, так, чтобы коса не коснулась земли...»

Тут Маленький Джон швырнул на стол свою грамоту.

– А ну-ка, святой отец, проверь, не сойдутся ли мои зубцы с твоими!

Десяток широких ладоней сразу притиснул обе полосы пергамента к столу.

Зубцы свитков сдвинулись и сошлись вместе так точно, будто нож только что раскроил грамоту на две половины.

– «...Джон Литтль держит одну виргату земли от Рамзейского монастыря...» – эту строку прочёл отец Тук на клочке пергамента, брошенном на стол Маленьким Джоном. Он поперхнулся от изумления и вытаращил свои маленькие глаза на стрелка.

– Ну-ка, приглядишься, фриар Тук, правда ли это, что твой Джон Литтль был на голову выше меня? И в плечах пошире?

– А... а... а, пожалуй, что я и приврал, – отирая со лба пот, пробормотал отец Тук, и дружный хохот покрыл его слова.

Робин Гуд налил полный ковш и поднял его высоко над головой.

– За весёлый Шервудский лес! – воскликнул он. – За королевских оленей и наши меткие стрелы! За тридцать девять моих молодцов и за сорокового – фриара Тука!

Но фриар Тук решительно затряс головой.

– Погодите пить за фриара Тука, – сказал он. – Я не могу сейчас вступить в дружину. Честный человек должен держать свои обеты. У меня есть ещё должок перед святым Кесбертом, и, пока я не расплачусь с этим долгом, я над собой не волен.

Робин Гуд насупился и с досадой посмотрел на отца Тука.

– Какой же это обет ты дал святому Кесберту? Отправиться в святую землю защищать гроб господень?

– Нет, Робин, до гроба господня посуху не пройдёшь, а морем – какой корабль выдержит тяжесть такого брюха? Я поклялся святым Кесбертом отправиться в Ноттингем на состязание лучников и доказать всему свету, что лук в руках хорошего монаха посылает стрелы в мишень нисколько не хуже, чем в руках королевских стрелков. Состязание начнётся в пятницу, так что нынче ночью мне нужно пуститься в путь.

Робин Гуд ухмыльнулся, покручивая ус. Он кивнул головой.

– Такие обеты мы уважаем, фриар Тук. Такие клятвы нужно держать твёрдо. Но только, сдаётся мне, но в обиде будет святой Кесберт, если вместо тебя в Ноттингем отправится Маленький Джон. Ведь он ещё не расплатился с тобой за стог сена, который с твоей помощью унёс с заливных лугов.

Тут Робин подмигнул Маленькому Джону; тот поднял свой лук, натянул и спустил тетиву. Тетива пела.

– Клянусь святым Кесбертом, – воскликнул стрелок, – я заплачу твой долг сполна, фриар Тук! Дай мне стрелу из твоего колчана.

Отец Тук не заставил себя долго упрашивать. С притворным вздохом он протянул Маленькому Джону сплетённый из ивовых прутьев колчан. Тот вытащил стрелу и внимательно взвесил её на ладони. Потом сунул её обратно в колчан и выбрал другую, потяжелее. Широкий железный наконечник блеснул, как остро отточенный нож.

– Хороша, – сказал Маленький Джон, – пряма и устойчива на ветру. – Он сравнил с нею стрелу из своего колчана. – Можно подумать, что их делал один стрельник. Не хромой ли стрельник из Трента?

– Он самый. Кто же ещё умеет сделать такую стрелу? Но у тебя теперь две одинаковые. Смотри же не спутай, помни, какая из них моя.

– Не беспокойся, фриар, святой Кесберт будет доволен.

Робин Гуд поднёс к губам свой рог. Трижды протрубил рог. И не успел ещё звук его затихнуть в глубине леса, весёлая вольница собралась перед домом отшельника. Дружным криком приветствовали стрелки нового соратника – фриара Тука. Потом, рассыпавшись по чаще, двинулись к Шервудскому лесу.

По лесной тропе шли только Робин, отец Тук и Маленький Джон, а впереди них, широкой грудью раздвигая орешник, трусили псы святого отца.

Теперь кончилось время шуток. Робин Гуд толковал с друзьями о серьёзных делах. Он говорил о том, что шериф ноттингемский все теснее смыкает кольцо вокруг горсти отважных стрелков.

– Мы можем уйти в Линдхерстский лес, – говорил Робин. – Но что в этом толку? Нас только четыре десятка. А рабов в весёлой Англии...

Он не кончил фразы и некоторое время шёл молча. Потом потрянул головой.

– Ступай, ступай в Ноттингем, Маленький Джон, – сказал он вдруг. – Постарайся разведать, что замышляют наши враги. Мы должны знать наперёд, откуда грозит нам удар. Я подниму вилланов в Сайлсе и в Вордене. А пока... пока мы должны беречь наши силы, потому что во всей весёлой Англии – только четыре десятка свободных людей, только четыре, только четыре десятка...

Верхушки дубов и каштанов ловили ещё последние лучи солнца, но в лесу уже было темно.

4. О ТОМ, КАК МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН НАНЯЛСЯ К ШЕРИФУ В СЛУГИ

*«Хольдернес – родина моя,
А имя мне – Гринлиф.
Рейнольд Гринлиф, Зелёный Лист, –
Так звать меня, шериф».*

Чьё-то длинное тощее тело болталось на виселице, вертясь веретеном под резкими ударами ветра. На перекладине, охорашиваясь, чистила клюв ворона.

Маленький Джон крепче сжал лук в руке и, стиснув зубы, чтоб не вдыхать отравленный воздух, пустился бежать. Он едва касался земли, спеша уйти подальше. Когда сердце гулко застучало о ребра, он раскрыл рот и глубоко вздохнул. Запах смерти остался позади.

Вторая виселица ждала своей жертвы. Ветер раскачивал верёвочную петлю. Красное, истерзанное вороньём тело болталось под третьим глаголем.

А вот и четвёртый и пятый...

Это значит, что близко Ноттингем.

Упряжка из восьми волов протащила по дороге перевёрнутый лемехом кверху тяжёлый плуг.

Повозка горшечника прогремыхала навстречу.

– На праздник, стрелок? – окликнул Джона возница. – Торопись, народ собирается.

У северных ворот посреди поля возвышался ступенчатый помост для шерифа и знатных горожан.

Несмотря на ранний час, толпа простолудинов широким кольцом окружала уже стрельбище. По случаю праздника святого Андрея ремесленный и торговый люд отдыхал от трудов.

Крестьяне из соседних деревень спешили к городским стенам посмотреть на весёлое состязание. В этот день они были свободны от барщины и не смели работать на своей земле.

У коновязи, позванивая цепями, лениво жевали овёс низкорослые лошадёнки. Вокруг повозки мясника собрались лучники, прибывшие на праздник.

Свесив ноги с повозки, мясник о чём-то спорил с ними.

Маленький Джон узнал среди лучников Чёрного Билля, лесничего Бернисдэльских лесов. Встреча со старым знакомым не сулила ничего хорошего. И Маленький Джон остановился поодаль, облокотившись на коновязь. Опытным глазом он осмотрел своих соперников, а затем их оружие.

Тут были разные луки: и короткие, которые держат при стрельбе впереди себя и натягивают к груди, и длинные, шестифутовые, из испанского тиса и клопа, простые и покрытые лаком, с роговыми накладками, – но Маленький Джон мог бы поклясться своей головой, что ни у кого здесь нет лука, сработанного Рудольфом Краком из Эльсби, а в кожаных и плетёных колчанах нет ни одной стрелы, выточенной хромом из Трента.

Имя Робин Гуда вдруг долетело до слуха Маленького Джона. Позабыв осторожность, он подошёл к повозке мясника.

– Что же ты думаешь, – говорил мясник, обращаясь к тощему, как жердь, лучнику, – разве можно так выстрелить без помощи нечистой силы? Этому я ни за что не поверю. В нашем приходе есть один пилигрим, который обошёл весь свет, человек святой жизни: и у гроба господня был, и на горе Сион, и в Вифлееме, и пальмовые листья принёс из земли Иерихонской. Уж он-то знает. Он говорит, что стрелок, продавший душу дьяволу, берет святое распятие, как мишень, и стреляет в него стрелами. Он пускает в спасителя три стрелы, и дьявол даёт этим стрелам твёрдый прицел. Из распятия брызнет на них пречистая кровь, и потом эти стрелы не знают промаха, потому что дьявол направляет их полет.

– Только три стрелы, говоришь ты? А как же с другими стрелами? – спросил тощий лучник, сдвигая на затылок лисью шапку и отирая вспотевший лоб.

– Другие стрелы могут попасть в цель, а могут пролететь мимо. Пустив эти три стрелы, колдун стреляет уже несколько не лучше, чем всякий другой человек.

Мясник, откинув голову назад, приложился к большой кожаной бутылки. Стрелки, глотая слюну, с завистью слушали, как булькает у него в горле вино.

– А почему же Робин Гуд всегда стреляет без промаха? – спросил тощий лучник. – И в четвёртый, и в сотый раз?

– Почему ты знаешь, что он стреляет без промаха?

– Люди так говорят.

– Они ошибаются, – уверенно махнул рукой мясник. – Первые три стрелы убивают наверняка, остальные уже не во власти дьявола. Зато он может тебе отвести глаза. Когда колдун стреляет простыми стрелами в неживую мишень, дьявол может отвести глаза, и тебе покажется, будто стрела попала в цель. Выдерни такую стрелу из мишени и брызни на неё святой водой, она тотчас же обратится в дым. А если колдун стреляет простой стрелой в человека, сотвори молитву, и стрела пролетит мимо.

– Это правда, – подтвердил Чёрный Билль, моргнув косыми глазами, блестящими, как уголь. – Меня однажды молитва спасла от стрел Робин Гуда. Я попался его бродягам в руки, они приставили меня к дубу и стали стрелять. Я сотворил молитву, и господь отвёл от меня их стрелы. Целую тучу стрел пустили разбойники, и ни одна не задела меня...

Лучники переглянулись.

– Так-таки ни одна не задела? Неужто все пролетели мимо? – раздались недоверчивые голоса.

Лицо лесничего покраснело.

– Клянусь покровителем моим, святым Робертом, стрелы втыкались так близко, что я не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, моё платье было пронизано ими, по ни одной царапины не унёс я на теле.

– Клянусь святым Кесбертом, Чёрный Билль говорит правду! – воскликнул Маленький Джон, не удержавшись от смеха. – Он похож был на телячью шкуру, растянутую на доске у кожевника!

Лучники дружно расхохотались. Чёрный Билль, узнав старого врага, схватился было за нож, но Маленький Джон мгновенно выхватил стрелу из колчана.

– Постой, косоглазый! Ты забыл помолиться, чтоб господь спас твою шкуру.

– Берегись, мы теперь не в лесу! – угрожающе прошипел лесничий.

– Ты-то вернёшься в лес, – усмехнулся тощий лучник. – Спрячь поскорее свой нож, не то заржавеет. И язык держи за зубами, пока шкура без дыр. А ты, парень, – обернулся он к Джону, – покажешь своё искусство через часок. Не тревожь тетиву понапрасну... Ну-ка, ну-ка, мясник, расскажи нам ещё про колдовские стрелы.

Чёрный Билль, насупившись, отошёл в сторону. А мясник принялся рассказывать, как в их приходе, подле Донкастера, один колдун, желая иметь неминуемые стрелы, выстрелил на перекрёстке трёх дорог в деревянное распятие и пронзил спасителя прямо в грудь. И тотчас же из раны вырвалась красная молния, и преступник упал, поражённый небесным огнём...

Но в это время из ворот города вышла в торжественном порядке, с шерифом и его женой во главе, толпа по-праздничному разодетых рыцарей и горожан. И мясник забыл рассказать, что случилось с распятием и с колдуном, а слушатели его забыли о том, что рассказ не кончен. Все смотрели, как рассаживаются по местам знатные зрители.

– Так вот он каков, шериф ноттингемский! – повторял Маленький Джон, не сводя глаз с высокого старика, одетого в пурпурную, расшитую золотом мантию. – Так вот он каков, Ральф Мурдах, завтрашний мой господин! Постой, погоди, шериф, сыграем мы с тобой весёлую штуку!

Герольд протрубил в серебряный рог.

Лучники отделились от толпы и выстроились в ряд у подножия деревянного помоста.

К ним присоединился десяток стрелков из стражи шерифа, в тяжёлых шлемах и кольчатых железных рубахах. За двести ярдов поставлена была мишень – доска с тремя нарисованными кругами.

Народ нетерпеливо шумел, пока лучники метали жребий и устанавливали порядок стрельбы. Маленький Джон улыбнулся, когда жребий поставил его в одну пару с Чёрным Биллем.

Наконец приготовления были окончены. Солнце грело лучникам спины и ярко освещало мишень. Прозвенела первая тетива, и стрела вонзилась в третий, самый широкий круг. Вихрастый мальчуган, не в силах пробиться сквозь тесную цепь толпы, просунул

голову между ногами одного из зрителей.

– Плохой выстрел, – с видом знатока сказал он приятелю, сидевшему на земле под самым канатом. – Дядя Бен говорит: нужно с трёх выстрелов дважды ударить в самый маленький круг, в воловий глаз, чтобы стрелять по второму разу.

Маленький Джон забавлялся, глядя, как долго целятся слуги шерифа и как плохо слушаются их стрелы.

Средний круг оцетинился уже дюжиной стрел, а воловий глаз всё ещё был не тронут.

Тощий лучник в лисьей шапке, споривший прежде с мясником, первый попал в середину мишени. Две стрелы, почти не целясь, он всадил в воловий глаз, третья пошла вкось и воткнулась в широкий круг.

Кто-то в толпе захлопал в ладоши.

– Ястреба видать по полёту, – ухмыльнулся Маленький Джон. – Бьюсь об заклад, парень набил себе руку на королевских оленях!.. Ну, Чёрный Билль, покажи честному народу, как стреляет королевский лесничий.

– Уж не хуже вашего брата! – огрызнулся Чёрный Билль и шагнул к черте.

Лесничий долго-долго прицеливался.

Он сощурил глаза в узкую щёлку, и от этого его лицо, обросшее чёрной как смоль бородой, искривилось в смешную гримасу.

Стрела сорвалась с тетивы и вонзилась в воловий глаз.

– Bravo, Билль! – закричали в толпе. – Гляди не промажь во второй раз!

Лесничий снова поднял лук. Он оттянул тетиву до правого уха и застыл прищурясь.

– Да ну стреляй! Вконец окривеешь!

Но Чёрный Билль не выстрелил.

Он проворчал что-то в бороду, бросил на землю свою стрелу и достал из колчана другую.

Лесничий так старательно прицеливался, словно с трудом нащупывал в воздухе узенькую дорожку к мишени. И вторая стрела впиалась в воловий глаз рядом с первой.

Не обращая внимания на крики восторга, Чёрный Билль сунул палец в рот, послюнил его и поднял над головой. Он проверял направление и силу ветра. И третья его стрела так же долго выбирала дорогу и так же верно её нашла, как первые две.

– Три из трёх! – объявил начальник городских стрелков, наблюдавший за ходом состязания.

Чёрный Билль отвесил низкий поклон в ту сторону, где сидел шериф, потом насмешливо глянул на Маленького Джона.

– Вот как стреляют лесничие королевских лесов! – сказал он. – Ну-ка, сделай получше, бродяга!

Но Маленький Джон не хотел раньше времени показывать своё искусство. Ему нужно было только получить право участвовать во второй стрельбе.

Небрежной походкой подошёл он к черте и с такой быстротой спустил все три стрелы, что первая ещё дрожала, когда третья ударила в мишень.

– Пресвятая дева! – воскликнул мясник, вытянувшись во весь рост на своей повозке. – Он высыпал их, как горох! Ещё маленько, они догнали бы одна другую.

– Две из трёх! – объявил начальник стрелков и приказал людям поставить вторую мишень.

– Вот теперь мы с тобой потягаемся, – сказал Маленький Джон лесничему, когда слуги отсчитали от черты триста тридцать ярдов, воткнули в землю шест и повесили на нём кольцо, сплетённое из ивового прута.

Восемь лучших лучников дожидались, чтобы герольд протрубил в свой рог: три стрелка ноттингемского гарнизона, трое лесничих, тощий лучник в лисьей шапке и Маленький Джон.

Рыцарь, сидевший подле шерифа, встал, скинул с плеч конскую шкуру, которая

прикрывала блестящую кольчугу, и потребовал, чтобы ему дали лук. Он тоже хотел принять участие в народной забаве.

– Гай Гисборн! Гай Гисборн! – пронеслось в толпе.

– Где это видано, чтобы стрелять по второй мишени, не стрелявши по первой? – сказал с досадой тощий лучник. – Нет такого закона!

– Чудак! – пожал плечами Маленький Джон. – Для господ закон не писан.

Стрелки расступились, уступая дорогу рыцарю. Маленький Джон проводил его глазами. Он слышал, что Гай Гисборн поклялся изловить Робин Гуда и две недели кряду рыщет в лесах, надеясь напасть на его след.

Герольд протрубил начало второй стрельбы.

Рыцарь бросил наземь перчатки, поднял лук и выстрелил.

– Сэр Гай Гисборн! – воскликнул шериф. – Я вижу, вы стреляете из лука так же отлично, как владеете мечом и копьём на турнирах. У вас глаз столь же верный, как сердце.

Стрела, пущенная рыцарем, пронзила кольцо и воткнулась в шест. Он выстрелил снова, но на этот раз промахнулся.

– Проклятый лук никуда не годится! – сказал рыцарь и швырнул лук в сторону с такой силой, что, ударившись о землю концом, лук высоко подпрыгнул и громко хлопнула лопнувшая тетива.

Шериф поспешил успокоить своего друга:

– Не горячитесь, сэр Гай. Во всяком деле нужна привычка, и всё же вы с первого раза взяли верный прицел. Смотрите, моим стрелкам не везёт сегодня.

И правда, стрела за стрелой пролетали мимо мишени, и лучники один за другим покидали поле под весёлые крики и насмешливый свист толпы.

Только трое стояли теперь у черты: тощий стрелок, Чёрный Билль и Маленький Джон. Тощий стрелок всадил одну стрелу в шест рядом со стрелой Гая Гисборна. Ветер отнёс в сторону вторую и третью.

– Ну, ребята, ложитесь спать: Чёрный Билль начинает шуриться!

– Билль! Слышишь, цыган? Пососи пальчик ещё разок – авось высосешь счастье!

– Клянусь господом богом, хитрое дело – стрелять в такую мишень!

– Глядите, глядите, он метит в сторону, чтобы обмануть ветер!

– И кверху, чтобы взять мишень на излёте!

Целиться было трудно: ветер усилился, а к тому же на таком большом расстоянии метить надо было много выше мишени, чтобы стрела описала в воздухе широкую дугу и уже на излёте ударила в цель.

В первый раз Чёрный Билль взял прицел слишком низко, во второй – чересчур высоко.

В третий раз лесничий целился так долго, что какой-то шустрый воробышек успел усесться на стреле Гая Гисборна, в самой серёдке ивового кольца. Он чирикнул раз и другой, перескочил на стрелу тощего лучника и принялся щипать её оперенье. Это привело в восторг толпу, следившую за состязанием. Со всех сторон понеслись возгласы:

– Валяй, Билль, бей, не то он совьёт гнездо, прежде чем ты выстрелишь! Да, пожалуй, выведет птенцов!

Тетива прозвенела, и пёрышки взлетели над мишенью. Вычертив в воздухе правильную дугу, стрела вонзилась в шест, пригвоздив к нему воробья.

– Хороший выстрел, Билль, – сказал Маленький Джон. – Только если бы ты метил мне в сердце, я превратил бы тебя в ежа, прежде чем ты успел бы спустить тетиву. Нельзя ли очистить мишень от дичи? Я не охотник на воробьёв.

Остановившись в двух шагах от черты, Маленький Джон поднял кверху длинную тяжёлую стрелу и воскликнул, обернувшись к помосту:

– Эту стрелу посылаю не я! Эту стрелу посылает отец Тук из Аббатова Риптона по обету, данному им святому Кесберту!

Одно мгновение только помедлил стрелок. Снаряд, сработанный хромым стрельником из Трента, сорвался с тетивы и, блестя на солнце стальным наконечником, описал широкую

дугу. И прежде чем зрители успели подивиться искусству стрелка, вторая стрела и третья прошли сквозь кольцо. С такой силой были пущены стрелы, что ни одна из них не засела в шесте: тяжёлые наконечники расщепили его, как тонкий прут.

Шериф встал со своего места, но долго не давали ему говорить восторженные крики. Наконец, когда шум улёгся, он спросил Маленького Джона:

– Как твоё имя, стрелок, и откуда ты родом?

Маленький Джон припал на одной колено, отвесив шерифу глубокий поклон.

– Рейнольд Гринлиф моё имя, – ответил он. – А родина моя – Хольдернес.

– Такой ловкости в стрельбе я никогда ещё не видал! – воскликнул шериф, обращаясь к Гаю Гисборну. – Я возьму его к себе в дружину, сэр Гай.

Рыцарь кивнул головой.

– Я бы дорого дал, чтобы иметь среди своих людей таких молодцов.

Шериф подозвал к себе Маленького Джона.

– Рейнольд Гринлиф, – сказал он ему, – я хочу, чтобы ты остался у меня в Ноттингеме. Ты будешь сыт и одет и ни в чём не будешь знать отказа. А платы я положу тебе двадцать марок в год.

– Уж не знаю, что скажет мой господин, – словно колеблясь, пробормотал Маленький Джон. – Если вашей милости будет угодно, лорд шериф, я поеду спрошу у него.

– В этом я не могу отказать тебе, стрелок. Хороший слуга должен быть верен своему господину. Я подожду, а ты возвращайся скорей.

– Хорошо, – решительно тряхнул головой Маленький Джон. – И если мой господин отпустит меня, я буду служить вам, лорд шериф, верой и правдой, так же верно, как святой отец Тук служил в Аббатовом Риптоне.

5. О ДОБРЫХ ВИЛЛАНАХ САЙЛСА И ВОРДЕНА

*И пахарь в поле бросил плуг,
Кузнец оставил молот,
Старик бежит, стуча клюкой,
Как будто снова молод.*

В день святого Петра в веригах зазвенели косы на полях вокруг Сайлса. Высоко поднимались рожь и ячмень; тяжёлые колосья и в ночь не остывали: золотые упругие ости шуршали теплом, как горячие обломки солнечных лучей. На заре косари выходили на барщину. Они шли к господским полям мимо своих полосок. Жаворонки взлетали из-под ног. В полдень звенели жаворонки в синем небе, а косари запевали песню:

Коси, виллан, сплеча, сплеча,
Покуда нива горяча,
Овёс, пшеницу и ячмень,
Пока придёт Михайлов день.

Господский хлеб мы снимем в срок,
Отбудем помочь и оброк,
А с нашим хлебом подождём,
Пока поляжет под дождём...

С господских полей урожай ручейками и реками тёк в закрома, а на болотистых и каменистых боватах вилланов хлеб все стоял; пернатые воры клевали зерно, и мыши растаскивали его по своим подземельям.

В день святого Михаила, когда, окончив уборку, веселятся монахи и рыцари, пришёл глимен в Сайлс, весь день бродил из землянки в землянку, из дома в дом и нигде не нашёл веселья.

Солнце скатилось под уклон. Глимен привязал медведя у колодца посреди дороги и

ударил по струнам лютни.

Он пел невесёлую песню про доброго виллана и про злого старосту – рива.

Говорилось в песне о том, как злой староста – рив – пришёл к виллану. В руках у рива был свиток телячьей кожи с печатью зелёного воска; этот свиток был длинным и долгим, как путь грешника в аду. Злой рив развернул свой свиток и стал спрашивать доброго виллана:

«Две боваты земли ты держишь от благородного лорда сэра Стефена. Не так ли?»

«Именно так, – отвечал пахарь. – Одну бовату камня я держу, благородный рив, и одну бовату болота».

«Заплатил ли ты в этом году господину два шиллинга и шесть пенсов скатпенни?»

«Заплатил, благородный рив».

«А шестнадцать пенсов аверпенни?»

«Заплатил, благородный рив».

«Полчельдрона овса?»

«Полчельдрона овса».

«Двух кур, десять яиц?»

«И двух кур и десять яиц, благородный рив».

«А работал на барщине по три дня в неделю?»

«И по три и по четыре работал, кроме пасхальной недели и троицыной, потому что таков обычай».

«А являлся ли на четыре осенних помочи для жатвы?»

«Со всей семьёй приходил, благородный рив, – с тремя сыновьями и двумя дочерьми, только жена оставалась дома».

«А вспахал и взборонил ты три роды земли по повинности, называемой аверерт?»

«И не три, не четыре, а шесть род я вспахал по повинности, называемой аверерт».

«А сделал ли ты для господина лодку к ярмарке святого Кесберта?»

«Сделал, благородный рив. К весенней ярмарке я сделал поллодки вместе с Вильямом Кривым, а к осенней – пол-лодки вместе с Джоном Бедиком».

«Хорошо, – сказал благородный рив. – Ты говоришь правду, потому что так записано у меня в свитке с печатью зелёного воска. Но мне стало известно, виллан, что ты совершил грех против своего господина. Молол ли ты свой ячмень на мельнице, принадлежащей благородному сэру Стефену?»

«Нет, – ответил крестьянин. – Я молол свой ячмень дома, на ручной мельнице, и ничего не заплатил за помол сэру Стефену, потому что мельницу эту я вырубил из камня своими руками».

«Как же ты думаешь, что будет с тобой за этот грех?»

«А будет со мной, благородный рив, то же, что ждёт меня за второй мой великий грех».

«А какой же второй твой грех?» – спросил доброго виллана рив и опять развернул свой свиток.

«А второй мой грех – я убил благородного рива!»

Так воскликнул добрый виллан и ударил рива ножом.

И злой рив лежал на дороге убитый, и никто не стал хоронить его, и свиньи сглодали свиток с печатью зелёного воска и правую руку благородного рива...

Вот какую песню спел глимен в день святого Михаила, в весёлый праздник Майклмас, и добрые вилланы дважды повторили припев, потому что им понравилась смелая песня.

– Хорошая песня, хорошая песня! – сказал крестьянин с рыжими волосами, которого звали Билль Белоручка.

И он опять повторил припев:

Вилланскую подать,
Погайдовый сбор
Платите, вилланы,
И весь разговор!

Налог на дорогу,
На дом и на двор
Платите, вилланы,
И весь разговор!

И долго молчали пахари у колодца в Сайлсе, а в небе уже показалась первая звёздочка.

– Кто ж из вас придёт на помощь доброму виллану, который убил благородного рива? – спросил глимен, которого звали Робин Гудом.

Но все молчали, потупив глаза. Тогда стрелок, не говоря ни слова, отвязал медведя от колодезного столба. Он вытащил из-за пояса сыромятную плеть и вытянул медведя по морде. Зверь с удивлением посмотрел на своего хозяина. Чёрная пасть его приоткрылась, обнажив пожелтевшие пеньки зубов. И в тишине, как далёкий гром, прокатилось грозное рычание.

– Смотрите, – сказал Робин Гуд, – у зверя кольцо в носу я зубы сгнили. Но он рычит под плетью. А вы...

Он обвёл собравшихся пристальным взглядом. Злая усмешка скользнула по его лицу.

– Кто же из вас придёт на помощь человеку, который несмел поднять руку на благородного рива?

– Мы все готовы, – тихо ответил крестьянин с рыжими волосами, которого звали Билль Белоручка. И лицо его было рыжим – столько было на нём веснушек.

– Да, мы готовы, глимен!

Так ответили вилланы, старые и молодые.

Робин Гуд опёрся на медведя, обхватив руками его мохнатую шею. Он смотрел в ту сторону, где дорога, взбегая на холм, поворачивала к Вордену. В тусклом вечернем свете видна была тёмная толпа, спускавшаяся с пригорка вдаль. Красные огни факелов мерцали сквозь ветви придорожных раки.

– Слушайте, – сказал стрелок, высоко подняв руку, – в Вордене зарычали медведи.

Теперь слышны уже были и голоса. Издалека толпа казалась маленькой, но она запрудила всю улицу, докатившись до Сайлса. Рябой, широкоплечий, приземистый крестьянин шёл впереди, окружённый вилами, ножевыми клинками, насаженными на палки, и факелами. На длинной прыгающей жерди он нёс срубленную голову старосты.

– Скателок, это ты?! – крикнул Билль Белоручка, взглядываясь в лицо вожака.

Со страхом и радостью смотрели все на окровавленную голову рива, освещённую шатким пламенем факелов. Над рёвом и гулом толпы висели возгласы:

– К манору! К манору! Жечь писцовые книги!

Медведь зарычал и прижался к Робин Гуду. Вилланы из Вордена смешались с вилланами из Сайлса.

– Мы идём к сэру Стефену жечь писцовые книги! – сказал рябой Скателок.

– В этих книгах и наше горе! – сказал Билль Белоручка.

А вожак из Вордена продолжал:

– Добрые вилланы! Вам знакома эта голова. В Вордене некому больше гнать нас на барщину и некому собирать оброк. Мы сожгли мельницу, где вы оставляли сэру Стефену треть от каждого чельдрона зерна. Мы разбили большие жернова. Покажите, что осталось от господской мельницы, люди!

Осколки гранита пошли по рукам.

– Мы сожжём все грамоты, где записана наша горькая доля! Все податные списки, все свитки зелёного воска, каждый лоскут телячьей кожи, какой найдётся в маноре! К манору, к манору!

Робин Гуд с тревогой взглядывался в толпу. Он не мог отыскать ни Билля Белоручки, ни других сельчан, которые только что повторяли припев его песни. Когда вилланы из Вордена двинулись вперёд, он помедлил один у колодца, дивясь, почему так дружно исчезли жители

Сайлса.

– Так-то, старик, – грустно сказал он, вороша густую шерсть на загривке медведя. – Видно, зря я старался: слишком много рабов в весёлой Англии, слишком мало людей.

В это время сразу из всех переулков хлынул народ. Темноту разорвали редкие факелы. Горящая смола осветила топоры и косы, мечи, вилы, дубины, босые ноги и сотни сверкающих глаз.

– К манору! К манору! Жечь писцовые книги!

Билль Белоручка бежал впереди с косарём, каким вырубают кустарник в канавах.

– Ну, моё оружие при мне, – усмехнулся Робин Гуд, вскидывая лютню к груди и поправляя лук за плечом. – Идём, старина.

Звона струн не было слышно в шуме. Но голос глимена перекрыл все голоса:

Служили мы верно
До этих пор.
В руках у виллана
Блестит топор.
Нынче начнётся
Другой разговор.
Крепко построен
Господский манор,
Но меч у виллана
Остёр, остёр!
До неба встанет
Жаркий костёр.
Пахари, дружно!
Сильней напор!
Нынче весёлый
Начнётся спор.

Медведь бежал вперевалку, осторожно выбрасывая вперёд лапы, чтобы их не отдавили в толпе.

6. О ШУМНОМ ОБЕДЕ В ДОМЕ ШЕРИФА НОТТИНГЕМСКОГО

*Есть у меня и для хлеба мешок,
Чтоб корки просить у порога,
Для соли мешок, для зерна, для вина,
А последний – для звонкого рога.*

За отдельным столом, на возвышении, сидел шериф ноттингемский Ральф Мурдах со своей женой. Пониже, за большим столом, сидели рыцари, старшие начальники городской стражи, любимые слуги шерифа и торговый люд Ноттингема.

Прислужники внесли глиняные миски с водой, и гости ополоснули руки.

Священник прочёл молитву, и трапеза началась.

Повара на огромном деревянном блюде принесли зажаренного целиком барана. Шериф первый вытащил из-за пояса нож, наострил его о сапог и отрезал по куску себе и жене.

Блюдо с бараном обошло большой стол; под конец круга на нём осталось только несколько голых костей. Перед каждым из гостей на широком ломте хлеба дымилось душистое, щедро приправленное пряностями мясо. Вино широкой струёй потекло в серебряные кубки.

Гости, подлизывая сало, стекавшее по рукам, слушали песню заезжего менестреля. Менестрель прибыл из германского города Вормса, где сидел заточенный в темницу король Англии Ричард.

– Я спою вам песню, сложенную королём, – сказал менестрель.

Он прижал подбородком к плечу свою скрипку и запел. Дробный дождь барабанил по пергаменту, которым затянуты были окна, заглушая голос певца и плач скрипки. Три-четыре пса вертелись под столами, то и дело поднимая грызню из-за лакомой кости, а у порога распахнутой настежь двери толпились полуголые, измокшие нищие, оспаривая добычу у собак.

Рейнольд Гринлиф отведал и баранины, и голубей, и кур, и каплунов.

Менестрель пел на провансальском наречии, непонятном для шотландца. Сперва стрелка позабавила тонкая фигура менестреля, шёлковый кафтан и визгливый женский голос. Потом ему наскучило слушать, он откинулся на спинку скамьи и обхватил руками колени.

«Пищит, как девчонка! То ли дело песни отца Тука!» – подумал Рейнольд Гринлиф.

Дружный раскат грома заглушил на мгновение голос менестреля.

«А славно они сейчас проводят время в Бернисдэльских пещерах. Небось изловили какого-нибудь монаха и считают его казну...»

Он протянул руку, взял с блюда жирную жареную утку и, широко размахнувшись, кинул нищим за дверь. Вокруг неожиданной добычи началась драка. Но в это время подковы процокали по камням, и всадник, подмяв одного из нищих, круто осадил коня у самого порога.

– Привет благородному лорду шерифу и знатным гостям от сэра Стефена! – сказал гонец, опускаясь на колени перед шерифом.

Скрипка взвизгнула, менестрель сразу смолк. Вся одежда гонца была залита грязью, так что нельзя было даже различить, какого она цвета. Конь тоже казался серым. Он тяжело носил боками, белоснежные сгустки пены повисли на уздечке. Шериф встал со своего места.

– Что случилось у сэра Стефена? – спросил он.

Гонец отёр лицо подкладкой плаща и с усилием перевёл дух. Рейнольд Гринлиф вгляделся в сухое, старческое лицо, воспалённые глаза. Он не знал этого человека.

– Сэр Стефен просит благородного лорда о помощи. Моего господина постигло несчастье. Вилланы из Сайлса и Вордена подняли руку на моего господина. Они убили старосту в Вордене и посадили его голову на кол. Они разбили двери вотчинного суда в Дэйрволде и сожгли на костре все писцовые книги, податные списки, свитки зелёного воска и ренталии, все, какие там были. Они повалили судью на землю и топтали его ногами, пока он не умер...

Гонец выдохнул все это сразу и замолчал. Гости сбились в кучу.

Шериф и рыцарь Гай Гисборн стояли рядом, глядя прямо в рот гонцу. Они наперебой забрасывали старика вопросами.

– В чьих руках манор?

– Сколько воинов у сэра Стефена?

– Кто вожак вилланов?

– Когда ты выехал из Дэйрволда?

– Как, вилланы в Дэйрволде?

– Кто ещё убит?..

– Все скажу, – поднял руку гонец. – Они осадили манор. У вотчинного суда их было не меньше чем пятьсот человек. Вожаков у них, сколько я знаю, трое. Первый... – Гонец боязливо оглянулся по сторонам. Даже сквозь слой грязи было видно, как побледнело его лицо. – Разрешите назвать, благородный лорд шериф?

Ральф Мурдах подался вперёд и кивнул головой.

– Первому имя – Робин Гуд, – шёпотом промолвил гонец, и эхом отдалось в зале имя стрелка.

Гонец снова поднял руку.

– Скателок из Вордена, – назвал он второе имя. – И Билль Белоручка из Сайлса... Они обложили вотчинный суд три дня назад, на рассвете. После того как сожгли свитки, часть разошлась по домам. Вокруг манора – не больше ста человек. Сэр Стефен сам охраняет

манор. Двадцать три вооружённых защищают стены...

– Как ты выбрался оттуда, старик? – перебил гонца Гай Гисборн.

– Я прикинулся, будто с ними, и показал им подземный ход в манор. Но ход был засыпан. Мне поверили, потому что я сам из Дэйрволда.

Рейнольд Гринлиф стиснул в руке тяжёлый оловянный кубок. Смятый в комок, тяжёлый кубок выпал из его руки и с глухим стуком упал под стол.

– Попомним мы тебе этот подземный ход! – прошептал он, стараясь покрепче запомнить лицо старика.

– Как звать тебя, гонец? – спросила жена шерифа.

И Рейнольд Гринлиф дважды повторил долетевший до него ответ:

– Эдвард. Эдвард из Дэйрволда.

Теперь шериф с Гаем Гисборном и другими рыцарями обсуждали, какую помощь выслать сэру Стефену. Гай Гисборн никому не хотел уступить главенства в отряде. Он заявил, что отряда, который есть в Ноттингеме, мало. К утру готовы будут двинуться в путь его ратники, прямо из замка. Гонец тотчас же поскачет назад и даст знать сэру Стефену, что помощь идёт. Манор должен держаться. Ни один виллан не уйдёт от суда.

Шериф кликнул писца. Вместе с Гаем Гисборном он сел диктовать послание сэру Стефену.

Толстый нищий загородил своим дородным телом всю дверь.

Рейнольд Гринлиф обернулся и громко воскликнул:

– Вот это нищий так нищий! Уж наверно бенедиктинец... Много постился ты на своём веку, святой отец? И куда тебе столько мешков?

– Как же, как же, благородный господин! – низко кланяясь, ответил монах, просовывая голову в дверь. – Один мешочек у меня для хлеба, если милосердие ваше пожертвует корочку бедному пилигриму. Один мешочек – для зерна, коли случится протянуть руку у порога житницы, полной даров божьих. Вот этот мешочек – для соли. А этот, – тут монах осенил себя крестом, – для вина, если милости вашей будет угодно...

– Так и быть, – усмехнулся Рейнольд Гринлиф, – для твоих десяти мешков придётся пожертвовать тебе лепту вдовицы.

Он отломил маленький кусочек хлеба и протянул его нищему.

Монах подхватил подаяние и бросился целовать руку стрелку.

– Задержи гонца, – шепнул монаху Рейнольд Гринлиф и, притворно поморщившись, выдернул у него руку. – Пошёл вон, бродяга! – прикрикнул он на нищего. – От тебя разит вином, как из бочки.

Монах согнулся в три погибели, ещё раз поклонился и окунулся в дождь.

7. О СТРАДАНИЯХ ОТЦА ТУКА

*Монахам враг, шерифу враг,
Стрелкам свободным друг —
Таков он был всегда, толстяк,
Весёлый фриар Тук.*

Отец Тук, тяжело пыхтя, остановился посреди дороги. Пот катился градом по его щекам вперемишку с дождём; от мокрых лохмотьев шёл пар. Ноттингем исчез за поворотом дороги, а впереди только глубокие следы конских копыт цепочкой тянулись вдоль, и каждая ямка спешила заплывать мутной пузырчатой жижей.

– Клянусь святым Кесбертом, – сказал отец Тук, – у проклятого старика четыре ноги, а у меня только две! Но я догнал бы его, если бы не эта пузатая бочка! – Он с ненавистью посмотрел на свой толстый живот. – Хлюпает, как у лошади селезёнка. Ах ты, жирный кабан, только на то и годишься, чтоб перегонять эль и мёд, перегонный котёл! И подпругу-то не сумел подрезать, толком! А уж если Маленький Джон велел задержать гонца, стало быть, дело не шутка.

Подобрав полы плаща, он вздохнул и пустился снова бежать. Дождь поредел и совсем

перестал, а толстяк все бежал, с великим трудом перебирая обросшими глиной ногами.

– Стой! – воскликнул он вдруг, вглядываясь в следы на дороге. – А подпруга-то лопнула как-никак! С полчаса уж, наверное, он тут протоптался. Уж теперь я его догоню! Свернул бы он только на Сайлс. А если на Ватлинг? Ищи тогда ветра в поле!

Отец Тук выбрал высокий каштан, у которого низко начинались ветви, обхватил ствол руками и стал карабкаться вверх. Кое-как он добрался до первой ветки и перекинул через неё ногу. Ему долго не удавалось подтянуться так, чтобы навалиться на ветку брюхом, и он раскачивался, вися вниз головой, а ветер пузырьком надувал мокрый плащ. Стрелок помянул, по своей привычке, святого Кесберта, а потом и святого Дунстана, и Вольфхэда, и Вульфстана, и сорок угодников, и деву Марию. Видно, дева Мария услышала его, потому что она помогла ему вскарабкаться на скользкую ветвь. И хотя непристойно святому отцу обнажать свои телеса, прежде чем лезть дальше, фриар Тук сбросил вниз на траву изорванный плащ, показав дроздам и дятлам широкую взмокшую спину, плечи, похожие на добрые окорока, и грудь, изукрашенную хитрой татуировкой: тут были и кресты, и сердце, пробитое стрелой, и рыцарский герб, составленный из чётков, бочки и лука со стрелами. Отдышавшись немного, святой отец полез с ветки на ветку, стараясь ставить ноги поближе к стволу, чтобы не подломился какой-нибудь предательский сук.

Так взбирался он выше и выше, пока верхушка дерева не заходила под его тяжестью, как тонкая былинка. Отсюда он увидел перекрёсток и гонца, подъезжавшего к тому месту, где раздваивалась дорога.

– Святая Мария, пречистая дева, – твердил фриар Тук, раскачиваясь на верхушке каштана, как тяжёлая груша, – пусть свернёт он к Сайлсу, потому что тогда уж наверное остановится на ночь в сторожке у Чёрного Билля! А ну как свернёт на Ватлинг?

Тут счастье оборотилось лицом к толстяку, потому что всадник действительно свернул по пути к Сайлсу. А когда фриар Тук добрался до нижней ветки, он даже вскрикнул от радости: четыре десятка псов вихрем неслись по дороге. Издали казалось, что они и вовсе не касаются земли.

– Осторожно, дьяволы! Дайте мне прыгнуть, ведь я раздавлю вас! Да что вы за умники! Полегче, полегче, Волк, ты собьёшь меня с ног! Не время теперь целоваться. Уж я знаю, ты меня и в преисподней отыщешь, хитрец. Ха-ха! Посмотрим, какую рожу скорчит сатана, увидя таких провожатых! Полно скакать тебе, Волк, принимайся за дело. А ну догони, возьми!

С этими словами отец Тук ткнул жоака мордой в дорогу.

– Фью-ить, фью-ить, – свистнул он.

И пёс, распластавшись над землёй, понёсся по следу, а за ним и вся стая. В один миг собаки скрылись вдали.

– Ну, теперь я могу не спешить, – облегчённо вздохнул отец Тук.

Он накинул на плечи плащ и зашагал по дороге. Солнце выбилось из-за туч у самого горизонта, посылая вдогонку стрелку длинные, узкие полосы света. Дорожные кочки заиграли золотом; тощая тень, смешно покачиваясь, побежала впереди отца Тука. Отец Тук был ещё в лесу, а тень – на опушке; отец Тук – на опушке, а тень – на лугу; отец Тук – на лугу, а тень побежала уже по медной щетине сжатого ячменя.

Запряжённая четырьмя парами волов, тащила по полю повозка с камышом.

«Никак, во всей Шотландии не осталось камыша, чтоб навить ещё один такой воз», – подумал отец Тук.

Рядом с возом тащился крестьянин на крошечной лошаёнке. Он сидел боком на её костлявом хребте, босыми пятками выбивая дробь по едва прикрытым шкурой рёбрам. Лицо пахаря было все в морщинах и горело на солнце, как еловая кора.

– Слышь, молодец, не продашь ли своего скакуна? – окликнул крестьянина отец Тук.

Тот удивлённо вытаращил глаза.

– А? Чего? – спросил он, повернувшись к стрелку и приставив к уху ладонь.

– Продай своего коня! – повторил отец Тук погромче.

Крестьянин затряс головой:

– Не продажный.

– Не хочешь продать – подари, – весело сказал отец Тук.

Две золотые монетки заблестели у пахаря в руке; оправившись от удивления, он принялся отбивать поклоны щедрому монаху.

Отец Тук взял лошадь за холку и взгромоздился ей на спину.

– Господи боже! – закричал он. – У этой клячи хребет острее меча: чего доброго, разрежет тебя на две половинки! Но! Но! Но! – подгонял своего скакуна отец Тук, корчась и морщась при каждом толчке. – Мне, конечно, простятся все грехи за эту муку. Крестonosцы пот хвалятся, что сарацины в святой земле сажают их на кол. Посидели б они на такой скотине! То-то крестьянин сидел на ней боком.

Он попытался сесть боком и сам. По хребет скакуна становился острее с каждым шагом, и как ни садился святой отец, он не мог избавиться от мучений. Тогда отец Тук скинул с себя лохмотья и покрыл ими спину лошаде́нки, точно седлом. Нахлёстывая прутиком злополучную клячу, он доехал до перекрёстка, где дорога сворачивала на Сайлс.

Холодный ветер обдувал голую грудь монаха. У него была теперь только одна забота – подтягивать то и дело сползавшее седло. К ночи он подъехал к сторожке Чёрного Билля. Звонкий лай собак встретил его. А яркая луна осветила весёлую картину: на лужайке перед лесной сторожкой, окружённые тесным кольцом собак, лежали два человека: лесничий Чёрный Билль и гонец сэра Стефена. Они не смели пошевелиться, потому что при малейшем их движении сорок зубастых пастей поднимали грозный храп. Конь гонца, волоча по земле недоуздок, пощипывал травку в придорожной канаве. Отец Тук не спеша натянул плащ на плечи, потом потрепал жоака по шее.

– Дай тебе бог здоровья, Волк! Смирно, собаки! Лежать!.. Тебе, Чёрный Билль, отдохнуть не вредно – небось притомился на королевской службе. А тебя как зовут, старина? Как?.. Эдвард из Дэйрволда? Дай сюда мне письмо шерифа... Нету? Что ж, я даром страдал от самого Ноттингема?

Но письмо, конечно, нашлось, как только все сорок псов по слову монаха вскочили со своих мест и застыли, ожидая дальнейших приказаний. Этой минутой воспользовался Чёрный Билль: в два прыжка он очутился на пороге своей сторожки и захлопнул тяжёлую дубовую дверь, прежде чем псы успели ухватить его за пятки.

– Вот уж неприветливый хозяин! – проворчал отец Тук, пряча в карман трубку пергамента. – Ну да не беда, мы скоро будем в Дэйрволде. Помнится, есть там харчевня «Золотой бык». Там и прочтём шерифову грамоту за кружкой доброго эля... Волк, домой! Домой, щенята!.. Ты, старик, шагай куда хочешь, да смотри не путайся под ногами: попадёшься снова – не пощажу!

Он вскочил на лошадь гонца и погнал её к Дэйрволду.

8. О ТОМ, КАК ОТЕЦ ТУК ПОПАДАЕТ ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

*Богатым все – земля, и лес,
И солнце, и вода.
Но, видит бог, настанет срок —
И сгинут господа.*

С четырёх сторон вокруг замка сэра Стефена горели костры. Огненные мошки улетали в ночную темь. Робин Гуд и Билль Белоручка переходили от костра к костру. Вилланы спали у огня на вязанках хвороста, на сене, на сорванных с петель дверях. Но спали не все. Часовые расхаживали между кострами, не спуская глаз с подъёмного моста и стен манора; бодрствовали многие и у костров: кто следил за огнём, кто подковыривал обувь, кто оттачивал на камне железный прут.

– Как же ты раздобыл столько луков и мечей, Белоручка? – окликнул Билля один из парней.

Билль обернулся, и широкая улыбка осветила его лицо. Он узнал в говорившем своего племянника Эльфера. Юноша, голубоглазый и рыжий, был только на пять лет моложе дяди.

– Как ты назвал меня, мальчик? – с напускной строгостью спросил Билль.

– Так, как все мы зовём вожака из Сайлса! – не задумываясь, ответил юноша; он горд был, что, как взрослый, принимает участие в борьбе.

Билль рассмеялся.

– Ну ладно. Зови и ты, как все. О чём ты спросил меня, Эльфер?

– Говорят, ты добыл где-то пропасть луков и мечей. Где ты взял их, дядя?

– Рыцарь один подарил.

– Какой же это рыцарь поможет виллану оружием? Господа всегда стоят друг за дружку. Если бы мы так же дружно держались, от господ давно не осталось бы и на племя. Со всеми бы сладили: головы прочь, а землю себе. Ни тебе барщины, ни податей, ни оброка! Нет, правда, скажи, где ты взял оружие, Билль?

– Любопытен ты, Эльфер, однако. Слышал про такого рыцаря – сэра Ричарда Ли?

Юноша подался вперёд, отставив в стороны острые локти.

– У сэра Ричарда Ли, что в Вирисдэле?

– Это его совет, – кивнул Белоручка на Робин Гуда, присаживаясь на колоду рядом с племянником. – Знаешь, наш Робин каков: в мишень не промажет, и песню скажет, и с бубном спляшет, и на всякую выдумку остёр. Сэр Стефен кто? Норманн из франкской земли, не так ли? А Ричард Ли?

– Этот – шотландец, – протянул Эльфер. Он с недоверием взглянул на дядю, потом на Робин Гуда, который беседовал с вилланами у соседнего поста. – Ну и что ж из того? Что норманн, что шотландец – оба живут нашим горбом. У норманнов рабы и вилланы – и у наших рабы и вилланы. Правильно я говорю, Скарлет?

Скарлет встал, протирая глаза. Маленький, востроносый, он одет был в лохмотья; на шее блестело широкое медное кольцо, на котором выбито было имя сэра Стефена, потому что Скарлет был рабом.

– Чего тебе, Эльфер?

– Ты скажи мне, кого лучше иметь господином: норманна или шотландца?

Скарлет запустил палец между кольцом и шеей и усмехнулся.

– Хочешь дать мне другого хозяина? Так, по мне, уж лучше совсем без ошейника.

– Вот и я говорю, – сказал Эльфер, – что проказа, что чёрная оспа – всё равно от чего помирать. Сэр ли Стефен или сэр Ричард Ли...

– Постой, мальчик, это всякому ясно, – перебил его Билль. – Речь идёт не о том. Шотландский рыцарь норманнскому враг. Почему? Потому что норманны пришли из-за моря и отняли у наших господ всю землю, какая получше, и нашего брата в придачу. Робин и говорит: если мы дерёмся с норманном, нам шотландец поможет. Ну, думаю, была не была! И отправился к сэру Ричарду Ли. А тот, как услышал, что мы обложили замок, повёл меня в оружейную и сам отобрал для нас тридцать луков с колчанами и двенадцать мечей!

Так сказал Билль, и, едва он вымолвил это, Эльфер схватил его за руку.

– Дай же мне меч, дядя! У меня только тупая коса!

– Мечи – часовым. Пойди скажи, чтобы дали тебе лук: я знаю, стрелять ты мастер. А меч добывай-ка сам.

Билль Белоручка с Робин Гудом двинулись дальше. Издалека ещё они услышали громкие голоса. Тут никто не спал, все сгрудились вокруг косоглазого, чёрного, как жук, человека. Он говорил, размахивая факелом, и густая копоть кувыркалась над его головой.

– Сорную траву надо вырвать с корнем! Мы разбили змеиные яйца, но змеи остались. Они положат новые, нам на погибель!

– Правильно! Правильно говорит косоглазый! Пусть не останется тут ни одного писаки, который умеет вписывать в жёлтый пергамент нашу судьбу!

– Ты не знаешь, кто этот парень? – спросил Робин Гуд Белоручку. – Я не видел его ни в

Сайлсе, ни в Вордене.

– Идёмте в харчевню «Золотой бык»! – кричал косоглазый. – Там сидит монах, который немало на своём веку перепортил телячьей кожи. Клянусь святым Дунстаном, это пёс сэра Стефена!

Вилланы бросили костёр и кинулись в темноту. Робин Гуд и Билль Белоручка задержались, чтобы остановить часовых, которые, выхватив из ножен мечи, побежали следом за толпой. Вдали, прыгая из стороны в сторону, уходил в темноту факел косоглазого; он и вовсе пропал в ночи, и только далёкий гул голосов доносился из мрака, когда Робин Гуд с Белоручкой бросились догонять толпу.

Запыхавшись от быстрого бега, они остановились у входа в харчевню. Дверь распахнута была настежь, но вилланы запрудили проход: не всем удалось протиснуться вперёд, и каждый старался через головы других увидеть, что происходит в харчевне. В темноте и давке никто не заметил, что пришли вожаки.

– Вот монах, вот лютый волк, который прикинулся овцой! Бейте его! – долетел до Робина чей-то голос.

Робин пробрался вперёд и увидел за широким столом бродягу-монаха, толстого и широкого в плечах. Десяток дюжих рук схватили его, но монах и плечом не повёл, чтобы освободиться. Рядом с ним стоял косоглазый, которого удерживал Скателок.

– Бейте его! Выпустим кишки из толстого брюха! – кричали вилланы со всех сторон, и только теснота мешала им пустить в ход оружие.

Скателок что-то кричал, но его голоса не было слышно. Чернобородому удалось отшвырнуть его от себя, и в ту же минуту он выхватил у монаха из-за пазухи пергаментный свиток.

– Смотрите, смотрите! Он везёт сэру Стефену письмо от шерифа!

Острая жердь упёрлась в рёбра монаху, чьи-то пальцы сдавили ему шею. Робин Гуд рванулся вперёд, но тут монах вскочил с моста. Нападавшие скатились с него, как гончие псы с затравленного кабана.

– Берегись, Чёрный Билль! – крикнул он, и тяжёлый дубовый стол опрокинулся, на мгновение загородив тучное тело монаха.

Бочка с вином закачалась над головой толстяка.

– Не жалко вам, христиане, божьего дара? Этой бочкой я прихлопну десяток из вас, и нам нечем будет опохмелиться на ваших поминках!

Круг раздался при этих словах: монах играл в воздухе бочкой, как лёгким поленцем. Все притихли. И тут раздался громкий окрик Робин Гуда:

– Не трогать монаха, ребята! Поглядите прежде, что за грамоту он везёт!

Бережно опустил монах на пол бочку. Между тем Скателок вырвал пергамент из рук косоглазого и вскочил на скамью.

– Бараны! Чтоб вас разорвало на части! Чтоб дьявол дубил вашу шкуру! Горелые пни! Огородные пугала! Разве же можно так? Ах, чтоб вас громом убило! Понимаете вы, безмозглые твари, покарай вас святой Вульфстан и Вольфхэд...

Он размахивал над головой пергаментным свитком, но ничего толкового не мог произнести, потому что ругательства и проклятья сыпались у него с языка, как горох.

Монах был, пожалуй, спокойнее всех. Он слушал, слушал, как бранился виллан, и вдруг звонко расхохотался.

– Хороший приём вы устраиваете святому отцу, который, не щадя живота, спешит вам на помощь! – воскликнул он. – Грамоту я уж давно прочёл Скателоку, а вы...

– Чтоб вам на том свете сам сатана... – продолжал гроыхать Скателок, заглушая слова монаха.

– Да замолчи ты, трещотка! Тебе бы быть бабой, а не мужиком! – отмахнулся от него монах. – Был бы я чуть-чуть послабее, пришибли бы меня, как комара. И где у вас голова, если всякий лесничий из королевских лесов вертит вами, как кобель хвостом? Я, ей-ей,

думал – сдохну, пока вёз вам эту писульку. Ну-ка, дай сюда, виллан! Вот смотрите, что пишет шериф ноттингемский вашему господину.

Запинаясь на каждом слове, отец Тук прочитал послание шерифа сэру Стефену:

– «Держитесь, сэр Стефен. В пятницу утром сэр Гай Гисборн поведёт вам на помощь отряд в двести ратников на конях, в полном боевом снаряжении. Захватим бунтовщиков врасплох, скорый суд произведём на месте. Шериф ноттингемский Ральф Мурдах».

Мутный рассвет вползал в харчевню. Крестьяне стояли молча, словно проклятье Скателока сбылось и их пришибло громом.

Ненавистью горели глаза. И Робин поспешил положить руку на плечо своему другу.

– Это отец Тук! – сказал он спокойно, и, хотя говорил он тихо, каждое слово его звучало громко в нависшей тишине. – Отец Тук, из Аббатова Риптона. И ваше счастье, что знает он грамоту. А где косоглазый?

Но Чёрного Билля не было, он точно провалился сквозь землю. Скателок наконец управился со своим языком. Он кричал раздражённо, брызжа слюной, размахивая узловатыми руками:

– Нас предал Эдвард из Дэйрволда! Он донёс обо всём шерифу! Эх, попался б он мне, я б его, клянусь святым Вульфстаном...

Весть о перехваченном письме успела уже облететь весь Дэйрволд. Толпа у дверей все росла. Кто-то крикнул:

– На приступ! К манору!

Но Робин Гуд остановил людей.

– Стойте! – сказал он. – Нам не взять манор голыми руками. Мы прольём свою кровь на радость врагу, а завтра отряд Гая Гисборна втопчет в грязь уцелевших.

Он вышел на дорогу, чтобы всем было слышно.

– Вы знаете, вилланы, что Робин Гуд никогда не был трусом. Но храбрость храбростью, а расчёт расчётом. У нас людей немного да лук один на троих. В лесу мы б ещё потягались с ратниками, а в открытом поле затевать с ними драку – кого не порубят, потопчут конями. Если хотите совета, совет мой такой: у кого нет дома жены и детей, отправляйтесь со мной. Перехватим Гая Гисборна в дороге и потреплем, сколько хватит стрел и мечей. А там рассыплемся по лесу – ищи-свищи! А кто останется тут – по домам! Как придёт сюда Гай Гисборн, все валите на нас. Так ему и скажите: дескать, мы тут ни при чём. Чтобы мы да против нашего господина?! Это все Робин Гуд, проклятый разбойник, Билль Белоручка, да ещё Скателок, да пятый, десятый – все, кто бежал к разбойнику в Шервудский лес!

– А ещё я скажу, – вынырнув из толпы, добавил маленький Скарлет, – если тут нам драться, в Дэйрволде, немного останется от ваших домов. А в лесу нам можно будет размахнуться пошире.

Добрый час ещё спорили вилланы, потому что руки чесались у всех и многие хотели идти в лес с Робин Гудом. Солнце встало уже, когда опустела дорога перед харчевней «Золотой бык». Кто двинулся в Сайлс, кто в Ворден. Билль Белоручка, и Эльфер, и Мук, сын мельника, пошли из деревни в деревню, чтобы все рабы и вилланы сэра Стефена узнали, как рычали медведи вокруг господского манора. А другие стрелки и ещё девять-десять молодцов, прихватив колчаны и луки, отправились с Робин Гудом навстречу Гаю Гисборну.

– Мы вернёмся сюда, сэр Стефен, – говорил Скарлет, поглядывая через плечо на грозные стены манора. – Мы вернёмся сюда, сэр Стефен! – повторял он, запуская руку между шеей и широким медным кольцом, на котором выбито было имя его господина.

9. О ВСТРЕЧЕ РОБИН ГУДА С СЭРОМ РИЧАРДОМ ЛИ

И руки помыли, и вытерли оба,

И сели плечом к плечу.

Хлеба довольно, вина – хоть залейся,

Оленины – ешь, не хочу.

Двенадцать месяцев в году, и самый весёлый – май. Однако и поздней осенью молодцы

в Бернисдэльском лесу проводили время славно.

Дым костров поднимался к высоким тёмным сводам пещеры.

Свежая дичина клокотала в котлах, дразня стрелков удивительным ароматом.

– Не пора ли нам обедать, Робин? – спросил Билль Статли. – У меня в желудке сто тысяч чертей дерутся на кулачки. Погляди на фриара Тука: он и так похудел после драки с Гаем Гисборном. Того и гляди, душа разлучится с телом.

Отец Тук, сидя на камне у входа в пещеру, старательно оттирал куском песчаника тяжёлый франкский меч.

Задорный дождь остановился с разбегу у самых его ног и повис густой завесой, обдавая толстяка тонкой водяной пылью.

– Нет уж, – отвечал Робин Гуд, – ты знаешь, Билль, мой обычай: без гостей не садиться за стол. Кого-нибудь ребята да приведут: не королевского гонца, так нищего бродягу. А пока добрый Тук потешит нас весёлым рассказом.

– Ладно, рассказов и басен у меня всегда полон кошель, – отозвался монах, продолжая свою работу. – Вот жили да были в славном городе Лондоне отец с тремя сыновьями. Позвал раз отец сыновей, и сказал им: «Пора вам, ребята, учиться делу. Выбирайте любое ремесло, неволить вас не хочу. Сроку даю вам год со днём. Кто лучше выучится за этот срок своему делу, тому завещаю всё своё богатство». Вот один из них стал кузнецом, другой – брадобреем, а третий – солдатом...

Отец Тук выставил меч наружу, под дождь, и точильный камень с присвистом заскользил по мокрой стали.

– ...Проходит год со днём. Собрались сыновья, чтобы похвалиться своим искусством. Кузнец говорит отцу: «Садись на коня и гони вскачь. Я могу перековать его на всём скаку». И правда, перековал. Брадобрей говорит: «Спусти собак, пусть поднимут зайца. Я обрею его на лету». И правда, обрил. Тут пошёл дождь. А третий сын говорит: «Мне дождь не страшен: я успею отбить мечом каждую каплю, и дождь меня не намочит». А дождик-то был не хуже, чем этот. – Отец Тук кивнул головой на занавес ливня, висевший перед входом в пещеру.

– Ну и что же? – спросил Скателок.

– Третий сын взял свой меч и ну вертеть им над головой! И вертел им так быстро и ловко, что ни одна капля не успела упасть на его кафтан.

– А ну-ка, попробуй, фриар Тук. Может быть, и тебе достанется наследство! – подмигнул толстяку Робин.

Дружный хохот загремел под сводами, когда монах, взмахнув мечом, выскочил вон из пещеры. Меч кружился над его головой с такой быстротой, что не было видно клинка; блеск мелькающей стали и брызги слились над ним в одно сверкающее кольцо.

– Смотрите, смотрите! Нимб святого отца Тука! Молнию, молнию руби, фриар Тук! А ей-богу, он разрубил!

– Нет, ты всё-таки не получишь наследства. Хватит с тебя и нимба, – сказал Робин Гуд, глядя, как струйки воды катятся по плащу монаха. – Однако, если ты и вправду не прочь пообедать и дождя не боишься, как третий сын, отправляйся-ка ты с кем-нибудь, да хотя бы со Скателоком, на Ватлингский перекрёсток. Там скрещиваются четыре дороги и место высокое. Уж, верно, оттуда вы кого-нибудь приведёте к обеду.

Скателок неплотнее запахнул свой плащ, отец Тук накинул на голову капюшон, и стрелки исчезли за серой пеленой дождя.

– Ещё месяц назад мы прошли бы здесь посуху, нам не нужно было бы для этого даже вертеть над головой мечами, – сказал отец Тук, сворачивая с тропинки в чащу.

Вековые дубы и буки так густо росли здесь, что даже поредевшая ржавая листва защищала от дождя.

Приземистый Скателок легко скользил под ветвями деревьев; отец Тук с трудом прокладывал себе дорогу в чаще, едва поспевая за лёгким на ногу приятелем.

Извилистый лесной коридор вывел друзей на поляну, по которой, словно грибы-великаны, разбросаны были могильники древних британцев.

Пот вперемешку с дождём катился по лицу фриара Тука, когда, одолев наконец долгий подъем, они ступили на гладкие плиты дороги, проложенной римлянами восемь столетий назад.

Отсюда, с пригорка, далеко видна была окрестность.

Солнце прорвало тучи, и каменная лепта, сбегавшая к западу, ярко блестела под косыми лучами, а на востоке, над лесом, широкой дугой, едва не кольцом, встала сверкающая радуга.

Скателок, прикрыв ладонью глаза, внимательно всматривался в даль.

– Смотри! – воскликнул отец Тук. – Кто-то едет сюда из Понтефракта. Клянусь святым Патриком, не дальше как через час мы вознаградим себя за долгий пост!

Когда всадник выбрался на освещённую закатным солнцем дорогу, зоркие глаза стрелков разглядели, какого гостя шлёт судьба.

Рыцарь, одетый в чёрную кольчугу, понуро покачивался в седле. В правой руке он держал копьё, у левого локтя болтался маленький щит.

– Вряд ли он сдастся без боя, – промолвил отец Тук, доставая из колчана боевую стрелу. – Приготовься, приятель, как бы нам не упустить долговязого. С этими рыцарями вечные хлопоты: чуть что, они хватаются за меч, не то что наш брат, монах.

Скателок с уважением взглянул на опытного стрелка и тоже приготовился к драке. А всадник, погруженный в глубокое раздумье, а может быть задремав, доверился своему коню и ехал, не глядя на дорогу.

– Привет вам, сэр рыцарь! – громко окликнул его отец Тук. – Мой господин просит вас свернуть с пути и разделить с ним его скромный обед.

Всадник придержал коня и с удивлением вскинул глаза на фриара Тука и Скателока.

– Ты, верно, принял меня за другого, стрелок. Меня не знают в этих краях. Кто твой хозяин и где его замок?

Отец Тук, держа стрелу за стальной наконечник, почёсывал её древком свою тонзуру, смущённый убогим видом рыцаря, его мокрой изрубленной кольчугой и конём, который стоял, широко расставив облепленные грязью ноги, словно приготовился околеть. А Скателок и вовсе растерялся, услышав дружелюбный голос всадника.

– А... а... не ошибся ли ты в самом деле, фриар Тук? – пробормотал он, подмигивая товарищу так выразительно, что рябое лицо его покрылось морщинками.

Отец Тук лукаво улыбнулся.

– Нет, сэр рыцарь, – сказал он, – тут нет никакой ошибки. Мой господин – Робин Гуд, а замок его – в Бернисдэльском лесу.

– Я слышал это славное имя, – спокойно ответил рыцарь. – Я охотно сверну с дороги, чтобы увидеть, правду ли говорит молча о вашем господине, хотя я и думал обедать в Донкастере или Блейтсе.

Он послушно повернул коня и последовал за стрелками. Так молча и ехал, не глядя по сторонам, пока Скателок с отцом Туком вели его коня под уздцы к Бернисдэльским пещерам.

Скателок шёл нахмурившись, потому что никак не мог взять в толк, зачем нужна Робину такая жалкая добыча, а отец Тук то и дело поддразнивал неопытного стрелка.

Робин Гуд вышел гостю навстречу.

– Привет тебе, рыцарь! – воскликнул он. – Наш охотничий стол накрыт, и мы рады всякому, кого посылает нам случай. Мои молодцы проголодались так, что готовы жевать тетиву своих луков. Задайте же корма коню, ребята, и скорее за стол. Сэр рыцарь, ты сядешь здесь, у огня, чтобы поскорее просохла кольчуга, не то ржавчина сложет её прежде, чем изрубят вражьи мечи.

Низкие козлы покрыты были уже длинными дубовыми досками, которые прогибались под тяжестью жареных уток, рыбы, пирогов, эля и заморского вина.

Три десятка молодцов в зелёных кафтанах уселись за стол и так дружно принялись работать челюстями, как будто отродясь ничего не ели.

И каждый с усмешкой следил за тем, как старательно потчует Робин долгожданного гостя. Потому что таков был обычай у лесных охотников: сперва накормить знатного путника до отвала, а потом облупить, как яичко. Только Билль Белоручка сидел в дальнем конце стола и хмурился, не спуская с рыцаря глаз, да Скателок неодобрительно поглядывал то на отца Тука, то на Робина: ему жаль было злосчастливого гостя.

Весёлый стрелок не спросил у рыцаря ни имени, ни цели его пути.

– Нынче дичь в лесах хороша и рыбы много в прудах. Нет страны краше старой Шотландии, нет в Шотландии леса, что поспорил бы с Шервудом и Бернисдэлем.

Так приговаривал Робин. И молодцы ухмылялись и переглядывались друг с дружкой, потому что изо дня в день весёлый стрелок повторял эти слова рыцарям и монахам, а те от страху давились куском жирной дичины и никак не могли донести до рта кубок тёмного эля, не расплескав его дрожащей рукой.

Наконец гость окончил обед и утёр рот рукой. А Робин Гуд, по обычаю вольницы, обратился к нему с учтивым вопросом:

– Хорошо ли поел ты, сэр рыцарь?

На это рыцарь ответил:

– Три недели уже мне не случалось так обедать.

– А не думаешь ли ты, сэр рыцарь, что негоже благородному господину угощаться у стола простого пахаря без приличной расплаты?

Тут стрелки затаили дыхание, с любопытством ожидая ответа. Обычно при этих словах знатные путники менялись в лице: тот затрепещет, как осиновый лист, этот схватится за свою мощную или выхватит из ножен меч.

Но рыцарь не трусил и не вспылал, только смущённо потупил глаза.

– Увы, дорогой мой виллан, мне нечем с тобой поделиться, – с виноватой улыбкой промолвил рыцарь. – Денег у меня так мало, что совестно и предлагать их тебе за гостеприимство.

– Так отвечали мне рыцари и аббаты, начинённые золотом, как скорлупа яйцом, – сказал Робин Гуд. – А ну-ка, Статли, проверь, правду ли говорит наш гость.

Билль Статли отошёл в сторону, где лежало седло рыцаря, пошарил в перемётных сумках.

– Кошелек пуст, как гнездо по осени, – доложил он, подкидывая на ладони несколько мелких серебряных монет. – Тут и половины фунта не наберётся.

Робин Гуд пристально посмотрел на гостя. Иссечённая кольчуга и смелый взгляд незнакомца рассказали ему историю рыцаря лучше всяких слов.

– Ты шотландец, сэр рыцарь? – спросил он, и даже Скателок не услышал в его голосе насмешки. – Я побился бы об заклад, что тебя оципали норманнские вороны.

– Ты угадал, Робин Гуд. Зовут меня сэром Ричардом Ли, мой замок стоит в Вирисдэле. Испокон веков вирисдэльские земли принадлежали моему роду. Сто лет назад мой прадед поднял меч против норманнов, вторгшихся в нашу страну; он бился плечом к плечу вместе со славным Хиревордом. С тех пор мы немало увидели горя. Всё, что есть у меня теперь, – это старый замок моих отцов и клочок земли, который завтра уже будет отнят у меня аббатством святой Марии.

– Скажи же мне, рыцарь, – спросил Робин, наливая вина себе и гостю, – что случилось с твоей землёй? Какое право имеет на неё аббатство?

– Мой сын убил знатного норманна Франсуа Тайбуа. Он убил его в честном бою, на турнире, но родные убитого схватили моего Энгельрика, чтобы сжечь его со свету. Я заложил свою землю аббатству святой Марии, чтобы выкупить его. Выкупил, а сын мой бежал. Четыреста фунтов я должен аббату, и, если завтра я их не возвращу ему, он выгонит меня из замка и отберёт землю, потому что завтра истекает срок уплаты.

Летучая мышь, разогнавшись в погоне за невидимой мошкой, впорхнула в пещеру, плеснула крылом у плеча сэра Ричарда Ли, ломаным бесшумным полётом пронеслась над костром и исчезла под тёмным сводом.

Робин Гуд и стрелки долго молча смотрели на рыцаря.

– Четыреста фунтов за землю и замок?

– Сын был мне дороже. Больше никто не хотел ссудить мне денег.

Скателок нагнулся и подбросил охапку дров в костёр.

– Что же ты будешь делать без замка, сэра Ричард? – спросил Робин Гуд.

– Я пойду с крестоносцами в святую землю. Что остаётся мне ещё? Мой Энгельрик скрывается где-то в северных лесах. Вот уже год, как от него нет вестей. Люди Гая Гисборна караулят его по всем дорогам...

Услышав имя Гая Гисборна, Робин Гуд нахмурил густые брови.

– Постой, рыцарь, – перебил он гостя. – Ты назвал имя моего врага. Чем досадил твой сын этому убийце?

– Франсуа Тайбуа был племянником Гая Гисборна. У Гисборна есть все: и деньги, и власть, и дружина...

Рыцарь замолчал, низко опустив голову, неподвижным взглядом уставившись на огонь.

Тут Вилль Белоручка воскликнул:

– Робин, когда мы осадили манор сэра Стефена, сэра Ричард Ли подарил нам для боя тридцать луков с колчанами и двенадцать мечей!

И Робин, забыв приличие, тяжело ударил рыцаря по плечу.

– Рано сдаёшься ты, Ричард Ли! – сказал он. – Крепче держали оружие в руках товарищи славного Хиреворда! Сын твой ещё вернётся, а Гаю Гисборну мы отрубим когти, как норманны рубили их нашим псам, чтобы уберечь свою дичь от вольной охоты. О земле не горюй – мы выкупим её у аббатства. Есть ли у тебя верные поручители, сэра Ричард?

– Покуда я был богат и силён, друзей у меня хватало. А сейчас... кто поручится сейчас за сэра Ричарда Ли? Нет, не осталось у меня на свете друзей, кроме господ бога и пречистой девы Марии.

Робин Гуд весело рассмеялся и прищурил глаза.

– Что ж, сэра рыцарь, лучшей поруки не может быть на земле. Уж кому-кому, а неужто я не поверю непорочной деве Марии? Такой поруки не сыщешь, хоть пройди всю Англию. Ну-ка ты, Скателок, пойдёшь с отцом Туком, отсчитайте сэру Ричарду Ли под поруку святой Марии четыре сотни монет. Да проверьте получше, чтоб не попалось худых, с обрезанным краем. А то, чего доброго, милосердный аббат швырнёт их обратно и скажет, что долг не уплачен.

Но Скателок застыл на месте, разинув рот. Отец Тук подошёл к нему, сгрёб в ладонь бородёнку виллана и щёлкнул его пальцем по лбу.

– Так-то, виллан! Видал, как Робин обдирает прохожих?

– Ай да Робин! А я-то думал, покарай меня святой Вульфстан и Вольфхэд... – проворчал Скателок, почёсывая макушку.

Но вспоминать всех святых было некогда, и он, вскочив, побежал следом за фриаром Туком.

Тень, отбрасываемая светом смоляного факела, запрыгала по стенам пещеры. В дальнем конце пещеры отец Тук остановился перед большим сундуком, передал Скателоку факел и принялся выгребать из сундука золотые.

– Ты считай, рябой, не зевай, – приговаривал отец Тук, а Скателок считал и считал, пока число золотых не перевалило за четыре сотни.

– Ну, теперь хватит, отец Тук. Четыре сотни тут уже есть.

– А тебе что, жалко? – подмигнул монах. – Нам понадобится – мы всегда добудем.

Бросив на разостланный плащ ещё две-три пригоршни, он вскинул тяжёлый свёрток на плечи и пошёл к столу.

– Послушай-ка, Робин, – сказал отец Тук, протягивая деньги гостю, – надо бы нашему рыцарю подарить и сукна на платье.

– Дельно сказано, святой отец! – откликнулся Робин. – Ступай отмерь по три ярда от каждого цвета.

Отец Тук прихватил свой лук, чтобы мерить сукно, и не складная тень его кувырком прокатилась по стенам пещеры.

Стрелок мерил много, а больше того припускал к длине своего лука. От каждого цвета он откроил по куску – малиновый, жёлтый, зелёный, а сверху на них ещё бросил алый, расшитый золотом плащ.

Сэр Ричард Ли смущённо смотрел, как растёт перед ним гора подарков.

– Хорошо бы ему ещё коня, – заметил Билль Статли.

По знаку Робина, он выбежал из пещеры и вернулся тотчас же с вороным жеребцом, который испуганно храпел, упираясь, у входа.

Скателок привстал на носки и шепнул на ухо фриару Туку:

– Там, в сундуке, я видал золотые шпоры.

Отец Тук рассмеялся и таким же шёпотом сообщил Робин Гуду:

– Скателок говорит, что видел и сундуке золотые шпоры.

– Ну, тащи их сюда, – кивнул стрелку Робин Гуд. – А ты, Клем из Клю, проводишь сэра в аббатство: не годится доброму рыцарю отправляться в путь без оруженосца.

10. О ТОМ, КАК СЭР РИЧАРД ЛИ ВОЗВРАТИЛ ДОЛГ АББАТУ

«Ни пяди не увидишь ты! —

Поклялся тут аббат. —

Клянусь спасителем моим,

Что на кресте распят!»

Яркое утреннее солнце поднялось над соломенными крышами города Йорка и заглянуло в узкие окна аббатства святой Марии. Бесчисленные пылинки заплясали в солнечном луче над столом, заваленным свитками пергамента, зазубренными дощечками, и медленным золотым дождём стали сеяться на лиловую рясу аббата, на круглую головку приора и беспокойные руки эконома.

Откинувшись на спинку скамьи, аббат внимательно выслушивал отчёт о доходах и расходах своих земель. Красноватые глаза его быстро бегали по столбикам цифр, короткие пальцы ощупывали каждую зарубку на деревянных расписках – бирках.

Эконом говорил ровным, тягучим голосом, и приор то и дело принимался клевать носом, убаюканный долгим докладом.

Аббат неодобрительно посмотрел на приора и протянул руку к дощечке, покрытой тонким слоем воска.

– Сколько всего уродилось? – спросил он эконома.

– Урожая всего сто девяносто восемь кварталов.

– А сколько получено от наших вилланов из Понтефракта?

– Сто двадцать шесть кварталов по одной бирке и семьдесят один – по другой.

– Из Селби?

– Сорок шесть кварталов три с половиной бушеля.

– Значит, всего...

– Четыреста сорок один квартал три с половиной бушеля.

Острая палочка зачертила по мягкому воску.

– Правильно: четыреста сорок один и три с половиной. Теперь расход.

– На засев ста сорока восьми акров – шестьдесят с половиной кварталов. На осенние помочи... На выдачи пастуху овец, свинопасу, плетельщику изгородей... На прокорм собак Гервазия, охотника, в течение целого года... Корм волов от преобразования до обретения святого креста, в течение семнадцати недель... Пребенда Генриха, пекаря, который часто приезжал...

Вздрагивая, отец приор открывал глаза. И тотчас же перед ним, прогоняя сон, начинали кружиться в солнечном луче золотые пылинки. А когда глаза, утомлённые их однообразной игрой, поневоле смыкались, ровный голос эконома убаюкивал слух, снова и снова пересыпая цифры и статьи: двухколёсные телеги, бочонки вина из Гамптона, шкуры баранов, головы

сыра, галлоны мёда, потравы, пребенды пошлины, obroки, осенние помочи, корм для свиней и узи шерсти.

Поспорив с экономом, аббат вызвал брата келаря, чтобы узнать, сколько, было представлено в кладовую орехов и солода.

– Вы спите, приор! – укоризненно сказал он в перерыве между делами. – Не слишком ли вы умерщвляете свою плоть ночными бдениями и молитвой? А мы тут уже успели рассмотреть почти все отчёты манора. Пора и за трапезу, не так ли? Надо бы вам, приор, побольше вникать в хозяйственные дела. Мне становится трудно одному следить за всеми этими жуликами и обманщиками. А ведь не дальше как завтра к нашим владениям прибавятся земля и замок сэра Ричарда Ли. Год со днём истекает сегодня с тех пор, как мы ссудили ему четыреста золотых.

– А вы не отсрочите ему уплату долга, аббат? – спросил приор, стяхивая с себя дремоту.

Аббат вытащил из-под груды пергаментных свитков резные чётки из жёлтой слоновой кости. Он весело рассмеялся.

– Неужто вы посоветуете мне, приор, лишить святую Марию добра, которое принадлежит ей по праву? Милосердие – великая добродетель, и я могу только хвалить вас за то, что вы и брат крестоносец поделились своим добром с первым встречным бродягой...

Тут аббат лукаво подмигнул своему собеседнику, а приор сморщился и позеленел при воспоминании о встрече в лесу, о молитве, о бегстве и неожиданном купании в ручье.

Заметив, что стрела попала в цель, аббат продолжал с усмешкой:

– Но вы пожертвовали от чистого сердца своё собственное добро, я же пекусь о землях святой Марии. Уж я и судью пригласил сегодня к обеду и лорда шерифа, чтобы покончить с этим делом. Конечно, замок рыцаря стар, и ветер гуляет в нём, как в хлеву, зато буковый лес его накормит желудями хорошее стадо свиней.

– Но ведь день ещё не кончен, – заметил приор. – Может быть, рыцарь ещё подоспеет.

– Денег-то взять ему негде. Найдётся ли такой человек во всём северном крае, чтобы поверить четыреста марок голодному рыцарю из Вирисдэля? Может быть, вы, приор, из уважения к его славным предкам... А вот и наши почтенные гости! Благословенны будьте, лорд судья! Благословенны будьте, лорд шериф! Близко ли солнце к закату?

– Благодарение богу, близко, – ответил королевский судья, отвешивая поклон аббату. – Во всяком случае, солнце ближе к закату, чем сэр Ричард Ли – к обители святой Марии.

– Прекрасно, прекрасно, лорд судья! Поспешим же за стол, пока не кончился день!

Пригибаясь, чтобы не стукнуться о низкий косяк, гости прошли вслед за аббатом в трапезную. Монахов не было здесь в эту пору, только два-три послушника дожидались своего пастыря.

Королевский судья поднял кубок с вином и воскликнул:

– Я пью за доброго сэра Ричарда Ли из Вирисдэля! За его славных предков и за их добро! За Вирисдэльский замок! За пашни, за луга, за буковый лес, за вилланов сэра Ричарда Ли!

И лорд шериф йоркский тоже поднял кубок. Но в это время в трапезную вошёл рыцарь Ричард Ли.

Привратник, отворивший ворота аббатства, впустил во двор всадника в алом плаще, а за ним – оруженосца.

– Никогда ещё не видывал я такого коня! – воскликнул привратник, любуясь вороным жеребцом.

А всадники, спрыгнув наземь, сбросили с себя богатые плащи и остались: рыцарь – в изорванной ржавой кольчуге, оруженосец – в заплатанной кожаной куртке. И не успел ещё привратник прийти в себя от изумления, сэр Ричард Ли переступил порог трапезной.

– Благослови вас господь! – сказал он, преклоняя колена. – Святой отец, я пришёл в назначенный день.

Рука аббата дрогнула, и капля вина прокатилась по его рясе, оставив на бархате серебряный след. Монах впился в рыцаря пристальным взглядом, потом облегчённо вздохнул. Его успокоил нищенский наряд должника.

– Принёс ты мне деньги, рыцарь? – спросил он резко, не ответив вошедшему на приветствие.

– Ни пенни, – тихим голосом промолвил сэр Ричард Ли.

Аббат затрясся от радости. Он долго смеялся, потирая руки и всхлипывая, переглядываясь то с судьёй, то с шерифом йоркским. Потом залпом осушил свой кубок и громко стукнул им по столу.

– Мы не ошиблись с вами, лорд судья! – воскликнул он, вставая. – Земля Ричарда Ли ближе к святой Марии, чем солнце к закату. Зачем же ты пожаловал сюда, сэр рыцарь, если у тебя нет четырёхсот золотых, чтобы заплатить свой долг?

– Чтобы просить тебя, святой отец, дать мне ещё хоть немного срока. Именем пречистой девы Марии прошу тебя...

– Вы слышали, судья? Именем девы Марии он просит, чтобы мы подарили ему то, что по праву принадлежит деве Марии! Однако ты многого просишь, сэр рыцарь. Что же вы не пьёте, шериф?

Судья прошёлся по залу и остановился перед Ричардом Ли.

– Нет, дорогой мой рыцарь, – сказал он, – просить теперь поздно. Если тебе нужен добрый совет, скажи поскорей назад в Вирисдэль попрощаться с землёй и с замком.

– Так защити меня ты, шериф города Йорка! – вскричал рыцарь. – Не допусти, чтобы я ушёл отсюда нищим!

– От тебя ли я слышу это, сэр Ричард Ли? С каких это пор гордые саксы гнут шею перед норманнами?

Даже при этой обиде у старого рыцаря хватило силы сдержаться. Он снова обернулся к аббату.

– Будь милосерд, святой отец! Распоряжайся моей землёй, как своей, пока я не уплачу тебе долга, но не отнимай её у меня навсегда! Я буду служить тебе простым вилланом. Клянусь Христом, распятым на кресте, я верну тебе долг до последнего пенни!

Аббат насмешливо покачал головой.

– У святой Марии довольно есть вилланов, которые пашут получше тебя. А в страдную пору мы выгоним в поле вилланов сэра Ричарда Ли – того, что когда-то владел Вирисдэлем.

Куда ни обращал глаза рыцарь, он всюду встречал злорадную усмешку. Только приор, верный своей привычке, мирно дремал, спрятавшись за серебряным распятием.

– Хорошо, коли так! – грозно воскликнул сэр Ричард. – Ты хочешь, монах, чтобы я стал перед тобой на колени? Берегись! Если мне не судьба владеть землёй, мечом я владею отлично. Помни: не поздоровится новым хозяевам Вирисдэля!

Судья зашептал что-то на ухо аббату. Тот кивнул головой.

– Послушай, сэр Ричард Ли, – сказал аббат, – ты горячишься напрасно. Четыреста марок были даны тебе под залог твоих владений. Ты не вернул долга в срок. Значит, отныне и земля твоя и замок принадлежат аббатству, и судья и шериф тотчас же могут скрепить наше право подписью и королевской печатью. Но я не хочу обижать тебя. Твой феодал стоит больше четырёх сотен марок. Поэтому я полагаю, что святая Мария не будет в обиде, если, кроме тех денег, что ты задолжал, я дам тебе ещё сто золотых.

– А двести не заплатишь? – Сэр Ричард перекинулся взглядом со своим оруженосцем, весёлым Клемом из Клю, который стоял у порога, неподвижный, как статуя. – Может быть, ты подаришь мне ещё двести?

– Нет, двухсот не могу заплатить. Вот, может быть, нам поможет судья?

– Пожалуй, – кивнул головой судья. – Добавлю и я пятьдесят. За лужок, что возле буковой рощи...

– Клянусь святым Вульфстаном, – вскричал тут рыцарь, – много видал я псов, но не видал таких жадных! Так нет же, не владеть моим замком ни судье, ни монаху! Получай,

аббат, свой долг – гляди, солнце ещё не село! Считай получше да смотри, хороша ли монета.

Перехватив из рук Клема из Ключ кошель, рыцарь раскрыл его и опрокинул над столом. Закатный луч солнца проскользнул в окно трапезной и зажгёт золотые монеты красным огнём.

Разбуженный переполохом приор полез под стол поднимать скатившуюся на пол монету. А солнце...

Солнце помедлило ещё немного в небе, чтобы осветить ласковыми лучами двух всадников в ярких плащах, удалявшихся от аббатства святой Марии по дороге, которая ведёт на запад, – счастливого рыцаря Ричарда Ли и его весёлого оруженосца, молодого Клема из Ключ.

11. О ТОМ, КАК СЛУЖИЛ РЕЙНОЛЬД ГРИНЛИФ ШЕРИФУ

И повар Джону отпустил

Три добрых тумака.

«Люблю удар, – промолвил Джон, –

Такого кулака!»

– Где это видано, чтобы до полудня морить людей голодом?

– А где это видано, чтобы слуга храпел до полудня? Лорд шериф давно на охоте, а ты только сейчас продрал глаза. Будь я на месте шерифа, давно бы...

– Да накорми меня, старый хрыч! Говорю тебе, я не монах и не намерен поститься!

– Придётся поститься, пока не вернётся хозяин. Корки хлеба не дам тебе, бездельнику, до его возвращения.

– Ну хоть горло дай промочить! Неужто жаль тебе кружки эля?

Ключник повернулся спиной к Рейнольду Гринлифу и, гремя ключами, принялся запирать кладовую.

– Ладно! Коли так, мы и сами возьмём, – сказал Рейнольд Гринлиф и взмахнул рукой.

Старик кубарем откатился в сторону. А шерифов слуга ударом ноги вышиб дверь и, пригнувшись, вошёл в чулан.

Он нацедил себе кружку эля, осушил её и налил вина.

Ключник, не смея пошевелинуться, сидел на полу, тарашил на него глаза и беззвучно шептал молитву.

Рейнольд Гринлиф обернулся к старику и сказал добродушно:

– Может, выпьешь со мной, старина? Прямо скажу, неплохое вино у лорда шерифа!

Но, кроме вина, в чулане было немало припасов. Вытащив из-за пояса нож, Рейнольд Гринлиф отрезал ломоть пшеничного хлеба и снял с крюка копчёный окорок.

Отправляя в рот кусок за куском, причмокивая да похваливая, пропуская между кусками то кружку эля, то кружку вина, весёлый стрелок и думать забыл о старичке, а тот ползком выбрался вон из коридора, поднялся на ноги и пустился бежать на кухню.

Широкая тень вдруг совсем заслонила Рейнольду Гринлифу свет.

Он оторвался от окорока и увидел, что в дверях стоит старший повар лорда шерифа, а из-под локтя у него выглядывает клоч серой бороды старого ключника.

– Хорош слуга, который спит до полудня! – сказал повар так громко, что все пустые бочки и кувшины, какие были в чулане, откликнулись дружным гулом.

Подняв тяжёлый кулак, повар наотмашь ударил Рейнольда Гринлифа по шее.

– Уважаю хороший удар! – воскликнул Рейнольд Гринлиф, отправляя в рот новый кусок ветчины.

– Хорош слуга, который, высадив двери, жрёт в кладовой хозяйское добро!

И снова загудели горшки и кувшины, и снова тяжёлый кулак опустился на шею Рейнольда Гринлифа.

– Уважаю хороший кулак! – повторил Рейнольд Гринлиф. – А ну-ка двинь, дружище, по третьему разу!

– Получай и по третьему! – промолвил повар и дал стрелку такого тумака, что окорок

вылетел у него из рук и шлёпнулся на пол.

– Да твой кулак не хуже моего, как я погляжу! – рассмеялся Рейнольд Гринлиф. – Клянусь святым Вульфстаном, который всадил свой посох в каменный пол, я не покину этого дома, пока мы не померимся с тобой силой, медведь!

– Это я всегда с удовольствием, – ответил повар. – Да только боюсь, что, пока ты служил шерифу, ты и меч разучился держать в руках.

– Посмотрим, посмотрим. Бери поскорей свой меч, выходи во двор на просторное место.

Так сказал повару Рейнольд Гринлиф и отправился во двор дожидаться противника.

Тот не заставил себя долго ждать.

– Знавал я, – сказал Рейнольд Гринлиф, отбивая первый удар повара, – знавал я одного парня, – тут он высек сноп искр из его меча, – который так знатно точил мечи, – тут он отпрыгнул в сторону, увёртываясь от удара, – что бросишь пушинку, – получай, приятель! – она упадёт на острие, и...

Но Рейнольд Гринлиф не закончил своего рассказа, потому что повар оказался хорошим бойцом и тут было не до разговоров. И сила у обоих оказалась равна, и глаз одинаково верен.

Старый ключник, поварята и все, кто был в доме шерифа, выбежали по двор и только жались к стенам, когда меч ударялся о меч и бойцы, то пятась, то наседая, окружённые блеском и звоном стали, клубком перекатывались с места на место в облаке пыли, взбитой резкими и неожиданными прыжками.

Они бились долго, пар валил от обоих, но ни один не был оцарапан мечом. На решительный натиск один отвечал другому таким же напором, на хитрость – хитростью, на уловку – уловкой, на быстроту – быстротой. И кончилась драка тем, что оба бойца расхохотались и сели на землю, посыпанную мелким речным песком.

– Не часто приходится встречать такого противника! Умел бы ты так же стрелять из лука, весело мы зажили бы с тобой в зелёном лесу. Две сотни марок в год положит тебе Робин Гуд.

– Ну что же, – ответил повар, – из лука я бью не худо, а лесной костёр мне милее, чем кухонный очаг. Я шерифу не кум и не сват. Только надо нам подкрепиться на дороге. Ну-ка, старик, выставляй угощение.

Слуги шерифа поспешно расступились, чтобы пропустить молодцов, а старый ключник побежал вперёд, дребезжа ключами и жалобно тряся бородой.

Повар усадил с собой за стол всех своих поварят и подручных и без большого труда заставил их выпить за Рейнольда Гринлифа и лесных молодцов. Потом он повёл стрелка к сундуку, в котором шериф хранил свои драгоценные кубки и блюда.

Три тяжёлых замка висели на сундуке, но приятели сшибли их и выволокли на свет груды серебряной и золотой посуды.

– Как же мы это все потащим? – приуныл Рейнольд Гринлиф. – Триста фунтов тут будет верных, а нести неловко.

Но повар добыл два хороших мешка. И друзья вскинули ношу на плечи.

– Прощай, старина! Не мори людей голодом до полудня! – крикнул стрелок, выходя из ворот шерифова дома.

– Куда же наш путь лежит, Рейнольд? – спросил его повар.

– Какой я Рейнольд Гринлиф? Ты зови меня Маленьким Джоном. Путь наш лежит прямо на север. Наш лагерь сейчас в Бернисдэльском лесу.

Сторожа у северных ворот Ноттингема с удивлением проводили глазами двух шерифовых слуг, которые, распевая удалую песню, позванивая посудой в мешках, прошагали мимо стрельбищного поля и дальше, мимо виселиц, в ту сторону, откуда свежий осенний ветер гнал табуны облаков.

Солнце село, и молодая луна взошла над лесом.

Маленький Джон и повар, которого звали Артуром из Бленда, не останавливаясь,

шагали вперёд и вперёд по залитой светом дороге.

Маленький Джон рассказывал своему спутнику о многих отважных делах своего господина: и о том, как весёлый Робин приезжал в Ноттингем торговать горшками и попал на обед к самому шерифу, и о том, как старый король гнался за Робинотом из Лондона в Шервуд, из Шервуда в Йоркшир, из Йоркшира в Ньюкастль и Бервик, а оттуда через Ланкастер в Честер, и Робин обогнал его на день, явился в Лондон и просил королеву Катерину передать от него привет королю.

Он рассказал повару о весёлом причетнике фриаре Туке, о Муке, мельниковом сыне, о том, как маленький Скарлет отомстил своему лорду за сына, о том, как Билль Статли спас от смерти слепого Генриха, который учил Робина искусству стрельбы в ту пору, когда был ещё зрячим.

И у дюжего повара нашлось о чём порассказать Маленькому Джону: о красавице Эллен, которую полюбил он больше жизни, и о том, как в весёлый праздник Майклмас повёл он Эллен к венцу, чтобы священник скрепил любовь, которую давно уже благословили звезды, жаркий стог ячменя и скрипки сверчков. И как господин его, сэр Ральф Мурдах, проиграл в кости его молодую жену – и одной прислужницей больше стало у благородного рыцаря Гая Гисборна.

У перекрёстка Трёх Дубов Маленький Джон вдруг остановился и сбросил с плеч свой мешок.

– Гляди, – сказал он товарищу, – свежий навоз на земле. Тут кто-то недавно проехал.

Вдалеке раздался крик совы, предрассветный ветер заскрипел в верхушках деревьев.

– Ничего не слышать, – сказал повар.

– В том-то и дело, – ответил шёпотом Маленький Джон, разглядывая неостывший комок. – Ничего не слышать, а навоз ещё тёплый. Стащи мешки в ров, а я пойду гляну, кто впереди.

Он достал стрелу из колчана, свернул с дороги и исчез в темноте.

Артур из Бленда долго дожидался его, непривычным ухом прислушиваясь к шорохам просыпающегося леса. Во рву было сыро, повар поплотнее запахнул свой плащ и прислонился спиной к обомшелому стволу вывороченного грозой дуба. Он не заметил, как задремал.

– Не время спать, приятель! – раздался над его головой тихий голос.

Испуганно вздрогнув, повар открыл глаза.

Маленький Джон стоял перед ним, держа под уздцы двух осёдланных лошадей.

Третья лошадь стояла за ними, натянув повод, прикрученный к седлу переднего коня.

Морды всех лошадей были стянуты ремнями, чтобы они не могли заржать.

– Не время спать, дружище! – повторил стрелок. – Сегодня у нас будет весёлое утро. Там, впереди, засада, я узнал их по шлемам. Это люди Гая Гисборна.

Сон сразу покинул беглого повара. Одним прыжком он выскочил на середину дороги. Маленький Джон схватил его за руку.

– Тише! Их трое. Не знаю, кого они ждут, но, кто б это ни был, мы будем драться с ним вместе. На всякий случай я увёл у них лошадей.

– Так если их трое, чего же нам ждать? Уж троих-то мы скрутим!

– Постой, я хочу знать, кого они ловят.

Едва успели товарищи привязать лошадей в густом подлеске, позади по дороге послышался топот. К западне во весь опор скакал всадник в блестящей кольчуге.

Повар раскрыл уже рот, чтобы окликнуть его, но Маленький Джон успел толкнуть товарища в бок.

– Постой, не шуми. Остановим его иначе.

В тот же миг тяжёлая тупая стрела сорвалась с тетивы Маленького Джона, и всадник скатился с коня. Он вскочил на ноги, ища обидчика.

Маленький Джон спокойно шагнул ему навстречу.

– Успокойся, малый, – сказал он. – Надеюсь, ты не ушибся и стрела не причинила тебе вреда. Там, впереди, засада. Не тебя ли поджидают люди Гая Гисборна?

– Люди людьми и засада засадой, – запальчиво крикнул юноша, выхватывая из ножен меч, – а за свою стрелу ты мне ответишь сейчас же, и тебя не спасут от этого шерифовы знаки!

Маленький Джон провёл рукой по своему плащу, будто хотел стряхнуть с сукна мелкие крестики, украшавшие одежду стрелков ноттингемского гарнизона.

– Драться с тобой мне некогда, мальчик. Гляди, твой конь всполошил уже засаду. Оружие пригодится нам для серьёзного дела.

Трое воинов с воловьими рогами на шлемах показались уже на пригорке. Маленький Джон, не дожидаясь, пока враг будет близко, вскинул лук, и стрела, пущенная сильной рукой, пробила кольчугу первого из нападавших.

Воин повалился ничком; под тяжестью его тела острие вышло у него между лопаток, горбом натянув кольчугу на спине.

– Не уйдёшь, Энгельрик Ли! – крикнул второй воин Гая Гисборна, налетая на юношу.

Повар схватился с третьим. И Маленькому Джону оставалось только смотреть на драку, так как повару его помощь была не нужна, а юноша при его приближении крикнул:

– Оставь, стрелок, я слажу с ним сам!

Противник, видимо, был сильнее и искуснее юноши; тот едва успевал отражать удары и под стремительным натиском пятился понемногу к краю дороги; наёмник Гая Гисборна теснил его ко рву, повторяя при каждом ударе:

– Вот тебе плата за Франсуа Тайбуа! Вот тебе плата за Франсуа Тайбуа!..

Густая белая пыль повисла над местом схватки. Дубовая ветка, отсечённая чьим-то мечом, упала к ногам Маленького Джона.

В это время воин, дравшийся с поваром, закричал:

– На помощь, Гильом!

Откинув в сторону щит, противник юноши нанёс своему врагу последний удар и бросился на помощь товарищу.

Но он опоздал: тело воина, пятная кровью дорогу, рухнуло к его ногам.

– Беги, Гильом! – умирая, простонал раненый.

Тогда воин, которого звали Гильомом, перепрыгнул через тело товарища и пустился бежать.

Маленький Джон усмехнулся.

– Бежит хорошо, однако не лучше оленя, – сказал он, не спеша поднимая лук.

Но стрелять он не стал, потому что тройка мохнатых псов вынырнула из леса, и в этих псах стрелок сразу признал верных спутников фриара Тука.

Мгновенно перемахнув через ров, собаки настигли беглеца, сбили его с ног и, ощерившись, остановились над своей добычей.

Угрожая беглецу блестящими клыками, они нетерпеливо поглядывали в сторону леса.

Наконец показался и сам хозяин.

– Клянусь святым Кесбертом, – воскликнул отец Тук, выбираясь на дорогу, – у вас была тут добрая потасовка! Что же ты, Маленький Джон, не мог подождать меня?

– А почём я мог знать, святой отец, что провидение направит твои стопы в эту сторону?

– Ишь как тебя нарядил шериф! – усмехнулся отец Тук, щупая разукрашенный плащ стрелка. – А это что за молодцы? И почему завязалась драка?

Маленький Джон хлопнул повара по плечу.

– Это добрый малый, Артур из Бленда, которому охота пострелять королевских оленей и покрасоваться в зелёном плаще. А этот паренёк сам нам расскажет, как его звать и по какой причине привязались к нему люди Гая Гисборна.

– Я Эльфер из Сайлса, – сказал юноша, разглядывая разрубленную пониже плеча кольчугу. – А ты – отец Тук. Я, помню, видал тебя в харчевне «Золотой бык».

– Так вот ты откуда, мальчик! Расскажи, расскажи, как поживает благородный сэра

Стефен?

– Сэр Стефен не смеет высунуть носа из своего манора. С тех пор как вы потрепали на большой дороге ноттингемский отряд, у нас тихо и в Вордене, и в Дэйрволде, и в Сайлсе. Эдвард из Дэйрволда у нас теперь ривом. Он слово боится молвить, потому что у него до сих пор не зажили ребра. Я затем и собрался, чтобы вам обо всём рассказать и повидать Белоручку.

– А почему же привязались к тебе люди Гая Гисборна? – спросил Маленький Джон.

– Вот уж не знаю! Разве из-за кольчуги моей и меча? Я заработал их в честном бою с воинами сэра Стефена. Неужто они узнали меч и кольчугу?

Детский румянец вспыхнул на щеках юноши. Маленький Джон усмехнулся.

– Вон тот негодяй всё время поминал имя какого-то Франсуа Тайбуа, – добавил Эльфер.

Отец Тук быстро обернулся, услышав это имя.

– Ну, теперь все понятно! – сказал он. – Они приняли тебя, мальчик, за Энгельрика Ли, сына сэра Ричарда Ли из Вирисдэля. Счастлив твой бог, что ты встретился с Маленьким Джоном! Эти дурни искрошили бы тебя прежде, чем заметили бы свою ошибку. Перевяжи ему руку, Маленький Джон, а я потолкую с тем молодцом, пока он не вздумал дразнить моих псов.

Маленький Джон, оторвав полосу от своего плаща, туго стянул юноше раненую руку.

Повар вывел из леса на дорогу лошадей. С помощью отца Тука он усадил воина с рогами на шлеме лицом к хвосту на его же коня и накрепко привязал к седлу, скрутив ремнями по рукам и по ногам. Потом стегнул коня, и тот шарахнулся прочь, унося беспомощного седока.

Эльфера осторожно посадили на другого коня. Он взялся за повод здоровой рукой.

Повар вытащил изо рва мешки с шерифовым добром. Тут Маленький Джон распрощался с друзьями.

– Везите Робину подарки от лорда шерифа, – сказал он, кивнув на мешки. – А я отыщу самого лорда; он охотится нынче где-то у Серебряного ручья. Скоро мы с ним вас догоним.

12. О ТОМ, КАК МУК, СЫН МЕЛЬНИКА, УЧИЛ УМУ-РАЗУМУ ДОБРЫХ ВИЛЛАНОВ

«Согните луки, – молвил он, —

Обоз невдалеке.

Передний – мой: и жизнь и смерть

Его в моей руке».

По всем дорогам Англии скрипели колеса возов. Первые белые мухи кружились уже в воздухе, не смея опуститься на землю. По утрам тонкой корочкой льда затягивались лужи, а небо к закату было красным, как медь. Зима подступала, и владельцы земель спешили объехать свои владения – собрать с вилланов последний оброк.

По старому Ватлингу, по широкому Эрмину, по каменистым горным тропам, по топким просекам, по глухим и людным просёлкам, мимо кельтских могильников, мимо затопленных золотым орешником римских военных лагерей, мимо грузных норманнских церквей и угловатых замков, лениво влегая в ярмо, тащили волы повозки, скрипящие под тяжестью нового урожая. Ветер уносил в облака пыльные клочья овечьей шерсти, мякину, запах янтарного мёда, дым коптящихся окороков.

Настежь были распахнуты двери монастырских амбаров, подвалов; и днём и ночью опущены были подъёмные мосты.

Громко визжали свиньи и гоготали гуси, громко стучали цепи по гумнам, буйный ячмень задорно хлопал, вышибая затычки из бочек, но все эти звуки заглушал громкий и протяжный скрип колёс.

Красные клёны и медные дубы бросали охапки листьев под широкие копыта воловых упряжек. Воробьи неохотно уступали дорогу копытам, словно уговорились, что скорее дадут

раздавить себя, чем позволят увезти с полей золотое зерно.

Собаки бежали между возами, то зазывая вперёд ленивых волов, то отставая у верстового столба, чтобы, задрав лапу, проверить, на месте ли ещё надпись, высеченная по твёрдому камню: «Сделал дорогу Гай Юлий Цезарь».

С высокой вершины каштана, что стоит на холме в том месте, где дорога на Бернисдэль пересекает дорогу на Сайлс, Мук, сын мельника, увидел большой обоз.

Как ящерица, он соскользнул по гладкому стволу и спрыгнул на землю, где, с головой укутавшись в плащи, крепким сном спали востроносый Скарлет и Билль Белоручка.

– Двенадцать упряжек по восемь волов, вьючных лошадей не то семь, не то восемь, – сказал Мук, растолкав товарищей. – Сам епископ не ездит с таким обозом! Клянусь крестом, они не оставили в Вотерсе ни свиньи, ни курёнка!

– Какая охрана? – потягиваясь, спросил Скарлет.

– Считать будем после драки. Хватило бы стрел.

Билль Белоручка выглянул из чащи.

Скрип колёс приближался. Ветер донёс мычание коров, гоготанье гусей, кудахтанье, крики погонщиков и хлопанье бичей.

– Прямо ярмарка на колёсах! Достанется нам от Робина, если мы упустим такой подарок!

Пятеро вооружённых всадников подвигались вперёд в голове обоза, трое монахов трусили следом за ними. Низко пригнув головы, брели привязанные к повозкам коровы. Вьючные лошади шли понуро, покачиваясь под тяжёлой кладью.

– Передний – мой, – сказал Мук, натягивая тетиву. – Бери, Скарлет, на прицел большого, на белой кобыле. А ты, Белоручка, – того, что толкует с монахом.

Три стрелы сразу сорвались с луков, будто их спустила одна рука.

Всадник, ехавший впереди, мешком повалился на шею лошади. Тот, что беседовал с монахом, упал бы, не подхвати его спутник. Третья стрела, скользя по кольчуге стражника, воткнулась в морду белой кобылы. Лошадь вскинулась на дыбы и опрокинулась в сторону, на переднюю упряжку волов.

Скрип колёс оборвался, облако пыли скрыло обоз.

Волы ревели, сбившись в кучу, опрокидывая повозки; гуси хлопали крыльями, свиньи визжали, вьючные лошади бились копытами кверху, пригвождённые кладью к земле.

– Люди, ко мне! – кричал стражник, упавший с белой кобылы. – С нами бог и святые угодники! Ко мне, Жоффруа, Бонвалет! Все на разбойников!

Он стоял с обнажённым мечом, прикрывая своим телом монахов, которые поспешили опуститься на колени, сложив руки на груди. Рядом с ними лежал всадник, раненный стрелой Белоручки.

Но воин напрасно звал на помощь. Испуганные кони, закусив удила, далеко унесли уже и Бонвалета и Жоффруа. А погонщики волов исчезли под своими повозками с такой быстротой, как суслики прячутся в норки.

Стрелки под могучим каштаном дружно расхохотались, увидав чудесное действие трёх хорошо направленных стрел.

– Клянусь святым требником, тысяча стрел не заменит нам имени Робин Гуда!

С этими словами Скарлет выскочил на дорогу следом за Муком, сыном мельника, и Белоручкой. Стрелки тотчас же взяли на прицел единственного готового к обороне врага.

– Послушай, вояка, – сказал Мук, обращаясь к стражнику, – если ты будешь брыкаться, мы подарим тебе три хорошие стрелы, сработанные хромым из Трента. Только боюсь, что ты отправишься в преисподнюю прежде, чем успеешь их хорошенько сосчитать. Ну-ка, вкладывай свой меч в ножны, чтоб не ржавел на осеннем ветру... Так! А теперь посмотрим, каких гостинцев прислал нам господь.

Не спеша он прошёлся взад и вперёд мимо сбившегося в кучу обоза. Скарлет и Билль Белоручка зорко следили за возницами и провожатыми, не выпуская из рук направленных на

стражника луков.

– Так, – повторял Мук, сын мельника, – так. Мёд и эль – хорошо. Надо думать, ваш мёд вкуснее, чем дикий. Рожь хорошая. Овёс нам не нужен. Для чего бы нам сдался овёс, если лошадей мы не держим? Ба! Какая свинья! С хорошего аббата будет. Это ты раскормил такую, виллан? Да не прячься ты под повозку! Разве я дьявол? Отвечай, если есть у тебя язык. Это ты откормил свинью так, что она стала поперёк себя толще?

Погонщик робко выбрался из-под повозки.

– Твоя свинья? – снова спросил Мук.

– Была моя, – несмело ответил виллан.

– А зачем ты её отдал монахам?

– За выпас. Я держу от аббатства землю.

– А ещё чего отдал?

– Двух гусей отдал, десять кур, три чельдрона овса.

– Они, верно, у тебя лишние были?

Из-под всех повозок теперь вылезли погонщики. Не решаясь подойти поближе к стрелку, они вытянули шеи, прислушиваясь к разговору.

– Почему ж это лишнее? – с обидой в голосе спросил крестьянин. – У меня кур всего-то и было двенадцать да дни петуха. А свинья – такой свиньи во всём Вотерсе нету, всякий скажет.

– Так бери их себе, если они нужны, – вдруг сказал Мук.

Виллан разинул рот и захлопал глазами. Он весь подался назад, испуганно глядя на стрелка.

– Мне? И кур? И свинью? А эти что скажут?

Он кивнул на монахов, которые продолжали стоять на коленях, тесно прижавшись друг к другу, с руками, сложенными на груди. Мук рассмеялся.

– Они своё получили. Да шевелись попроворнее! Забирай своё добро и тащи домой. Жена-то есть у тебя?

– Есть.

– Так скажи ей, что это подарок от Робин Гуда. – Только тут все поняли, что стрелок не шутит.

Первый крестьянин топтался ещё на месте, не зная, каких угодников благодарить за своё счастье, а уж другой, косясь на Мука, принялся отвязывать от повозки корову.

– Ну, ну, смелее! – подбодрил погонщиков стрелок.

Вилланы везли свой оброк на своих же волах. И едва Мук кивнул головой, как упряжки были повёрнуты, опрокинутые повозки поставлены на колёса и ремни звонко защёлкали по спинам волов. И хотя волы на подъём ленивы, обоз тронулся с места и скрылся с глаз так быстро, точно его подхватило вихрем.

Посреди взрытой дороги осталась колода меду, пузатая бочка эля и несколько мешков с пшеницей и рожью. Когда скрипучий обоз скрылся вдаль, Мук, сын мельника, обернулся к монахам. Святые отцы все ещё стояли на коленях, побелевшими губами шепча молитвы.

Билль Белоручка и Скарлет давно опустили луки, но стрелы держали на тетиве. Стражник, неподвижный, как каменное изваяние, смотрел в ту сторону, где ещё клубилась пыль, поднятая колёсами повозок.

– Ты, парень, ступай, откуда пришёл, – сказал Мук стражнику. – Да прихвати с собой эту падаль, пока её не склевали вороны.

Взвалив раненого товарища на седло, стражник взял под уздцы свою белую кобылу, взглянул исподлобья на монахов и пошёл прочь.

– Ну, вилланы, не каждый день посылает господь такое утешение! – воскликнул Скарлет. – Как жеребята, как жеребята! Волы-то скакали, как жеребята!.. Вставайте, вставайте, святые отцы! Помолитесь – и хватит. Всё равно не замолить вам своих грехов. И какой толк по сто раз повторять «Ave», если пречистая слышит вас с первого слова? Поднимайтесь живее да помогите нам погрузить лошадей.

Взгромоздив мёд и эль, пшеницу и рожь на свои же седла, монахи старательно увязали кладь и повели лошадей в поводу вслед за Скарлетом к Бернисдэльским пещерам. Вспоминая, с каким проворством вилланы скрылись с глаз со своим добром, Скарлет то и дело принимался хохотать, трясясь всем своим поджарым телом.

Мук, сын мельника, и Билль Белоручка шли позади.

– Ого-го! – окликнул кто-то стрелков, когда они вышли на широкую лесную поляну, и эхо трижды повторило весёлый крик.

Знакомый свист прорезал воздух. И навстречу стрелку, обгоняя друг друга, понеслись, заливаясь приветственным лаем, псы фриара Тука.

– Эге! И ты ведёшь добрых гостей, фриар Тук? – крикнул Мук, сын мельника, и эхо снова принялось перебрасывать слова, как игральные кости. – Ну и славный же выдался денёк! А в мешках у вас что за добыча?

– Подарок Робину от лорда шерифа. Маленький Джон вернулся. Этого парня он сманил с шерифова двора, а мальчика они нашли по дороге. Как тебя звать? Я запомню, молодец.

– Эльфер! – воскликнули в один голос Скарлет и Билль Белоручка.

А юноша ничего не ответил, потому что его слишком крепко стиснули старые друзья, добрые вилланы. Так крепко, что он едва не скатился с коня.

13. КАК РОБИН ГУД ПРИНИМАЛ ЗНАТНЫХ ГОСТЕЙ В БЕРНИСДЭЛЬСКОЙ ПЕЩЕРЕ

*Олень прекрасный промелькнул,
Сверкнул зелёным блеском,
И три десятка молодых —
За этим перелеском.*

Опустив к земле мокрые носы, задевая стрелков упругими хвостами, псы фриара Тука вбежали в пещеру, деловито обрыскали все углы и, найдя всё в порядке, улеглись вокруг медвежьей шкуры, на которой сидел Робин, обхватив руками колени.

«Сейчас придут!» – говорили их весёлые морды, а глаза, скошенные ко входу в пещеру, и хвосты, нетерпеливо постукивающие по земле, говорили другое: «Куда ж они запропастились? Почему их не видно?»

Наконец в дальнем конце просеки, освещённой ясным холодным солнцем, показался караван: фриар Тук рядом с парнем в плаще, расшитом крестами; нагруженный двумя мешками конь; стройный всадник в кольчуге, с перевязкой на руке; трое монахов вели тяжело навьюченных лошадей, а позади всех с горделивым видом шагали Мук, сын мельника, Билль Белоручка и востроносый маленький Скарлет.

– Привет Робин Гуду от лорда шерифа! – сказал повар, бросая к ногам Робина мешки с серебром. – Маленький Джон просил приготовиться к встрече знатного гостя: не дальше как к вечеру он приведёт сюда моего господина.

– А ты кто же будешь?

– Шерифов слуга, – ответил повар. – И если ты хочешь, Робин, чтобы шериф остался доволен обедом, я зажарю оленя в точности так, как это делал всегда в Ноттингеме.

Отец Тук подтолкнул вперёд Эльфера.

– Вот молодой волчонок, из которого вырастет добрый волк! Он привёз нам весточку из Сайлса.

– Выпей вина и ложись, – заботливо сказал Робин, взглянув на бледное лицо юноши. – Цела ли кость? Снимите, ребята, с него эти тряпки и перевяжите рану получше... Мир вам, снятые отцы!

Монахи жались друг к другу, с тревогой осматриваясь по сторонам. Стрелки окружили их тесным зелёным кольцом.

– Что-то знакомо мне твоё лицо, – обратился Робин к одному из святых отцов. – А ну, подними капюшон немного повыше! Голову ставлю, что мы когда-то встречались! Только, помнится, на плаще у тебя тогда был крест. Не с тобой ли мы однажды молились господу

богу, чтобы он подарил нам от своих щедрот десяток золотых? А этот уж, верно, тогдашний твой спутник, не так ли?

Маленький толстый монах при этих словах попятился, стараясь спрятаться за спину долговязого крестоносца; но и тот сделал шаг назад, промямлив что-то невнятное в ответ.

– Вот хорошо, что нам снова привелось встретиться! – сказал Робин, вставая. – Скорей же за стол – вы, наверное, устали с дороги.

Серебряные блюда и золотые кубки шерифа заблестели на широком столе. Монахи покорно жевали, не решаясь поднять глаза на стрелков, угрюмые и молчаливые, точно летучие мыши, укутавшиеся в свои перепонки. Стрелки наперебой угощали и потчевали безмолвных гостей.

– Выбирайте куски пожирнее, ведь сегодня не пост. Поглядите, как управляется с ветчиной отец Тук, а ведь он тоже духовного звания и с юных лет привык к воздержанию в пище! А вот это вино – из монастырских подвалов. Брат крестоносец уж, верно, знает в нём толк?

Когда же гости, покушав, ополоснули руки, Робин спросил их:

– Скажите, святые отцы, далеко ли ваш монастырь?

Монахи переглянулись.

Толстенький с отчаянием в глазах посмотрел на крестоносца; тот заморгал, но рта не раскрыл. Ответил третий монах, у которого голова была узкая и голая, как утиное яйцо, а нос походил на утиный клюв.

– Мы из аббатства святой Марии, – сказал он тонким, птичьим голосом. – Я главный эконоом аббатства и не потерплю никакой обиды!

– Святой отец, – улыбнулся Робин, – зачем бы я стал тебя обижать? Большая честь для меня, что пречистая дева избрала своего главного эконоома, чтобы возвратить мне долг!

Монах откинул голову назад, как делают утки, когда пьют.

– О каком долге ты говоришь, мой сын?

Робин Гуд переглянулся со своими стрелками; весёлые искорки бегали у него в глазах, когда он снова обернулся к монахам.

– Однажды был такой случай, что дева Мария поручилась своим словом за рыцаря, которому я отсчитал четыреста марок.

– Вы слышали что-нибудь об этом, приор? Я ничего не знаю об этом долге.

– Полно шутить, монах! – воскликнул Робин. – Кто поверит тебе, чтобы святая дева забывала свои обещания? Ты – эконоом аббатства святой Марии, кому же знать, как не тебе? Она, конечно, прислала с тобой червонцы, потому что сегодня срок.

Эконоом даже взвизгнул, во все стороны тыча своим утиным клювом, точь-в-точь как утка, когда подавится коркой.

– Но я клянусь, – прошипел он, – что у нас нет ни фартинга!

– И перемётные сумы пусты?

Глаза монаха на миг закрылись веками, по его сухому горлу пробежал бугорок, будто он проглотил наконец свою корку.

– Там есть только двадцать марок, которые мы собрали в Вотерсе с наших вилланов. Клянусь, у нас больше нет ничего!

– Клянусь и я! – сказал Робин. – Если так бедна дева Мария, я ни фартинга не возьму из этих денег и даже прибавлю к её добру! Но, если там найдётся больше двадцати, это значит, что пречистая дева прислала свой долг. Пойди сосчитай, Скарлет! Я знаю, что ты не собьёшься в счёте.

Скарлет выскочил из пещеры, как заяц, ловким прыжком и раскинул свой плащ на траве. Он отвязал кошель, притороченные к сёдлам монахов, и вытряс из них на сукно холмик золота и горсть серебра.

Он долго считал монеты, потом вернулся к столу.

– Восемь сотен марок прислала непорочная дева! Я не считал серебра.

– Видишь, монах! Недаром я сказал тому рыцарю: пройди всю Англию от моря до

моря, ты но найдёшь поручителя надёжнее. Если снова святой Марии случится нужда, я всегда приду ей на помощь.

Голова эконома вытянулась ещё больше, а нос опять принялся клевать воздух. Рот его открывался и закрывался, и все стрелки с любопытством ожидали, какие вылетят из этого рта слова.

Но в это время у входа в пещеру раздался громкий, весёлый голос Маленького Джона:

– Вот, лорд шериф, в этой пещере скрылся от меня зелёный олень с золотыми рогами.

Он ослепил меня – я не посмел пустить в него стрелу.

Всадник и пеший остановились на пороге. И всадник крикнул, рванув удила:

– Проклятье! Ты обманул меня, Рейнольд Гринлиф!

Искры брызнули из-под копыт жеребца, но Маленький Джон успел схватить его под уздцы с одной стороны, Робин Гуд – с другой.

– Прости, лорд шериф, – сказал Робин, – почему ты зовёшь моего стрелка Рейнольдом Гринлифом? Он всегда назывался у нас Маленьким Джоном. Помогите, Маленький Джон, благородному лорду сойти с коня.

– Привет дорогому гостю! – дружно грянули все стрелки, какие были в пещере.

А Робин усадил шерифа за стол рядом с экономом аббатства святой Марии.

– Рад тебя видеть, шериф, – промолвил он. – Я давно не видал тебя; с тех самых пор, как проезжий горшечник подарил твоей жене три отличных кувшина и ты пригласил его к своему столу. Наконец я смогу расплатиться с тобой честь по чести! Хороша ли была охота? Ты видал, не всех ещё королевских оленей перебил в лесу Робин Гуд. Мы выбираем обычно самых жирных, таких, которые сами просятся в котёл. Вот отведай. Его приготовил твой повар и клялся, что работал старательнее, чем в Ноттингеме. Не гнушайся и элем – за вкус его и за цвет ручается главный эконом аббатства святой Марии!

То ли жёлтые лица монахов, сидевших бок о бок с ним, напоминали о благостях воздержания и поста, то ли серебряное блюдо, на котором повар подал ему сочный ломоть оленины, показалось шерифу слишком знакомым, то ли повар, посмеивавшийся в лицо своему господину, показался ему непочтительным и нерадивым слугой, только шериф, несмотря на все уговоры, не притронулся к еде.

– Отпусти меня, дерзкий стрелок, – сказал шериф Робин Гуду. – Я заплачу тебе, сколько потребуешь, хотя рад был бы вздёрнуть тебя на виселицу, как вздёргивал твоих людей.

– Нет! – твёрдо ответил Робин. – Ничего нет дороже хорошего гостя. Вот если мои люди согласны за несколько золотых простить тебе все обиды, я послушаюсь их. Скателок, Билль Белоручка, Мук, Скарлет, Билль Статли и Маленький Джон! – Робин обвёл глазами своих стрелков. – Благородный шериф предлагает вам выкуп. Сколько возьмёшь ты, Скателок, за руку, которую слуги Ральфа Мурдаха отрубили твоему сыну?

Скателок не спеша отхлебнул вина, потом подмигнул фриару Туку, который сидел с ними рядом.

– Сколько взять с него? Одну или две руки?

– А сколько возьмёшь ты, Скарлет, за след от ошейника, который я снял с твоей шеи?

Стрелок ничего не ответил.

– Мук, сын мельника, – сказал Робин, – мне помнится, что твою жену затравили собаками лесничие благородного лорда шерифа. За сколько марок ты продашь память о своей жене? Сотни марок с тебя довольно? Ты видишь, шериф, мои люди молчат. Конечно, не все ещё в сборе; может быть, к утру подойдут остальные и кто-нибудь из них польстится на твоё добро, – слепой Генрих, которому ты выколол глаза, или Давид Донкастерский, тот самый, чью землю ты подарил сэру Гаю Гисборну. А сегодня придётся тебе заночевать вместе с нами в весёлом Бернисдэльском лесу.

Пёс, лежавший у ног фриара Тука, перевалился на бок и зевнул, завив колечком розовый язык.

Толстенький монах с тоской посмотрел на тающую в сизых сумерках просеку.

– Отпустите хоть нас! – всхлипнул он. – Ведь скоро ночь.

Столько заячьей трусости было в этом возгласе, что Робин Гуд рассмеялся.

– Ну ступайте, – сказал он монахам. – Вы честно исполнили поручение непорочной девы Марии, и я не хочу, чтобы слуги её дурно ославили меня в своей святой обители. Дай им лошадей, Билль Статли. А этот, – он кивнул на шерифа, – пусть попробует сегодня, как сладко спать на траве и корнях под зелёным линкольнским сукном.

Вмиг с шерифа был содран бархатный плащ и кафтан, отороченный мехом, с ног – сапоги с золотыми шпорами. Зелёный плащ линкольнского сукна накинули ему на плечи. И до утра он корчился на мёрзлой земле, измышляя страшную казнь для Робин Гуда.

– Проклятье! – стуча зубами от холода, повторял шериф. – Ты дорого мне заплатишь за эту ночь, разбойник!..

– Хорошо ли спалось тебе, благородный лорд? – приветствовал его поутру весёлый стрелок. – Не правда ли, эти дубы поют колыбельные песни?

– За все богатства Англии я не просплю здесь второй ночи! – угрюмо ответил шериф, опуская глаза под жёстким взглядом стрелка.

– Но ты будешь жить здесь со мной не месяц и не год, – сказал Робин. – Ты будешь спать под этим дубом, пока не слетит с тебя спесь, шериф. Я дарю тебе жизнь на этот раз за то, что ты был ласков с моим Маленьким Джоном.

Шериф сидел на обомшелом пне, неловко кутаясь в зелёный плащ. Растрёпанная седая борода его вздрагивала на ветру. Былинки травы и мха прилипли к морщинистой шее.

Скателок, Мук, сын мельника, фриар Тук, Билль Статли и Билль Белоручка стояли рядом. Маленький Джон сплюнул сквозь зубы и махнул рукой.

– Хорошо, – сказал Робин. – Вот мой меч, шериф. Поклянись мне на нём: не вредить ни мне, ни моим стрелкам ни на земле, ни на морском пути.

Шериф вскочил так поспешно, что плащ распахнулся, обнажив сухую белую грудь.

– Клянусь! Клянусь! Клянусь! – повторил он трижды. – Я буду верным другом тебе, Робин Гуд!

– Так беги же отсюда прочь, старик! И спешу, пока не раздумали мои молодцы.

Босую ногу продел шериф в стремя; ветер рвал с его плеч зелёный линкольнский плащ.

– Я выжгу это гнездо калёным железом!.. – скрипел сквозь зубы шериф, нахлёстывая плетью коня.

14. О ЧУДОТВОРНЫХ МОЩАХ СВЯТОГО ГУГА И ЕЩЁ КОЕ О ЧЁМ

*А стрелы какие – длиною в ярд!
Оперенье – павлинье перо!
Блестящей насечкою радует глаз
Белое серебро.*

Полная луна светила так ярко, что муравьи видны были на лесной тропинке. Серебряные ветви дубов бросали на траву чёрную тень, а там, где листва была реже, дымчатые столбы лучей тянулись к земле.

Возле сторожки лесничего, срубленной из толстых брёвен, остановилась невзрачная лошадёнка. Сухонький старичок неловко сполз с седла и, сильно припадая на одну ногу, проковылял к окну. Он постучал по доске, которой изнутри было закрыто окно, и к щёлке тотчас же прильнул недоверчивый глаз.

– Открой, добрый человек, – тихо сказал поздний гость. – Я совсем заплутался у вас в лесу.

Полоска красного света брызнула в щель, погасла, вспыхнула снова: хозяин сторожки вздул огонь.

– Кого ещё там принесло?

Старичок уткнулся бородкой в окно и громко закричал:

– Башмачник я, в Ноттингем еду за кожей, на ярмарку! Пусти переночевать, хозяин!

Загремел засов.

Тяжёлая дверь отворилась, и в лунном свете блеснуло лезвие ирландского ножа. Чёрный Билль, лесничий королевских лесов, встретил позднего гостя на пороге.

– Ты один? – спросил лесничий, взглядываясь в тень за спиной старика.

– Как Адам, когда ещё не было Евы, – повеселевшим голосом ответил старичок. – Впрочем, есть при мне кости святого Гуга.

Он вошёл в сторожку, ведя за собой лошадь. Поставив лошадь в тот угол, где гремел о кормушку цепью жеребец лесничего, старичок скинул с плеча небольшую кожаную сумку.

Чёрный Билль, угрюмо насупившись, разглядывал гостя.

– А что у тебя в сумке, башмачник?

Старичок развязал котомку и поднёс к носу лесничего десяток ножей, шильев и свёрл. Лукаво ухмыляясь в седую бородёнку, он заговорил быстро-быстро, так что Чёрный Билль не мог вставить ни словечка.

– Великое дело – мощи святого Гуга! Святой Гуг ведь тоже был бродячий башмачник, вроде меня. А когда накинули ему на шею петлю за то, что он полюбил прекрасную Финифред, он воскликнул в великом горе: «Слушайте, все башмачники, какие есть на божьей земле! Мне нечего вам завещать. Жизнь у меня отнимает палач, мясо моё склюют жадные птицы. Я оставлю вам свои кости, пусть они принесут вам счастье». Нацеди мне кружку эля, хозяин, дай промочить горло с дороги... Хорош, хорош у тебя эль, лесник! Вот шли мимо виселицы весёлые башмачники, слышат – стучат на ветру белые кости святого Гуга. «Глядите, – говорит один, – вот кости, что завещал нам святой!» – «А на что живому нужны мёртвые кости?» – спрашивает другой. «Как на что? В этих костях такая же сила, как в мозгу бобра или в языке лягушки. Потому что, если ты высушишь мозг бобра, растолчешь в порошок и добавишь сычуга, который хозяйки кладут в сыр, и этой мазью натрешь порог, ни один вор не войдёт в твой дом. А язык лягушки имеет такую силу, что если положишь его на грудь спящего, то спящий ответит тебе на всякий вопрос и расскажет, что будет завтра и через десять лет. А если лист чернобыльника положишь в башмак – хоть сорок миль пройди, не устанешь. А если кости святого Гуга башмачник положит в сумку...»

– Да постой, не тараторь, старик! – перебил гостя Чёрный Билль. – Никто не поверит тебе, что ты башмачник. Зачем башмачнику сверла? Уж больно знакома мне твоя борода. Не хромой ли ты стрельник из Трента? Как, и колчан у тебя при седле?

– А хоть бы так, – не моргнув глазом, ответил старик. – Если мощи святого Гуга помогают башмачнику, почему бы им не сослужить службу доброму стрельнику?

– Какой же ветер занёс тебя сюда, старик?

– Уж ты-то знаешь какой, – подмигнул гость. – Тот самый ветер, который тридцать лет не даёт мне покою и таскает, как палый лист, по всему северному краю. Слышать, шериф в Ноттингеме объявил состязание лучников в день святого Петра? Значит, смекаю я, кому-нибудь да понадобятся меткие стрелы.

– А давно, однако, не видно тебя в наших лесах, – заметил лесничий, подливая старику тёмного эля.

– Да мало ли в Англии городов и сёл! Рук-то у меня, на беду, только две. Трудно стало мне таскать по дорогам свои старые кости, а хороший стрелок всегда отыщет хромого из Трента. Только третьего дня приходили ко мне в Донкастер здешние молодцы. Говорят, красного зверя в Шервуде много, да шерифовы заставы караулят у каждого пня.

Чёрный Билль нахмурился.

– Смотри, старик, не сносить тебе головы! Я давно примечаю, у разбойников стрелы твоей работы.

– Ремесло наше такое. Разве ткач виноват, если весёлые молодцы ходят в сукнах его работы? Были бы стрелы чисто сделаны, а чья рука их спустит с тетивы и в какую мишень, это дело не наше. Погляди, видал ты такие стрелы?

Стрельник прохромал к своей лошади, отвязал от седла объёмистый кожаный колчан и положил его на стол перед лесничим.

– Вот на этих широких боевых – настоящие фландрские наконечники. Вот «игла» – по мелкой дичи. Вот винтовая – для сильного ветра, – приговаривал мастер, бережно вытаскивая из колчана свои изделия. – Перья на ней заправлены наискось одно к другому, чтобы она вертелась на лету. Эта красная, с павлиньим пером, – для ветра с правой руки, а эта – для ветра с левой. Короткая – для дальнобойного лука, а эти, в ярд, – для шестифутового...

Чёрный Билль, вскидывая стрелы к глазу, проверял их прямоу. Вдруг он заметил, что стрельник, вытащив наполовину одну стрелу, поспешно упрятал её обратно в колчан.

– Стой, стой! – воскликнул лесничий. – Покажи-ка мне ту, кленовую.

– Вот эту?

– Да нет же, ту, что ты спрятал, старик.

– То плохая стрела. Возьми лучше эту. Смотри, у неё ложбинка на пятке для воска, чтобы не соскальзывала с тетивы.

Но Чёрный Билль протянул уже руку и выдернул из колчана кленовую стрелу.

– Так эта, по-твоему, плохая, стрельник? Хитришь ты, как я посмотрю. Мне сдаётся, что лучшей нет у тебя в колчане.

Лесничий взял свой шестифутовый лук и приложил к тетиве блестящую полированную стрелу.

– Как раз и по луку! Клянусь распятием, с такой стрелой не страшен мне спор в Ноттингеме! Продай мне её, старик!

Стрельник покачал головой.

– Эта стрела тебе не годится, парень. Видишь, она со свистом.

– Что это значит – со свистом?

– А вот в наконечнике у неё прорезана щёлка. Ветер в неё сходит, она и свистит на лету.

– Для чего же ты сделал стрелу со свистом?

Мастер замялся.

– Так уж... так уж мне было приказано, – пробормотал он,

– Ты скажи прямо, старик, для кого ты припас такую стрелу?

– Для одного молодца, который тоже будет в Ноттингеме на святого Петра.

Чёрный Билль, наморщив брови, так пристально посмотрел на хромого, словно хотел пронизать его взглядом.

– Что же, ты думаешь обмануть меня, старик? Или снова запоёшь мне про мощи святого Гуга? Не видать Робин Гуду этой стрелы, потому что ты подаришь её мне, лесничему королевских лесов!

– А если нет? – тихо спросил хромой стрельник из Трента.

– Если нет, – вспыхнул лесничий, – я отберу её силой, а тебя научу, как таскаться по разбойничьим берлогам!

– Что ж, возьми, Чёрный Билль. Только смотри, никому ни слова, не то, пожалуй, кто-нибудь всадит мне в грудь стрелу моей же работы.

Кленовая стрела со щёлкой в наконечнике исчезла в колчане лесничего.

Отобрав ещё две такие же стрелы, Чёрный Билль отправил их в свой колчан следом за первой.

15. КАК ШЕРИФ НОТТИНГЕМСКИЙ ПОДАРИЛ РОБИНУ СЕРЕБРЯНУЮ СТРЕЛУ

Шериф приказал обыскать Ноттингам

И вдоль и поперёк.

А Робин бродил по весёлым лесам —

Веселей, чем на лице листок.

По всем дорогам, в сёлах и городах, герольды прокричали шерифово слово:

– Слушайте! Слушайте! Слушайте! Слушай, весь добрый народ, слушайте, охотники,

воины и лесничие! Слушай всякий, кто носит лук и колчан! Этот крик кричит благородный шериф ноттингемский. На святого Петра мы призываем всех метких стрелков северной стороны на весёлый спор. А кто лучше всех будет бить в мишени, тот получит в награду стрелу чистого серебра. Наконечник и перья у стрелы – красного золота! И будет назван тот стрелок первым лучником северного края по сю сторону Трента. Боже, храни короля Ричарда и гроб господень!

Кто на конях, кто пешком, поодиночке и дружными ватагами, от Мэнсфильда и от Оллертона потянулись лучники к Ноттингему.

Молодцы Робин Гуда, оставив в Шервуде и Бернисдэле свои зелёные плащи, порознь, в жёлтых, в синих, в коричневых куртках, пробрались в город мимо зорких шерифовых сторожей: этот в северные ворота вошёл, тот въехал в южные на старом осле. А шерифовы слуги все ждали, когда же покажется в городе меткий стрелок со своей дружиной. Не для него ли по всем дорогам трубили в свой рог герольды?

Шериф и знатные гости взошли на помост, разукрашенный пёстрыми лентами. По правую руку рядом с шерифом сидела его жена в туго зашнурованном лифе, с серьгами в ушах, с длинными косами в шёлковых вышивных чехлах.

Стуча мечами по доскам, рассаживались рыцари по местам.

Густая толпа окружала просторное стрельбище – железные колпаки вояк попеременно с широкополыми войлочными шляпами крестьян.

Четыре сотни лучников, позванивая тетивами, ждали начала состязания.

Маленький старичок с кожаной сумкой за плечами опустил на колени перед шерифом.

– Благородный лорд шериф, – промолвил он тихо, оглянувшись по сторонам, – если ты подарешь мне одну золотую марку, я скажу тебе, как найти среди этих стрелков разбойника Робин Гуда.

– А кто ты такой и что известно тебе о разбойнике, старик?

– Я стрельник из Трента, сэр. Я сделал для Робин Гуда стрелы, с которыми он прибудет на праздник. В наконечниках этих стрел я прорезал искусные щели, так что стрелы при полёте будут петь протяжным и резким свистом. Разбойника не узнать среди других стрелков, потому что он переделался и выкрасил бороду. Но ты отличишь его по свистящим стрелам.

Шериф запустил руку в кошель, висевший у пояса, и бросил старику немного серебра.

– Ты заслужил награду, старик! Если твои стрелы помогут изловить разбойника, ты получишь новый кафтан и денег в придачу.

Он подозвал к себе начальника городской стражи и приказал ему выследить стрелка со свистящими стрелами, схватить его незаметно и тихо, чтобы не нарушить веселье праздника.

Между тем стрельба началась.

Круглая мишень была врыта в землю за двести двадцать ярдов от черты.

Прижимая коленом упругое дерево, стрелки сгибали луки, чтобы накинуть петлю тетивы на зарубку.словно стая птиц с резкими криками пронеслась над стрельбищем – это витые сухожилия запели под сильными пальцами.

То здесь, то там громко хлопала, лопаясь, слишком туго натянутая струна.

Чёрный Билль зорко всматривался в лица лучников.

Он узнал Маленького Джона, и Белоручку, и тощего стрелка, с которым однажды ему пришлось уже встретиться на стрельбищном поле за городскими стенами.

Но Робина не было видно.

Когда черёд дошёл до лесничего, он уверенной рукой пустил стрелу в мишень, и эта стрела пропела не громче, чем все другие, потому что лучший подарок хромого из Трента Чёрный Билль берег для трудного спора, который был впереди.

Слепец с двумя красными ямами вместо глаз протиснулся вперёд, таща на ремне трёхногую собаку.

– Безглазый с безлапым пришёл! Дайте дорогу! – кричали ребята, и люди сторонились,

чтобы пропустить слепца.

Все в Ноттингеме знали, что старый Генрих был когда-то первым стрелком на всю Англию, но шериф изловил его в королевском лесу на охоте и в наказание выколол ему глаза.

Парень в малиновой куртке положил руку слепому на плечо.

– Здравствуй, Генрих, – сказал он тихо. – Что не видать тебя в Шервуде?

– Приду, приду, стрелок, – вздрогнув, ответил безглазый. – И то заскучал в Ноттингеме.

Слепой склонил голову набок и долго прислушивался к жужжанию стрел.

– Эх, пострелять охота! – промолвил он.

Парень в малиновой куртке сунул в руки слепому свой лук и стрелу.

– А ты покажи им, Генрих, что для такой мишени и глаз не нужно.

Ещё одна стрела прожужжала мимо и стукнулась в мишень.

– А клянусь святой троицей, покажу! – Безглазый улыбнулся широкой улыбкой. – Подержи моего пса, сынок. А ну-ка, ребята, поставьте меня у черты!

Запрокинув назад голову, он прошёл к черте, у которой показывали своё искусство стрелки. Толпа притихла, глядя на горделивую осанку слепого.

– Стреляйте, стреляйте, молодцы! – сказал старик. – Бейте сильнее, чтобы я услышал мишень.

Лук неподвижно замер в его руке.

Не шевелясь, старый стрелок прислушивался, как ударяются стрелы в круглую доску. Стрела, оттянутая дальше-правого уха, медленно поворачивалась на звук; лёгкий ветерок шевелил яркие павлиньи перья на её древке.

– Сколько ярдов до мишени?

– Двести двадцать.

Привычная рука подняла жало стрелы дюймом повыше.

– Смотри, шериф, – громко сказал слепой, не поворачивая головы, – в такие мишени только и стрелять что сослепу!

Он спустил тетиву с такой силой, что стрела надвое расколола мишень. Потом, не обращая внимания на восторженные крики стрелков и народа, высоко вскидывая колени, зашагал прочь от черты. Парень в малиновой куртке выбежал к нему навстречу с трёхногой собакой на ремне.

Немало потребовалось времени, чтобы все четыре сотни лучников выстрелили по первому разу.

Ко второй стрельбе из них осталось пятьдесят человек.

Мишень поставили дальше на сотню ярдов, и по три стрелы в неё всадили только семеро: синяя куртка, рыжая куртка, Чёрный Билль, малиновая куртка, тощий лучник и двое стрелков из шерифовой стражи.

Теперь слуги принесли охапку прямых ивовых прутьев, очищенных от коры, и воткнули три прута в землю на расстоянии в триста ярдов от черты.

Крестьяне весёлыми возгласами подзадоривали стрелков:

– Неужто кто-нибудь срежет стрелой такие тонкие прутья?

– Это только Робину впору!

– Старый Генрих, уж верно, срезал бы, будь у него глаза.

– А Робин-то трусил: не видать его что-то сегодня.

– Ясное дело – всякому шкура дорога. Приди он, его живо бы сцапал лорд шериф.

– Эй ты, рыжая куртка! Что ты там шепчешь над своей тетивой? Скажи, как звать твоего святого, помолимся вместе – авось скорее услышит!

Тощий лучник первым вышел к черте.

– Вот стрелок! Не стрелок, а стрела: и тонок и лёгок!

– Что это он колдует? Гляди: пёрышко кинул в воздух!

– Это он ловит ветер.

Внимательно проследив полет пушинки, лучник прицелился и спустил тетиву. Прут

задрожал, по стрела, задев его, пролетела мимо. Со второго выстрела он расщепил ивовый прут, третья стрела пролетела мимо.

– Ну, рыжая куртка, покажи, как любит тебя твой святой!

Рослый парень вразвалку подошёл к черте, отёр правую руку о свою рыжую куртку, широко расставил ноги и выстрелил. Вырванный сильным ударом прут упал на траву.

Чёрный Билль исподлобья посмотрел на стрелка: его раздосадовала удача Маленького Джона.

Второй прут разлетелся в щепки.

– Ай рыжий, ай рыжий! – кричали в толпе. – Да он мухе в глаз попадёт, если крепко прицелится!

Но на третий раз Маленький Джон промахнулся. Синяя куртка сменила его у черты.

Билль Белоручка, промазав два раза подряд, виновато посмотрел на парня в малиновой куртке. Тот укоризненно покачал головой.

Первый из воинов шерифовой стражи выпустил три стрелы, но все пролетели мимо трудной мишени.

Теперь пришёл черёд Чёрного Билля. По своему обыкновению, он сощурился так, что стрелки покатались со смеху.

Протяжный, резкий свист пронёсся над полем.

Прицел был взят слишком низкий – стрела впиалась в землю у самого прута.

– Да ты жмурься получше! – кричали ему со всех сторон. – Не робей, борода! Это черт толкнул тебя в локоть!

Шериф привстал с места, услышав свист стрелы.

– Где твоё хваленое меткость, стрелок?! – спросил он насмешливо, и лесничий ответил ему удивлённым взглядом. – Покажи, покажи, как вы бьёте королевских оленей!

Сменив тетиву на луке, Чёрный Билль выстрелил снова. В неподвижной тишине опять раздался резкий, свистящий звук. Второй прут был расщеплён надвое, а за ним и третий.

– Что за стрелы такие у молодца? Свищут, как змеи. А прицел у него хорош! Если б он пристрелялся...

Какая-то суматоха поднялась вокруг чернобородого стрелка, когда он шагнул в толпу. Но все глаза направлены были на мишень, потому что второй воин из шерифовой стражи стоял уже у черты и целился.

Раз... Первый прут пошатнулся, оцарапанный стрелой.

Два... От второго отлетела верхушка.

Три... Третий прут раздвоился вилкой.

Толпа пошатнулась, четыре сотни луков поднялись в воздух, приветствуя искусного стрелка. Шериф снова встал и в его руке заблестела золотом и серебром стрела, предназначенная победителю в состязании. Он помедлил одно мгновение, глядя, как его стражники тащат в сторону от стрельбища упирающегося чернобородого стрелка.

В это время к черте вышел парень в малиновой куртке.

– Таких удалцов я люблю, – весело сказал парень, тяжёлой рукой хлопнув воина по спине. – Только спор наш ещё не кончен. Эй, там, не зевайте! Поставьте новые прутья!

Три стрелы, сверкая павлиньими перьями, одна за другой слетели с его тетивы, три расщеплённых прута запрыгали в дальнем конце поля.

– А теперь, молодец, мы с тобой потягаемся снова, – шепнул Робин шерифову стрелку. – Только, чур, уговор: если ты меня обстреляешь, я пойду под твоё начало, а если я тебя – гулять тебе со мной вместе по весёлым лесам!

Шериф опустил серебряную стрелу, ожидая, пока смолкнет оглушительный рёв толпы.

– Что ж, – сказал он, когда возгласы стихли, – я не знаю, кому присудить награду. Как сказать, кто из вас метче, если оба стреляли без промаха? Выбирайте, как стрелять вам теперь.

– Пусть Генрих скажет! – закричали в толпе. – Пусть Генрих скажет!

Десятки рук подтолкнули слепого вперёд.

– Пусть померяются, кто лучше бьёт навскидку! – сказал старик.

И тотчас же народ подхватил его слова:

– Навскидку! Навскидку! Бейте навскидку!

Воин кивнул головой.

Он снова вышел к черте и повернулся спиной к полю, держа наготове натянутый лук. Теперь ему не было видно, на каком расстоянии и в каком направлении воткнут будет в землю прут. По слову шерифа он должен был повернуться и, прежде чем шериф досчитает до трёх, спустить стрелу.

– Готово! – сказал шериф. – Раз... два... три!

Воин выстрелил, но промахнулся. Шериф поморщился, потому что желал удачи стрелку своей стражи, а никак не неизвестному крестьянину в малиновой куртке.

Когда последний повернулся спиной к стрельбищу и прут был воткнут в землю на новом месте, шериф снова воскликнул:

– Готово! – и отсчитал до трёх.

На этот раз он считал гораздо быстрее, чем прежде, но стрелок в малиновой куртке вовремя успел спустить стрелу.

Вычертив в воздухе широкую дугу, стрела начисто снесла верхушку белого прута.

– Получай же награду! – сказал шериф, протягивая лучнику в малиновой куртке стрелу с наконечником и перьями красного золота. – Поистине ты заслуживаешь имени лучшего стрелка во всём северном крае по сю сторону Трента!

Неизвестный в малиновой куртке поклонился шерифу и весёлой толпе, опуская стрелу в свой колчан.

Синие, рыжие, жёлтые куртки окружили его.

Кто-то тронул стрелка за рукав. Это был хромой стрельник из Трента.

– Нам нужно спешить, друзья, – сказал он, – они скоро раскусят, что обманула их стрела, которая свистит на лету.

16. О ТОМ, КАК РОБИН СПАС ТРЁХ СЫНОВЕЙ ВДОВЫ

«Кафтан, кафтан, – сказал шериф, –

И денег заплачу.

Тринадцать пенсов и кафтан –

Вот плата палачу».

– Что же случилось с твоими сыновьями, добрая женщина? – спросил Робин.

– Сэр Стефен дознался, что это они, – отвечала старуха. – Он дознался, что они зажгли костёр, на котором сгорели все свитки и грамоты вотчинного суда. Они хорошие мальчики, мои сыновья. Как три молодых дубочка! А сэр Стефен схватил их и угнал в Ноттингем, и шериф их повесит теперь. Говорят люди, что ты никогда не оставлял виллана в беде. Помогни мне, спаси моих мальчиков, стрелок!

– Хорошо, – сказал Робин. – Ступай домой и не плачь. Я спасу твоих сыновей.

Он поднял старуху на ноги и обернулся к стрелкам.

– Принеси мой лук, Давид Донкастерский. Ну, молодцы, кто хочет со мной в Ноттингем?

Но стрелок, которого звали Давидом Донкастерским, не тронулся с места.

– Тебе нельзя в Ноттингем, Робин! – воскликнул он. – На Ватлингской дороге вчера стоял герольд и кричал, что шериф объявил за твою голову награду.

– И дорого стоит моя голова?

– Двадцать марок обещает шериф всякому, кто доставит тебя в Ноттингем живым или мёртвым.

– Неправду ты говоришь, Давид, – повёл бровями Робин. – Я был на Ватлинге и сам. Я слышал, что кричал глашатай. Двадцать марок шериф обещал за мёртвого Робин Гуда, десять марок всего – за живого! Ты говоришь, как трус, Давид!

Весёлый стрелок взял свой лук и колчан, в котором среди других стрел блестела

серебряная стрела, подарок лорда шерифа. Его товарищи двинулись за ним, а дрозды свистали в ветвях, щебетали синички и коноплянки, и пёстрые дятлы стучали над головой.

На широкой дороге повстречался Робину нищий, одетый в лохмотья. Робин скинул с плеч свой зелёный плащ и отдал его побирушке, а сам поверх малиновой куртки накинул рубище, в котором было больше прорех, чем разноцветных заплат.

Когда стрелки подошли к Ноттингему, у городской стены они увидели три виселицы и большую толпу народа.

Помяная Христово имя и почёсываясь, как это делают вшивые бродяги, Робин Гуд протиснулся вперёд.

Три сына вдовы, связанные верёвками по рукам и ногам, стояли под виселицами, и шерифова стража в блестящих кольчугах, с копьями, с датскими топорами и с луками в руках окружала их. Шериф сидел на высокой скамье, покрытой сарацинским ковром, рядом с ним сидели присяжные и сэр Стефен.

Священник с распятием подошёл к сыновьям вдовы; библия на железной цепи болталась у его колена; он предложил осуждённым принять перед смертью святое причастие.

Но старший из сыновей отвернулся от исповедника и сказал громко, как смелый человек:

– Святой отец, ты говоришь так, будто мы уже мертвы. Но мы ещё живы, и господь не допустит, чтобы нас лишили жизни за правое дело.

И средний сын отвернулся от священника и сказал:

– Плохо ты служишь господу богу, если служишь шерифу ноттингемскому. – Потом он подмигнул вилланам, стоявшим в толпе. – А палача у них нет! Глядите, он выпил для храбрости слишком много и никак не сладит с верёвкой.

Тут все в толпе рассмеялись, потому что палач и вправду был пьян. Он хотел потуже затянуть петлю на верёвке и продел в неё ногу, как в стремя, а петля затянулась, точно силок. Палач упал на спину и не мог подняться: он дёргал ногами, но не мог оборвать верёвку. Стражники поволокли его прочь, а священник подошёл к третьему сыну вдовы.

Младший сын тоже не принял причастия. Он посмотрел на далёкий зелёный лес и расправил широкие плечи.

– Я помню за собой только один грех, святой отец, и в нём охотно тебе покаюсь. Я грешен в том, что слишком долго терпел. Давно мне нужно было сбросить с плеч ярмо и уйти в леса, к свободному Робин Гуду.

Весёлому Робину пришлось по душе эти слова. Он лучше прикрыл лохмотьями свой лук и подошёл к шерифу.

– Какую плату положишь ты палачу за работу, благородный лорд? – спросил он шерифа.

Ральф Мурдах выпрямился, и глаза его радостно блеснули.

– Клянусь, сам бог послал тебя, нищий? Я подарю тебе за работу новый кафтан, без единой прорехи, и тринадцать пенсов серебром.

– Тринадцать пенсов! – воскликнул Робин. – Тринадцать пенсов за три верёвки, тринадцать пенсов и новый кафтан! А сколько заплатишь ты мне за эту стрелу, шериф?

Перед самым носом шерифа сверкнула стрела с наконечником и перьями красного золота. И шериф откинулся назад, побледнев так сильно, будто эта стрела вошла ему в рёбра. Робин стряхнул с себя лохмотья побирушки, малиновая куртка вспыхнула на солнце. Он пустил серебряную стрелу в небо, и по этому знаку со всех сторон из толпы кинулись к виселицам молодцы в зелёных плащах.

– О-хо-хо! – закричал отец Тук. – С нами бог и святые угодники!

Дубина завертелась над его головой и пошла щёлкать по железным колпакам шерифовых стражников. Стрела летела выше и выше в синее небо, а Маленький Джон и повар Артур из Бленда уже расчистили дорогу к помосту, на котором стояли три сына вдовы. Священник бросился на колени, как щитом, прикрывшись распятием, и прямо через него

перемахнул старший сын, скидывая с рук разрубленную верёвку.

Только тут, блеснув золотом, стрела упала с неба и воткнулась в помост, как молния, схваченная на лету.

Говорят, что в драке семеро лучше пяти и пятеро лучше трёх, и это, конечно, верно. Стрелков было четыре десятка, а шерифовой стражи – сто человек. Но кольчуга крепче линкольнского сукна, датский топор тяжелее дубины, вот почему очень скоро люди шерифа железной стеной окружили своего господина и стали теснить лесных молодцов.

– Веселей, веселей, ребята! – покрикивал Робин Гуд. – Не жалейте колпаков и кольчуг!

– Ко мне! – раздался голос Скателока из-под кучи тел. – Клянусь крестом, я поймал их начальника!

Отец Тук, бросив дубину, навалился грудью на стражников, подмявших под себя Скателока. Начальник стражников, вывернувшись из рук стрелка, взмахнул ножом над широкой спиной монаха, но опрокинулся навзничь, пробитый стрелой.

Робин Гуд, спешивший на выручку Скателоку и Туку, обернулся, дивясь, откуда прилетела стрела. На перекладине виселицы сидели двое: тощий лучник в лисьей шапке и шерифов стрелок, состязавшийся с Робинем на стрельбище.

Оба, с луками в руках, спокойно смотрели сверху на свалку, выбирая мишени.

– Эге! И ты тут! Учишься бить навскидку, приятель? – рассмеялся Робин и едва успел отскочить в сторону из под сверкнувшего над его головой топора.

Он ответил врагу ударом ножа; клинок скользнул по кольчуге, но стражник упал, сшибленный с ног тяжёлым кулаком.

Из городских ворот вырвался конный отряд; шпоря лошадей, всадники скакали на помощь шерифу. Тогда звучный рог Робина покрыл шум схватки.

– К лесу, ребята! – крикнул Робин.

И его молодцы, как подхваченные ветром зелёные листья, запрыгали и понеслись по дороге.

Толпа горожан, собравшаяся вокруг виселиц, чтобы посмотреть, как повесят сыновей вдовы, давно растаяла. Только кучка крестьян из-за поворота дороги следила за ходом битвы. Теперь пришло время для стрел. Тот, кто раньше других успел выбраться из свалки, натягивал лук в ожидании товарищей.

– Стойте, Маленький Джон остался!

– Он ранен, Робин!

– Бейте по лошадям! – скомандовал Робин, надеясь задержать верховых.

Вместе с Муком и сыновьями вдовы он повернул назад и, подхватив с земли чей-то меч, врезался в толпу стражников.

Маленький Джон отбивался от наседавших на него врагов, стоя на одном колене; из другого колена у него хлестала кровь. Тощий лучник и шерифов стрелок принимали на себя направленные против него удары, и вся ярость стражников обрушивалась на изменившего шерифу воина.

– Не робей, Джон, держись! – крикнул Мук.

Робин, прорвав кольцо нападавших, с такой силой ударил мечом одного из стражников, что тот, покотившись, сбил с ног другого. Мук помог младшему сыну вдовы взвалить на плечи Маленького Джона. Тощий лучник, Робин и шерифов стрелок загородили товарищей и так, отбиваясь, пятились до самой дороги.

Между тем всадники, стройная колонна которых рассыралась под первым роем стрел, совладали с прыгнувшими в сторону лошадьми и во весь опор понеслись на стрелков.

Четверо всадников отделились от колонны и поскакали наперерез Робину и Муку.

– Бегите! – крикнул Робин товарищам. – Спасайте Джона, я справлюсь с ними сам.

Тощий лучник, Мук и сын вдовы с Джоном на плечах пустились вперёд по дороге к лесным молодцам. Но шерифов стрелок ослушался приказа. Он остался рядом с Робинем, и сразу два лука послали в неприятеля смертельные стрелы; двое всадников упали с коней.

Теперь стрелять уже было поздно.

С опущенными копьями, привстав в стременах, приближались воины шерифа.

Робин Гуд не успел поднять меч; отбросив лук, он ждал врага. Копьё устремилось в его открытую грудь. Но тут, словно подкинутый пружиной, стрелок отпрыгнул назад, рванув на себя копьё. Всадник, не ожидавший такого толчка, перелетел через голову лошади. А когда он вскочил на ноги, Робин сидел уже на его месте в седле, с луком в руках. Стрела просвистала – и последний всадник выронил копьё. Но выстрел запоздал на одно мгновение: шерифов стрелок лежал уже на земле, обливаясь кровью.

– Клянусь святой девой, они заплатят мне за этого молодца! – воскликнул Робин, пуская вскачь жеребца.

Догнав своих стрелков, он спрыгнул с копя: лесные стрелки не привыкли сражаться верхом.

Первый натиск врага удалось сдержать. Теперь стрелки бежали по дороге, то и дело останавливаясь, чтобы послать стрелу в преследователей.

– Они хотят отрезать нас от леса! – крикнул Эльфер, который всё время дрался наравне с другими стрелками. – Ближе к лесу, ближе к лесу, друзья!

Младший сын вдовы задыхался под тяжестью Маленького Джона.

– Бросьте меня, спасайтесь сами! – взмолился Маленький Джон.

Но Мук сердито прикрикнул на него, перехватывая его у сына вдовы:

– Ты знай помалкивай, дьявол!

Давид Донкастерский бросился между передним всадником и отцом Туком и упал с рассечённой мечом головой.

Так отступали стрелки все дальше и дальше по дороге, а шерифовы люди теснили их справа и слева, не подпуская к лесным тропинкам.

Стрелы лесных молодцов летели реже, потому что у многих уже колчаны были пусты.

Тощий лучник выпустил последнюю стрелу.

– Слушай, Робин, – сказал он, – по левую руку, за тем вон пригорком, – дорога к замку Ричарда Ли. Мой отец будет рад укрыть у себя твоих молодцов от шерифа.

– Так это ты и есть Энгельрик Ли? Хорошего сына родил твой отец! Я охотно верну ему беглеца!

Прежде чем всадники успели отрезать им путь, стрелки, перескочив через ров, понеслись по узкой тропе к Виридэлю.

Старинный замок гостеприимно раскрыл перед ними ворота, подъёмный мост прогромыхал цепями, и гранитные стены укрыли от врага Робин Гуда и его весёлых друзей.

– Отец, прости, что я привёл к тебе гостей, не спросясь, – сказал тощий лучник, обнимая отца.

– Я рад доброму Робину не меньше, чем тебе, мой сын, – ответил рыцарь. – Я думал навестить тебя в Шервуде, стрелок. Ведь завтра год со днём с тех пор, как ты помог мне спасти этот замок от йоркского аббата.

17. О ТОМ, КАК РОБИН ГУД НАНЯЛСЯ В КОРАБЕЛЬЩИКИ

*«На месте сиди, долговязый черт,
Сухопутная крыса, смотри!
Швырну тебя, хвастуна, через борт —
Живо пойдут пузыри!»*

Белые барашки бежали по морю, а в гавани было тихо, и среди многих других судов спокойно покачивался на якоре баркас, выкрашенный в зелёную краску.

Мачта с парусом, а также двенадцать пар зелёных весел с этого баркаса стояли, прислонённые к стене кабачка, где всегда мореходы, прибывшие в Скарборо, веселились, и пили вино и эль, и плясали, и распевали песни на всех языках, какие только есть на свете.

И так как часто стояли зелёные весла у входа в этот дом, то в самых далёких портах и даже в портовых городах святой земли мореходы назначали друг другу встречи в Скарборо

не иначе, как у «Зелёных весел». А Робин Гуду понравился цвет этих весел потому, что он похож был на цвет молодых дубов, и он вошёл в кабачок, взял кружку эля и стал слушать, о чём корабельщики спорят с хозяйкой.

– Сейчас в море опасно идти, – говорили корабельщики, – потому что ветер с заката, и если немного ещё посвежеет, то легко может случиться, что корабль угонит в открытое море. А приметы грозят жестокой бурей, и чайки жмутся к берегу и кричат о погибших христианских душах.

А хозяйка похожа была на мужчину гораздо больше, чем старые матросы. У неё был грубый голос, эль она пила большими глотками, и если бы она взяла в руки большую свинью, то свинья показалась бы маленьким поросёнком.

– Я бедная женщина, – говорила хозяйка «Зелёных весел». – Перед бурей лучше ловится рыба. И кто мне заплатит за рыбу, которая ходит в глубине моря? Тот, кто боится солёного ветра, может наняться ко мне в пастухи или лучше пойти в монастырь святого Петра Кентерберийского и провести остаток своих дней в молитве и посте.

Тогда корабельщики выходили на пристань и смотрели на небо и на белые барашки, что закипали вдаль, там, где серое море сходилось с серым небом; они нюхали воздух, возвращались к столу и выпивали ещё по кружке.

Они не хотели сняться с якоря и говорили, что христианская душа стоит дороже рыбы.

Только один соглашался идти в море, потому что у него был очень верный амулет – настоящий кусочек креста господня, и заветное слово было наколото краской у него на груди. Но один корабельщик не мог грести сразу двенадцатью парами длинных весел; для них было нужно не меньше двенадцати пар гребцов.

Тогда Робин Гуд сказал, что за справедливую плату выставит тридцать смелых мореходов, которые не боятся ни северного ветра, ни южного, ни восточного, ни западного и наступали на хвост не то что дьяволу, а самому благородному лорду шерифу.

И хозяйка «Зелёных весел» не пожалела справедливой платы.

Робин Гуд протрубил в свой рог, и дверь распахнулась, чтобы впустить тридцать молодцов в зелёных плащах.

Они взяли весла и мачту с парусом; храбрый корабельщик сказал, что святого отца не может взять на борт, потому что ото принесёт несчастье, но фриар Тук успокоил его и заботился страшной клятвой, что если и вспоминает когда о господе боге, то только что ради божбы, и хорошую потасовку всегда предпочтёт молитве и воздержанию.

Он расстегнул малиновую куртку и показал корабельщикам, что у него на груди жирною сажей наколото много заветных слов, и корабельщик махнул рукой.

Хромой стрельник из Трента остался на берегу. Вместе со всеми он вышел на порог «Зелёных весел» посмотреть, как баркас поднимет якорь.

– А этот парень почему хромает? – спросил корабельщик, указывая на Маленького Джона. – Хворых нам брать не годится, пусть лучше останется с тем вон хромым. – И тут он указал на стрельника из Трента.

А Маленький Джон топнул раз, и притопнул другой, и сплясал, чтобы корабельщик поверил, что рана у него совсем зажила и нога годится для всякой работы.

Хозяйка баркаса удивилась, увидав у своих мореходов луки и стрелы. Она спросила, не думают ли молодцы отправиться в святую землю. Робин Гуд объяснил, что гибкие луки всегда защищали его людей от опасности, а стрелы всегда приносили им щедрую добычу. И все корабельщики громко смеялись, услышав этот ответ.

Они рассмеялись ещё громче, когда мореходы, взойдя на судно, сгрудились все у одного борта и баркас накренился так, что едва не зачерпнул воды.

Но Робин Гуд крикнул им, что баркас довольно устойчив и никакая буря не страшна его молодцам.

Потом мореходы ударили вёслами. У кого весло зарылось глубоко в воду, а кто взбил только пригоршню брызг и окропил передних гребцов. Баркас завертелся на месте, как пёс, который ловит свой хвост, когда его донимают блохи. Тут ветер ударил в парус,

поставленный корабельщиком, и судно помчалось из гавани с такой быстротой, с какой срывается с тёткины стрела.

– Сушите весла! – крикнул корабельщик.

И мореходы подняли весла кто высоко, а кто низко, так что баркас оцетинился, будто зелёный ёж.

Маленький Джон, умея править рулём, сел на корму.

Отец Тук запел весёлый псалом о Моисее, который вывел евреев из земли египетской, из дома рабства. И стрелкам эта песня пришлась по душе, потому что всем наскучило сидеть в тесном замке сэра Ричарда Ли, глядеть на синее небо в бойницы, похожие на игольное ушко, и любоваться тем, как шериф строит осадные машины, чтобы взять приступом замок. Они позванивали фриару Туку на тетиве своих луков, а волны расходились все дружней и дружней и громко хлопали то справа, то слева, то с носа, то с кормы, и водяная пыль курилась в воздухе.

Робин Гуд встал и прицелился в чайку, которая висела над парусом совсем неподвижно, так близко, что видно было, как она помаргивает глазами; но в ту минуту, как он спустил тетиву, море вдруг выгнуло спину, и баркас встал на дыбы, как норовистый конь, стрела полетела не то в небо, не то в воду, а стрелок кувыркнулся через две скамейки и стукнулся плечом о борт, едва не сломав лук. Корабельщик посмотрел на него сердитыми глазами, потом закусил конец своей рыжей бороды и принялся молиться святой деве, потому что слишком хорошо понял, как умеют управляться с морскими волнами мореходы в зелёных плащах.

– Проклятое племя! – бранился он. – Такие же моряки из вас, как из меня епископ! Быть вам на дне сегодня, туда вам и дорога! Только и мне погибать вместе с вами. Смотрите, уже не видать берегов!

Корабельщик спустил парус и прикрикнул на Маленького Джона, чтобы он получше правил рулём. Он стоял посреди лодки, широко расставив ноги, так твёрдо, будто прирос к её Дну.

– Клянусь святым Патриком, – говорил корабельщик, – жизни не жалко, чтобы посмотреть, как вы будете пускать пузыри! Сухопутные крысы, отчитал бы я вас покрепче, да боюсь прогневить святых! В такую погоду мы лавливали рыбу и приходили домой, не зачерпнув ни капли воды. А с вами и сети не бросишь в море, болтаешься, как горелый пень! Смотрите, как правят настоящие моряки!

Солнце прорвало тучу, синий лоскут далеко впереди осветился ярким блеском, и по этому солнечному полю, гордо надув паруса и плавно покачиваясь, шёл корабль с золочёным носом.

– Это французский купец, – сказал корабельщик.

Он бросился к мачте и быстро распустил парус, потом крикнул Маленькому Джону:

– Поворачивай назад, долговязый! С вами тут сгоришь от стыда. Люди скажут: глядите на старого дурня, который полощется в море, какдохлый щенок! Говорю тебе, поворачивай назад, святой крест и тридцать угодников!

А солнечное поле побежало по морю, и лучи задели верхушку мачты, осветили баркас и зелёные плащи. Молодцы ударили вёслами, и баркас, подгоняемый попутным ветром, как ни плохо гребли стрелки, запрыгал по волнам, как подхлестнутый, ближе и ближе подходя к французскому бригу. Уже корабельщик увидел, как смотрят на них, прикрыв глаза ладонью, французские мореходы, а потом трясутся и хохочут, хватаясь за бока.

– А рыбка хороша! – громко сказал Робин Гуд. – Что за весёлый народ корабельщики! Смейтесь погромче, мореходы, потому что, клянусь святым Кесбертом, когда мы примемся за рыбную ловлю, вам будет не до смеха!

Он поднял лук и уже натянул тетиву, но лживое море обмануло его, и лодка взметнулась носом кверху, так что французский бриг пропал, соскользнув за горизонт, и, прежде чем он показался снова, доски ушли из-под ног стрелка.

– Тьфу, пропасть, чёртовы качели! – воскликнул Робин. – А ну, молодцы, привяжите меня к мачте покрепче!

Мук, сын мельника, и Скателок отсекали от сети крепкий смолёный конец и прикрутили Робина к мачте. Французский бриг был уже близко, и корабельщики указывали на Робина пальцами, хохотали и кричали непонятные слова. А ветер рвал с кипучих волн белую пену и бросал солёные брызги в лицо.

– Только б они не удрали от нас, – сказал Мук, вытаскивая стрелу из колчана, – а уж мы посмеёмся над ними вдосталь!

Между тем Робин выбрал себе мишень: чернобородого француза в голубом кафтане, который громче всех смеялся и, перегнувшись через борт судна, показывал пальцами на стрелка.

Волна снова подкинула кверху «Зелёные весла», и нос баркаса уткнулся бушпритом в самое небо, заслонив собой французов.

Но на этот раз Робин прочно стоял на ногах, упёршись спиной в мачту, и, едва баркас перекачнувшись через гребень волны, он выстрелил навскидку, и чернобородый, вскрикнув, покатился под ноги своим спутникам.

На палубе французского брига поднялась суматоха.

Вдоль борта, обращённого к баркасу, вырос ряд щитов, паруса захлопали, руль взрыл волны, меняя направление корабля. В руках у французов появились арбалеты, и тотчас же в воздухе встретились десятки стрел.

Маленький Джон бросил румпель. И баркас, болтаясь из стороны в сторону под ударами ветра и волн, повернулся бортом к приближающемуся неприятелю.

– Берегите стрелы, ребята, – сказал стрелкам Робин Гуд. – Ставлю голову об заклад, у нас будет весёлая драка!

Снова Робин рванул тетиву, и ещё одна стрела попала в цель. Не промахнулись и Билль Белоручка, и Мук, и Маленький Джон.

Строй французских стрелков поредел, а на баркасе «Зелёные весла» никто ещё не был ни ранен, ни задет, потому что неуклюжие арбалеты не могли сравниться с быстрыми луками лесных молодцов.

Отец Тук был, однако, слишком крупной мишенью, и стрела, пробив спущенный парус, вонзилась ему в бедро.

– Такими стрелами только воробьёв бить! – проворчал отец Тук и собрался отправить гостинец обратно, но стрела оказалась слишком коротка для его шестифутового лука.

В это время воин в кольчуге, от которой отскакивали стрелы, сложил руки трубой и что-то крикнул своим людям.

Услышав его слова, корабельщик бросился к Робину.

– Они хотят нас потопить, стрелок! – воскликнул он. – Смотри, они раздавят нас, как ореховую скорлупку!

– С божьей помощью, не потопят, – ответил Робин. – Становись к рулю, старик, и держи эту трясучую посудину хоть зубами, чтобы она поменьше прыгала. Мы бьём без промаха на твёрдой земле, и за каждое мгновение, когда можно будет пустить верную стрелу, ты получишь кругленький золотой.

Подрагивая на ходу, французский бриг быстро приближался к баркасу. Его высокий золочёный нос, готовый надвое рассечь утлое судёнышко, поднялся над водой, как меч, а парус, напряженный ветром, дугой выгибал упругую мачту.

Робин Гуд подмигнул стрелкам.

– Ребята, уроним парус! – сказал он, выжидая мгновения, чтобы спустить стрелу.

А корабельщик налёг на руль, и большая волна, подняв на гребне «Зелёные весла», замерла, прежде чем опрокинуться в глубину. Тут прозвенели сразу дружные луки, три десятка стрел ударили в верхний край паруса, и нашлась среди этих трёх десятков одна удачливая стрела, которая полоснула острым наконечником по верёвке, державшей парус на мачте; а может быть, таких стрел было две или три. Верёвка лопнула под напором ветра,

парус упал, широким полотнищем накрыв защитников французского брига точно так же, как сеть птицелова накрывает стайку щеглов.

Бриг замедлил разбег, и, прежде чем люди на бриге выбрались из-под тяжёлой холстины, борт брига стеной навис над баркасом. Фриар Тук, Маленький Джон и Артур из Бленда ухватились за рваные снасти, а кое-кто из стрелков вскарабкался на французский корабль. Мечи заблестели на солнце, и громкий крик бойцов заглушил рёв моря и ветра.

Очень скоро французы стояли уже на коленях и просили пощады, а над ними, кто с обнажённым клинком, кто со стрелой наготове, стояли молодцы Робин Гуда.

Только святой отец, схватившийся с воином в блестящей кольчуге, продолжал кататься по палубе в обнимку со своим врагом. Они докатились до люка в полу и упали в него, не выпуская друг друга из объятий.

– Весёлые корабельщики, – сказал Робин Гуд, – теперь пришёл черёд нам посмеяться над вами. Но мы пощадим вас и смеяться не станем, а только возьмём себе столько луков, стрел и мечей, сколько есть у вас на борту, и красный товар, и чеканную монету, потому что нас ограбил благородный лорд шериф и у нас за душой не осталось ничего, кроме меткого глаза и верной руки.

Но французы не поняли слов весёлого Робина, потому что он говорил на своём языке.

И, связав одних, а к другим приставив охрану, стрелки кое-как, с помощью корабельщика, втолковали французам, чтобы они взяли на буксир баркас «Зелёные весла», подняли все паруса, какие позволит поднять противный ветер, и шли к Скарборо. Потом спустились в трюм посмотреть, чем наградила их судьба за отвагу.

В трюме нашли они фриара Тука и воина в кольчуге, которые с постными лицами, сидели возле огромной бочки вина. Рыцарь грустил потому, что его люди потерпели поражение в битве, а святой отец – потому, что, свалившись в люк, он упал вместе с рыцарем на большую винную бочку и вышиб в ней днище.

– Такое доброе вино погубили! – ворчал фриар Тук, отжимая свой мокрый плащ. – Искушаться в таком чудесном вине, какого, верно, и сам король-то не пил! Это великий грех.

И товарищи посмеялись, посочувствовав его горю, но скоро утешились, отыскав ещё несколько бочек с таким же отличным вином, и много тюков зелёного, красного и синего сукна, и ящики с золотой и серебряной монетой, и такой запас луков, стрел и мечей, какого хватило бы на добрую сотню шерифов.

– Ты видишь, – сказал Робин корабельщику с «Зелёных весел», – мы наловили немало рыбы, хотя на море охота труднее, чем в королевских лесах. И вот тебе горсть золотых за то, что ты крепко держал свою скорлупу на волнах, пока мы стреляли. И вот тебе ещё для твоей хозяйки, потому что нам нельзя будет мешкать в Скарборо, хотя я и не прочь бы провести денёк у «Зелёных весел», только не на зелёных волнах, а на твёрдой земле.

18. О БИТВЕ РОБИНА С ГАЕМ ГИСБОРНОМ

*Леса блестят, подлесок свеж,
Широк и длинен лист,
И весело бродить в лесу
И слушать птичий свист.*

Толпа корабельщиков ожидала на пристани смелых мореходов. Но Робин Гуд смотрел не на них: он увидел на берегу рядом с хромым из Трента младшего из сыновей вдовы.

– Что в Вирисдэле? – спросил он, спрыгнув на пристань, прежде чем французы успели бросить якорь.

– Беда в Вирисдэле, – ответил сын вдовы, которого звали Джеком. – В замке нет ни стрел, ни нищи. Шерифовы люди продолжают осаду. Они разведали, что ты со стрелками ушёл из замка подземным ходом. Билль Статли и я, мы пошли на охоту, но стражники выследили нас, когда мы вышли из подземелья, и погнались за нами...

Робин с тревогой заглянул в глаза юноши.

– И где же Билль?

– Шериф настиг нас у Понтефракта, – продолжал Джек, не отвечая на вопрос. – Добрые крестьяне вступились за нас, узнав, что мы – твои люди. Билль Статли повёл их против шерифа, а мне приказал скакать к тебе, чтобы ты поспешил на помощь Ричарду Ли.

– Кто в замке? – быстро спросил Робин.

– Энгельрик Ли, мои братья, Скарлет и Эльфер.

– Много людей взял шериф с собой к Понтефракту?

– С ним восемнадцать стражников и рыцарь, одетый в конскую шкуру, с рогами на шлеме.

– Гай Гисборн, – сказал Робин, нахмурившись.

Он постоял в раздумье, глядя, как под надзором стрелков французские корабельщики сносят на берег своё добро. Связки луков и куча колчанов быстро росли на пристани, радуя сердце стрелка. И когда снова он поднял глаза на юношу, хмурая тень сбежала с его лица, а голос был весел.

– Ничего, молодец! – воскликнул он. – Ты видишь, не зря Мы ходили в море: теперь есть у нас чем попотчевать наших врагов. Где твоя лошадь, парень?

– Пала. – Юноша кивнул на дорогу, где, облепленная роем мух, лежала конская туша. – Но я приготовил здесь двух лошадей. Они накормлены и стоят под седлом.

Робин Гуд поправил колчан на спине.

– Маленький Джон, – крикнул он, – мы поедем с тобой вперёд! А ты, фриар Тук, веди ребят в Вирисдэль выручать старого Ричарда Ли. Торопись! Может быть, уже поздно. Бросьте здесь все добро, нам сбережёт его хозяйка «Зелёных весел». Оружие возьмите с собой, до последней стрелы. Поскорей развяжитесь с французами и не мешкайте ни минуты. Ты, молодец, слушайся фриара Тука, как господу бога.

Младший сын вдовы с завистью посмотрел на Маленького Джона, потому что ожидал, что сам поедет с Робинем; и, когда пыль взвилась под копытами двух коней, слеза прокатилась по его запялённой щеке.

А Робин с Маленьким Джоном скакали, не щадя лошадей, весь вечер и добрую часть ночи.

Уже села луна и засвистали птицы в лесу, когда они спрыгнули наземь возле харчевни «Синий вебрь» в Сайлсе и, бросив поводья, стукнули в дверь.

Передохнув часок и подкрепившись, пока хозяин добывал свежих коней, они поскакали дальше.

Лес подступил к самой дороге, и Маленький Джон, ни слова не говоря, свернул на лесную тропу. Робин Гуд похвалил его за осторожность. Копыта коней бесшумно ступали по мху и траве, а лесная чаща скрывала всадников от людского глаза.

У ручья, через который переброшен был шаткий мостик, стрелки переглянулись. Много лет назад на этом мостике Робин впервые встретил своего верного друга. Ни тот, ни другой не хотели уступить дорогу, а двоим разойтись было негде. Они дрались на зыбких брёвнах до тех пор, пока тяжёлая дубина Джона не сбросила Робина в воду.

– Скажи, – спросил Маленький Джон, спрыгивая с лошади, чтобы перевести её через студёный поток, – ведь ты мог одолеть меня тогда, если бы захотел? Ты нарочно уступил мне в тот день?

Робин лукаво усмехнулся.

– Не всегда побеждают силой, – сказал он. – Расшиби я тебе голову тогда, разве был бы у меня сегодня спутником Маленький Джон?

Олень, склонив ветвистые рога, пил воду выше по течению ручья. Из-за зелёной завесы плакучих ив стрелкам было видно, как насторожился он, услышав их голоса. Смоченные водой губы оленя блестели серебром; он вскинул голову выше, ловя ветерок чуткими ноздрями, потом сорвался с места, и сучья затрещали на его пути.

Вдруг треск сучьев прекратился так резко, что Робин тотчас же вопросительно взглянул на Маленького Джона. Тот молча кивнул головой и привязал к дереву свою лошадь и лошадь Робина. Пригнувшись к земле, стрелки скользнули в чащу и побежали по лесу, осторожно

перепрыгивая через сухой валежник, чтобы не выдать себя случайным звуком.

На лужайке рядом с вывороченным грозой клёном лежал, подмяв под себя передние ноги, олень. Из шеи, пробитой стрелой, фонтаном била кровь. Человек в рогатом шлеме раздвинул ветви, придерживая накинутаю на плечи конскую шкуру.

– Вот и он, – шепнул Робин Маленькому Джону. – Давно я ждал этой встречи!

Тут Робин Гуд согнул свой лук и накиннул петлю тетивы на зарубку.

– Скачи в Понтефракт, я догоню тебя по дороге.

– Уж лучше я подожду, – возразил стрелок. – Не много времени нужно, чтобы спустить стрелу.

Робин Гуд покачал головой.

– Неужто я стану стрелять в него из-под куста, как в оленя? Не думаешь ли ты, что я откажусь от драки с Гаем Гисборном? Спешу в Понтефракт. Если шериф схватил Билля Статли, он недолго будет раздумывать, прежде чем вздёрнуть его под перекладину.

Стрелок с беспокойством окинул взглядом могучую фигуру рыцаря, склонившегося над оленем.

– Пусти меня с ним подражаться, а сам скачи в Понтефракт.

Робин Гуд уловил тревогу в словах стрелка. Он положил ему на плечо свою тяжёлую руку.

– Такого подарка не вправе требовать от меня даже ты, Маленький Джон, – сказал он твёрдо. – Ни разу за долгие годы я не приказывал тебе как начальник. Теперь...

Стрелок безропотно повернулся и исчез в кустах. Робин Гуд подождал, пока в шелест листвы и рокот ручья не вплёлся глухой перестук копыт. Тогда, раздвинув орешник, он шагнул на лужайку.

– Поглядеть на оленя – ты стрелок неплохой, – сказал он. – Только придётся мне представить тебя шерифу, рыцарь, за то, что ты свалил оленя в королевском лесу!

– А ты кто такой, что тревожишься о королевских оленях? – спросил рыцарь, выставив грудь вперёд.

– Я лесничий здешних лесов, – ответил стрелок. – И напрасно ты смеёшься, рыцарь, потому что если шериф не вздёрнет тебя на верёвку, то уж, верно, прикажет отсечь тебе правую руку, чтобы неповадно было тревожить красного зверя.

– Ну, мы с шерифом друзья, охотимся вместе. А вот если ты – лесничий в этих лесах, то, наверное, укажешь мне, где найти разбойника, по имени Робин Гуд.

– А какая мне будет за это награда?

Рыцарь сунул руку в кошель, привязанный к поясу, и побренчал золотом.

– Хорошо, – отвечал стрелок. – Мне знакомы все тропы в Бернисдэльском лесу, и я помогу тебе отыскать молодца. Но известно ли тебе, рыцарь, что Робин Гуд – отличный стрелок? Я боюсь подвести тебя под его стрелу, потому что, клянусь святым Кесбертом, он пристрелит тебя, как сурка.

Лицо рыцаря покраснело, одна бровь поднялась выше другой.

– Дерзок же, ты, лесничий, – сказал он, – и я проучу тебя, когда придёт время! А теперь покажи мне разбойничье логово, потому что я тоже не первый день держу в руках этот лук.

– Прежде покажи мне своё искусство, рыцарь. Видишь омелу на дикой груше? Пусть это будет наша мишень. Она висит на тонком стебле. Если меток твой глаз и верна рука, но собьёшь ли омелу стрелой?

Стрела Гая Гисборна пронизала зелёный шар, и несколько узких листочков, кружась, слетели на землю. Стрела Робина прошла на дюйм от стебля. Они выстрелили по второму разу, и зелёный шар вздрогнул, лениво запрыгал по веткам и свалился к ногам стрелка.

– Отличный выстрел! – воскликнул рыцарь. – Скажи мне своё имя, лесничий, чтобы я знал, как зовут лучшего лучника в наших краях.

– Таиться мне незачем, – ответил Робин, – но прежде я хотел бы услышать, как зовут шерифова друга, который бьёт запретную дичь в королевском лесу.

– Зовут меня сэром Гаем Гисборном, стрелок. Я брожу в этих лесах давно, и совсем не

олени нужны мне. Я ищу проклятого виллана, который посмел поднять руку против своего господина и вскружить головы крестьянам всей округи, нарушив порядок, положенный богом и королём. Веди меня туда, где скрывается от правосудия Робин Гуд.

– Я – бернисдэльский Робин Гуд, из города Локсли, и рад помериться с тобой силами, рыцарь!

Мечи зашипели, вылетая из ножен, и сшиблись над головами виллана и господина. Солнце играло на полированной стали, вспыхивая, потухая и вспыхивая снова. В начале схватки мечи были острее свежего осколка кремня, а щиты сверкали чернью и серебром и пёстрой эмалью гербов. Круторогий бык грозился с родового щита Гая Гисборна, лилия и шахматная доска блестели лазурью на щите Робина, добытом в морском бою у французов. Потом иззубрилась сарацинская сталь мечей, лопнули железные обручи на щитах, искрошились эмаль, серебро и чернь; иссечённые ударами обломки отлетали в траву. Меч рыцаря был на четыре пальца длиннее меча стрелка, и первым пришёл в негодность щит Робин Гуда.

Бойцы сражались молча, и только скрежет стали не умолкал ни на миг. Ноги бойцов утоптали траву на лужайке. Тяжёлый удар обрушился на меч Робина, сталь разбилась, как стекло, а конец клинка, сверкнув в воздухе, с лёту вонзился в ствол дерева наискось, как широкий ирландский нож.

Теперь Робин стал пятиться назад, обороняясь обломком меча, который служил ему сразу и мечом, и щитом, и кольчугой.

Он отступал шаг за шагом, пядь за пядью по кругу, пока кольцо не замкнулось и он не ступил на утоптанную траву.

Здесь лежал убитый олень, и, пяясь, Робин споткнулся о него. Тут Гай Гисборн ударил его в бок, и только колчан спас стрелка от неминуемой смерти.

– Ты будешь лизать мне пятки, раб! – прохрипел Гай Гисборн, заноса снова свой меч.

– Нет! – крикнул Робин. – Я не умру от руки господина!

Это были первые слова, слетевшие с его уст с начала боя. Отпрянув в сторону, как стрела от спущенной тетивы, он ударил рыцаря обломком меча в живот снизу вверх, как разят ирландским ножом в уличной драке. И удар был так силен, что тупой обломок прошиб кольчугу и по самую рукоять ушёл в тело врага.

Гай Гисборн упал, а Робин повалился с ним рядом. Он был так утомлён, что не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Но лицо его смеялось, а сквозь мокрые от пота ресницы глаза глядели на солнце, зацепившееся за вершину дуба.

Он лежал и щурил глаза, и солнечный луч запутался у него в ресницах, сверкая огромным радужным щитом, и стрелок то сжимал, то разжимал веки, и радужный щит играл, переливаясь малиновым, жёлтым, зелёным, синим цветом, и Робин смеялся, думая о том, что его враг убит, а он остался жив и жизнь, как капля на ресницах, переливает радугой, звеня малиновым, жёлтым, зелёным и синим шумом.

Грудь стрелка вздымалась ровнее, ровнее, и он уснул. Ему приснился славный бой, толпы вилланов в малиновых куртках, с ирландскими ножами в руках и толпы господ в блестящих кольчугах.

«Ты будешь лизать мне пятки, раб!» – услышал Робин торжествующий голос и тотчас открыл глаза.

Повиснув на самом конце ивовой ветки, над ним покачивался дрозд, а в клюве у птицы извивался тонкий белый червяк.

– Хо-хо-хо, дроздушка! – крикнул Робин так громко, что дрозд выронил свою добычу и скользнул в листву.

Стрелок упёрся в землю рукой и сел.

Он посмотрел на Гая Гисборна, по лицу которого бегали муравьи, и на обломки щитов, и на осколок меча, неподвижно торчавший в корявом стволе, и рассмеялся, потому что трудолюбивый паук успел уже натянуть прозрачную сетку между клинком, дубовой корой и

колючим цветком боярышника.

– Всю жизнь ты был негодяем, сэра Гай, а сегодня перестал им быть! – воскликнул Робин, наклоняясь над убитым врагом.

Он сдёрнул с рыцаря конскую шкуру и накинул её себе на плечи. Потом бросил свой колчан, разрубленный врагом, и взял колчан Гая Гисборна и его охотничий рог. И бросил свои ножны, потому что они были коротки для рыцарского меча. Он поднял оба лука и двинулся в путь, тревожа лес весёлым пением серебряного рога. И скоро сумерки заплели своей паутиной лужайку, а примятая трава зашевелилась, расправляя жадные к жизни, живучие стебельки.

19. О ТОМ, КАК СТЕЛКИ ВЫРУЧИЛИ ВИЛЛЬ СТАТЛИ, И О СМЕРТИ БЛАГОРОДНОГО ЛОРДА ШЕРИФА

*Там не один сгибался лук
И не одна стрела летела,
Немало порвано кольчуг,
И не одно пробито тело.*

Рабы с ошейниками на шее тащили на длинной верёвке двух пленников. Один пленник спотыкался и падал под непосильной ношей, пот градом катился по его лицу, а конец дубового глаголя, который лежал у него на плече, тащился за ним по дороге, взрывая в пыли глубокую борозду. Руки пленника были свободны, он поддерживал окровавленными пальцами тяжёлое бревно.

Второй пленник, в изорванном зелёном плаще, с руками, скрученными за спиной, шёл, гордо вскинув голову, смело поглядывая на толпу, запрудившую рыночную площадь Понтефракта. Рыжие пятна крови проступили у него на спине, а щека рассечена была багровым рубцом.

Рабы несли за ним второй глаголь.

– Стыдно робеть перед смертью, – усмехнувшись, сказал Вилль Статли, когда виллан сбросил с плеч свой тяжёлый груз. – Не с Христа ли берёшь ты пример, молодец? Зря ты тащил перекладину, на которой тебе же болтаться. Что значит перед смертью десятков лишних ударов?

Шериф, сидя на белом коне, не спускал с пленников глаз. Шерифов слуга протянул им два заступа.

– Ройте ямы для глаголей! – приказал он.

Вилль Статли звонко рассмеялся.

– Шутник ты, как я посмотрю! Как же это могу я рыть яму со связанными руками?

Виллан, взглянув на стрелка, выронил заступ. Слуга достал нож и приготовился рубить верёвки на руках Билля Статли, но шериф угрюмо покачал головой. Тогда рабы поплевали на ладони и всадили заступы в землю.

Горожане молча следили за тем, как железо режет жёлтую глину.

– Отдохнём пока, что ли? – сказал Вилль, опускаясь на землю. – Ты, парень, жалеешь небось, что ввязался в наше дело?

– Нет, – ответил виллан. – А помирать неохота.

– Не горюй, приятель! Знаешь, на том свете всё будет наоборот. Спроси любого монаха. На том свете ты будешь ехать на белом коне, в плаще, расшитом золотом и серебром, а твои товарищи, вроде меня, будут гнать по дороге шерифа с таким же глаголем на плечах. Вот только не знаю, есть ли на том свете Понтефракт.

Первый глаголь поднялся кверху, качнулся, как подрубленное дерево, и замер. На нём закачалась верёвка с петлёй.

Стрелок окинул взглядом толпу. Десятки глаз ощупывали его со всех сторон – иные горели злорадством, ненавистью и насмешкой, другие почернели от страха и жалости.

Рядом с первым глаголем встал второй. У стрелка пересохло в горле и пропала охота шутить. Он напряг мускулы, силясь порвать верёвки.

– Эх, стукнуть бы тебя перед смертью! – сказал он, глядя шерифу прямо в глаза. – Рук не хотелось марать о тебя, старая падаль, а зря мы отпустили тебя живым в тот проклятый день!

– Начинайте вот с этого, – кивнул шериф рабам.

Обозлённые тем, что стрелок заставил их тащить тяжёлую виселицу, рабы с поспешной готовностью подскочили к Биллю Статли. Но он тряхнул плечами, и они отлетели от него, как щенки.

– Шериф! – крикнул Вилль Статли. – Не годится стрелку Робин Гуда умирать от удавки! Ты однажды поклялся не вредить нам ни на море, ни на суше. Если есть ещё капля совести в твоей подлой душе, позволь мне умереть, как подобает стрелку. Прикажи дать мне в руки меч, я буду биться со всеми твоими людьми, один против многих!

– Нет, разбойник! Собаке – собачья смерть! Ты расстанешься с жизнью в петле!

Рука раба коснулась шеи стрелка. Вилль Статли отпрянул от него и наткнулся на копьё стражника. Острые копыя нацелились в него со всех сторон.

– Хорошо же! – крикнул Вилль Статли. – Развяжите мне руки, а там посмотрим, помогут ли вам ваши копыя!

– Слишком большая честь для тебя – умереть от копья и меча, – усмехнулся шериф. – Ты издохнешь, высунув набок язык, и такой же смертью умрёт Робин Гуд, когда попадётся мне в руки.

Вилль Статли приподнялся, выпятив грудь, заскрежетал зубами. Но узлы затянуты были туго, только кровь с науги брызнула у него из рубца на щеке.

– Ты жалкий трус, шериф! – прохрипел он. – погоди же! Робин Гуд разочтётся с тобой за меня. Он проткнёт твоё подлое сердце, он раздавит тебя, как вонючего клопа... Прощай, виллан, не робей! Умирать – один раз!

Парень съёжился, когда петля упала на шею стрелка, будто сам ощутил прикосновение верёвки.

– Дай же мне попрощаться с тобой, Вилль Статли! – раздался тут голос, и лучник в зелёном плаще, вынырнув из толпы, шагнул к стрелку.

– Стой! И ты не уйдёшь, Рейнольд Гринлиф! – вскричал шериф, узнав Маленького Джона. – Ты будешь болтаться с ним на одной верёвке!

Но широкий нож блеснул уже в воздухе раз и другой, в Вилль Статли выдернул меч из ножен у стражника, который стоял рядом с ним.

– Спина к спине! – крикнул Маленький Джон, и два меча сверкнули над головами стрелков.

Горожане в испуге отступили назад и прижались к стенам домов, шериф осадил коня, а стражники бросились вперёд.

А в небе скользили белые облака, проволакивая лёгкие тени, как сети, по дубам, по каштанам и букам, по колосистым полям и горячим дорогам, собирая прозрачный улов – ветерок, напоённый дыханием цветов, и дрожащий над пашнями воздух. А с высокого холма, что сбегает лугами к Понтефракту, навстречу скользящим теням спешил всадник в малиновой куртке, с конской шкурой на плечах и в рогатом шлеме.

Перед ним, как на ладони, открылась рыночная площадь, и зоркие глаза разглядели сквозь дымку пыли, как упал, раскинув руки, незнакомый виллан под ударом датского топора и как люди шерифа, навалившись на Маленького Джона и Билля Статли, связали стрелков по рукам и ногам.

– Вовремя я подоспел! – сказал Робин и трижды протрубил в рог сэра Гая Гисборна.

Торжествующий звук прокатился над Понтефрактом. И шериф узнал этот рог и воскликнул, привстав в стременах:

– Это рог Гая Гисборна. Он даёт нам знать, что разбойник убит!

Толпа расступилась, чтобы пропустить воина в конской шкуре.

– Привет благородному лорду! – услышали горожане. – Робин Гуд убит и не

воскреснет.

Шлем скрывал лицо воина, и шериф не знал, кто стоит перед ним. Он видел только конскую шкуру и бычьи рога на шлеме.

– Наконец-то! – крикнул шериф. – Сэр Гай Гисборн, проси у меня любой награды! Ты совершил великий подвиг, Гай, и тебе ни в чём не будет отказа.

И стражники все шагнули вперёд, чтобы узнать, какой награды потребует рыцарь, убивший Робин Гуда.

– Мне не нужно награды, – ответил воин. – А впрочем... – Тут он посмотрел в ту сторону, где лежали связанные Билль Статли и Маленький Джон. – А впрочем, нет, благородный лорд шериф. Там, я вижу, лежат слуги Робин Гуда. Я убил их главаря, так позволь мне прикончить и слуг!

– Безумец! Такой ли ты заслужил награды? Спрашивай золота, спрашивай земли, леса, я добуду для тебя у короля всё, что захочешь!

– Отойдите в сторону, чтобы никто не услышал исповеди этих людей. Я разделаюсь с ними, как разделался с Робин Гудом.

Шериф кивнул и тронул поводья. Он отъехал к тому месту, где стояли рыночные весы, а стражники отошли вслед за ним.

Тогда воин в конской шкуре, с бычьими рогами на шлеме склонился над пленниками, и верёвки упали с них под ударами ножа.

– Вот тебе лук Гая Гисборна, Маленький Джон, – сказал Робин, – а ты, Билль Статли, бери его меч.

Робин сбросил на землю тяжёлый шлем, и два лука пропели тетивой. Двое стражников, которые бросились вперёд, заметил обман, упали на горячую пыль. Ещё две стрелы просвистели, а люди шерифа пустились бежать без оглядки, чувствуя, как щекочет их между лопатками смерть. Ральф Мурдах всадил шпоры в брюхо коню, но стрела догнала шерифа.

– Так, – сказал Робин, – был в Ноттингеме благородный шериф – лорд Ральф Мурдах.

Стрелки ополоснули лицо и руки у студёного колодца и с весёлой песней двинулись к Виридэлю. Навстречу стрелкам из зелёной лощины примчались вестники победы – лохматые псы фриара Тука. А потом, как всегда, показался за ними и сам святой отец, и хотя широки были плечи у причетчика из Фаунтендэля, но они не могли скрыть от глаз его спутников.

Три десятка молодцов в зелёных плащах шли за ним, и три сына вдовы, и старый рыцарь Ричард, и сын его Энгельрик Ли, и хромой старикашка, весёлый стрельник из Трента.

– Победа, Робин! – прогудел фриар Тук, сложив ладони трубкой.

– Победа, победа, друзья! – ответили сразу и Робин, и Билль, и Маленький Джон.

ЭПИЛОГ

Много весёлых песен сложили глимены про Робин Гуда и его лесных молодцов.

Хочешь – слушай про то, как стрелок повстречал Маленького Джона на бревне, перекинутом через ручей.

Если добрым людям нравится, глимен расскажет, как старуха вдова обменялась с Робинсом платьем, чтобы спасти его от епископа, как он спас от шерифа её сыновей.

– Спой нам про то, как король Ричард навещал Робина в Шервудском лесу, – скажут крестьяне.

И глимен споёт про Ричарда Львиное Сердце. Целый год просидел король в Ноттингеме, но не смог изловить Робин Гуда. А потом оделся монахом, и стрелки привели его к Робину. Добрый Робин отказался служить королю, потому что ему милее была свобода, и зелёный лес, и Маленький Джон с востроносым Скателоком.

В этих рассказах волной льётся эль, и поёт тетива, и хохочет хмельной фриар Тук. Стрелы летят слишком метко, чтобы это могло быть правдой, а знатные рыцари и аббаты душат своих вилланов так, что это не может быть ложью. Много веселья в этих рассказах,

потому что нет ничего веселее в целом свете, чем борьба за привольную и свободную жизнь. И для каждого пахаря, для виллана и для раба имя Робин Гуда, как тетива боевого лука, звенит надеждой на лучшие дни, звенит призывом к бою. Но после этих весёлых песен всякий попросит глимена:

– Спой, молодец, как умер Робин Гуд.

Тогда глимен выпьет кружку томного эля и тихо положит руки на струны арфы. И добрые люди услышат последнюю песню:

Случилось, что Робин и Маленький Джон
Зелёным брели перевалом,
И Джону сказал отважный стрелок:
«Стреляли с тобой мы немало.

Но больше не сделать ни выстрела мне,
Стрела с тетивы не помчится.
Спускаюсь я в долину. В обители той
Пусть кровь отворит мне сестрица».

И Робин к Кирклейскому скиту идёт,
Слабеют сильные ноги.
Кирклей далёк, и смелый стрелок
Совсем занемог по дороге.

Когда он добрался до скита Кирклей
И стукнул в дверное кольцо,
Сестра открывает тяжёлую дверь,
Приветливо смотрит в лицо.

Монахиня пива ему налила,
Сказала: «Садись у огня». —
«Ни есть я не буду, ни пить ничего,
Пока не полечишь меня».

«В обители тихий найдётся покой,
Тебя я туда провожу.
И, если ты просишь кровь отворить,
Услугу тебе окажу».

За белую руку пришельца берет,
Уводит в далёкую келью,
И Робину кровь отворяет она —
Кровь каплет горячей капелью.

Жилу открыла ему на руке,
Ушла, ключами звеня,
И долго точилась горячая кровь —
До полудня другого дня.

Сперва густая бежала кровь,
Потом совсем поредела,
И понял тогда отважный стрелок,
Что сделано алое дело.

Тут Робин с надеждой взглянул на окно,
Подумал – спасёт прыжок.
Но слаб он был, и но было сил,
И прыгнуть Робин не смог.

Тогда он подумал: «Уж, верно, меня
Спасёт мой рог боевой».
Подносит он рог к ослабевшим устам
И тихо дует в него.

И Маленький Джон в зелёном лесу
Услышал – зовёт стрелок.
«Не в смертный ли час он вспомнил о нас
Если тихо так трубит в рог?»

К Кирклейской обители бросился Джон,
Бежит, сколько хватит сил.
Плечом вышибает тяжёлую дверь,
Замки разметал и разбил.

«О милости, Робин, о милости я
Прошу, на колени упав!» —
Горестно крикнул Маленький Джон,
Стрелка своего отыскав.

«Что тебе нужно? – спросил Робин Гуд. —
Какой тебе милости, Джон?» —
«Позволь, чтобы этот проклятый Кирклей
Со всем вороньём был сожжён!»

Но Робин в ответ ему тихо шепнул:
«Милости этой не жди:
Женщины я не обижу вовек,
И ты монастырь пощади.

Дай мне, товарищ, мой лук боевой,
И в небо выстрелю я.
И где упадёт и воткнётся стрела,
Там будет могила моя.

Зелёного дёрну под голову мне
И в ноги ты положи,
И лук положи мой бок о бок со мной,
Что музыкой мне служил.
И дуб посади на могильном холме,
Чтоб он мой покой сторожил.

Могилу просторную вширь и в длину
Мне вырой – и люди пройдут
И скажут: «Под деревом этим лежит
Храбрый стрелок Робин Гуд!»